

Сергей ЖУКОВ

ТЕНЬ

Сергей ЖУКОВ

ТЕНЬ

Стихи, проза

Нижний Новгород
2013

ББК 84 (2Рос=4Ниж)
Ж 86

Лауреат премии Нижнего Новгорода издательство «Кварц»
Нижний Новгород, ул. Бетанкура, 29
телефон/факс: (831) 299-87-45
e-mail: izdbook@mail.ru

Составители: В.Б. Константинова, В.П. Лукин
Вступительное слово: В.А. Шамшурин
Компьютерный набор М.В. Яковлевой

Генеральный директор ГК «Кварц» Д.В. Кузин
Главный редактор О.И. Наумова
Редактор И.Г. Дементьева
Дизайн, верстка В.А. Быховский
Корректор М.К. Захарова

Жуков С.С.

Ж 86 Тень ласточки: Стихи, проза. — Нижний Новгород: «Кварц»,
2013. — 248 с., илл.

© С.С. Жуков, 2013
© В.П. Лукин, В.Б. Константинова, составление, 2013
© Издательство «Кварц», оформление, 2013

В дизайне обложки использован эскиз С. Жукова

*Звук и свет был душе моей дан
От заветных ветлужских полян...*

С. Мисюк

ПОЭЗИЯ БЫЛА ЕГО СВЯТЫНЕЙ

Истинные речники — народ степенный, основательный, и слово у них верное. Эти качества были свойственны душевному моему товарищу и незаурядному поэту, члену Союза писателей России Сергею Жукову.

Рожденный в лесном Заветлужье, он уже в юношеские годы оказался на Волге. После окончания Горьковского речного училища несколько лет работал на судах технического флота, а затем почти четверть века — инженером в филиале ЦКБ по судам на подводных крыльях, которое возглавлял выдающийся конструктор Ростислав Алексеев.

Удивительно, что это не помешало Жукову органично совместить одно с другим: работу инженера и чистую исповедальную лирику.

Тональность его стихов, их образность, проникновенность схожи с поэзией вологодского лирика Николая Рубцова, который по праву считается классиком русской литературы. Конечно, у каждого своя стезя, однако истоки одни, в чем проявляется глубинное влияние национального сознания, народного духа, тех замечательных традиций, что органически соединяют прошлое с настоящим.

К сожалению, весть из Москвы о том, что Сергей Степанович Жуков принят в Союз писателей России, пришла в день его кончины, и он не мог узнать о ней. А ведь она — убедительное подтверждение его светлого таланта, всероссийское признание его заслуг на плодородной ниве отечественной литературы. Он и теперь с нами, о чем свидетельствует это замечательное издание.

*Валерий ШАМШУРИН,
член Высшего творческого совета
Союза писателей России*

5

О невыпавших ливнях,
 о несбывшихся встречах,
О не виденных мною
 городах и селеньях,
О нехоженных тропах,
 ожидających речках,
О делах не свершенных —
 бесконечно жалею.
И, не пряча лица
 от сердитого ветра,
Я гоню — гнутся весла —
 жизни верткую лодку,
Потому что на этой
 земле заповедной
Для души моей жадной
 срок отпущен короткий.

Уходят волгари седые,
Оставив свой земной причал.
Струят дороги голубые
Осиротелую печаль,
Без суеты и шумных толков
Свои заботы и труды
И нестареющую Волгу
Передавая молодым.
Оставив золото рассветов
И росчерк чаек за кормой,
Оставив некролог в газете
С печальной черною каймой.

Но на бескрайних волжских водах
Их имена — придет пора —
Вновь воплотятся в теплоходах
И работагах-катерах.
Им будет с прежним постоянством
В борта тугая бить волна,
А с неба крабом капитанским —
Блестеть латунная луна.

ДОВЕРИЕ

Я отнюдь не о том,
Что, мол, настежь все двери,
Я о строгом, людском,
Бескорыстном доверии.

Зло не лечится злом —
Узаконено временем.
Я о добром, людском,
О прекрасном доверии.

Если лисьим хвостом
Крутит кривда — не верь ей,
Я совсем не о том
Бесхребетном доверии.

Время грозно кружит
Над планетой обветренной.
Может быть, наша жизнь —
Это чье-то доверие.

И доверчиво нам
По наследству оставлено
Все — от детского сна
До улыбки Гагарина.

* * *

Утихомирило пургу,
И светят в воздухе смолистом
Закатным бликом на снегу
Рябины
 гаснущие кисти.
Оберегая сон земли,
Стоят в строю подростки-сли.
И ветер ветви шевелит,
Как полы
 новеньких шинелей.
Раздвинул синий окоем
Переплетенных сучьев путы,
И пахнет дымом и жильем
Протяжный,
 рыхлый первопуток.

СТАРИЦА

В запах смородины
Старое русло
Погружено, словно в сон.
В буйстве кустов
Неподвижно и тускло
Светит воды озерцо.
Мимо река
Свои воды проносит,
Тащит плоты и суда.

Старое русло
Илом заносит,
И зацветает вода.
И от кувшинок,
Как будто от свечек,
Отблеск неяркий дрожит.
Лишь в половодье
По старице речка
Мутно и шумно бежит.
Старица, старица,
Что со мной станется?
Тихо шепчу,
 как мольбу:
— Мне бы душой
До поры не состариться.
Мне б не такую судьбу.

* * *

Предрассветная тишина
С синевой перемешана густо.
От сиреневого окна
Начинается росная пустошь.
Осторожно шуршат шаги,
Кто-то ведра водой наполняет,
И размеренные шлепки,
Колыхаясь, бадья роняет.
Пробужденья тревожный звук,
Ты как доброе обещанье,
Словно зла не хранящий друг
Прикоснулся легко и печально.
Как значителен каждый штрих!
Как замедленно время длится!

Тень печали с лица сотри,
Тонкий луч лови на ресницы
И, окно распахнув в весну,
Будто в детстве, с волнением услышишь
Предрассветную тишину
В розоватом цветении вишен.

* * *

Средь трав и чистого песка,
Прозрачной свежестью богата,
Течет любви моей река,
Светло журча на перекатах.

Березы в заводи двоит,
Дыша смородинным настоем,
И долго в омуте стоит
Бездонной горькой немотою.

Течет в напевные луга
Под небом васильковым летним,
Прибив к низинным берегам
Весь мусор шепотков и сплетен.

Не просто праздная вода,
Что лишь луну качает ночью,
Тащить ей будни, как суда,
И годы, как плоты, ворочать.

Средь трав и чистого песка,
Полна и радости и грусти,
Течет любви моей река
К еще неведомому устью.

СРУБЫ

На бугре у тропы
Встал уверенно, плотно
В кучах желтой щепы
Сруб смолистый, добротный.
Этот труд испокон
И любим, и привычен.
Поплевав на ладонь,
Соблюдая обычай,
Плотник чисто и ровно
(Ну да что там — азы!)
В сладко липнувших бревнах
Вырубает пазы.
Он рожден на Руси,
Этот терем просторный,
Пятистенок красив,
Словно ямб пятистопный.
Пусть пока не украшен
Он узорной резьбой,
Но уж духом домашним
Навевает порой.
Старый плотник не тужит,
Рубит он с огоньком;
Будет прочих не хуже
Новый рубленный дом.
Он спешит неспроста:
Скорой свадьбы примета —
Срубов теплый янтарь
В темной зелени лета...

* * *

С хорошей завистью смотрю:
Работа знатная у парня.
Он хлеб развозит поутру
Из вкусно пахнущей пекарни.

Он весел, верно, оттого,
Что каравай похож на солнце
И в магазинах для него
Есть персональное оконце.

А щеки, словно калачи,
Горят под сбитою ушанкой.
Как мироздания кирпичи,
Лежат душистые буханки.

ГАРЬ

Как историк бережный в скрижалях
Видит отзвук пролетевших лет,
Так и мне от прошлого пожара
Здесь заметен незаживший след.
На поляне горько и зловеще —
Сосен уцелевшие стволы,
Огненным дыханьем искалечен,
Старый дуб чернеет без листвы.
Но в земле, под влажной пылью пепла,
По весне вдруг ожили ростки,
К солнцу пробиваются, окрепнув,
Молодые, тонкие дубки.
На спине сутулого пригорка,
Зеленью игольчатой дрожа,
Сосенки пушистые примолкли

Задремавшей стайкою ежат.
Дрогну отболевшею печалью,
Мне знакома горькая зола:
Как пожар по солнечной поляне,
По моей душе беда прошла.
И во мне отчаянье, бессилье
Полыхали, как огонь в лесу,
От всего, что бережно растилось,
Оставляя только гарь и сушь.
А потом сквозь немоту тоски
Пробивались вновь надежд ростки.

ЛИВЕНЬ

Над протокою клонится верба,
Шалый ливень без удержу льет.
То река, нагулявшись по небу,
Возвращается в лоно свое.

АРТЕЛЬ

Над туманною Камой
Горизонт золотист,
С золотыми боками
Выплыл солнечный диск.
Мы по утренней Каме,
Где заря как костер,
Сети грузные тянем,
Цедим синий простор.
И уж с первой попытки
Клад нашелся на дне —
Серебристые слитки
Бьются круто в мотне.
Ближе дня половина,

Жарко солнце печет,
Мы мокры, как налим,
С нас ручьями течет.
И с наваром янтарным
Ждет уха в котелке,
Нам положено, парни,
Покурить в холодке.
На земле отдыхаем,
Мягче пуха постель!
Молодая, лихая
Трудовая артель.

ГРАД

Первопричина всех небесных склок,
Характер вздорный проявляя к ночи,
Ворчит меж темных туч Илья-пророк,
Грозовый ливень сумрачно пророча.
И пряный запах источает луг.
Ему пока ни холодно, ни жарко,
Но вот, отбросив призрачную мглу,
Сверкнула вспышка, как электросварка.
Слепящий вихрь застал меня врасплох,
Порвалась с треском неба парусина,
Как из мешка просыпанный горох,
Холодный град обрушился в осинник.
И началось! В реке вода бурлит,
Взметнулись сосны — пойманные птицы,
И от ударов старческой десницы
То лед, то пламень с высоты летит!
Всю ночь не унимался ералаш,
И сотрясался старенький шалаш...
А поутру смородины листья

Зарю с ладоней влагою поили,
Набрякшие, тяжелые кусты
Без искажений в омуте двоились.
Трава лежала никлая, густая,
И воздух был прозрачен и глубок,
И град, что по ложбинкам не растаял,
Чешуйчато блестел,
Как рыбий бок.

* * *

Холодом желтым и звонким крылом
Близится осень.
Грузно качаются в небе ночном
Звезды-колосья.

Месяца серп те колосья сожнет
Раннею ранью,
Память пробудится, сердце сожмет,
Заново рая.

Утренний иней поля забелил,
Стынут деревья,
Голубоватый туман застелил
Крыши деревни.

В памяти пчелы надрывно гудят
Цветом и маем.
Я без тебя, как река без дождя,
Пересыхаю.

* * *

Мы руки греем у костра,
Мы все озябли и устали.
Белеет изморозь с утра
Искристой пылью на металле.

Того гляди, пойдет шуга.
Как поздно, пусто и тоскливо!
К сосне под теплые бока
Березки жмутся сиротливо.

Осенний день — как тяжкий вздох,
Туманный полог землю кроет.
И снится ночью сизый мох
И клюква капельками крови.

СТИХИ О КАПУСТЕ

Забыв банальный спор о вкусах,
Капусту запасаем впрок.
Хрустит под тяпкой лист капустный,
Как утром под ногой ледок.

С прожилками на тонкой коже
Лежат тугие кочаны,
Насквозь под сотнею одежек
Тяжелым холодом полны.

Продукт не слишком знаменитый,
О нем с улыбкой говорят,
Что, мол, гостям подать — не стыдно,
Не жалко — если и съедят.

И вкусен сок с приправой пряной,
И кадка в обручах трещит,
И тот, кто поработал рьяно,
Оценит огненные щи!

Ей не тягаться с хлебом-солью,
Но и забвенье не с руки,
Когда на праздничном застолье
Капустой пахнут пироги!

* * *

Деревья ночами не спят,
Язык обретая и душу,
О чем меж собой говорят —
Не всякий сумеет подслушать.
Подернуты угли костра
Багровым неярким налетом,
Туманы ползут до утра
На дымчатых лапах от плеса.
Когда погружаешься в сон,
Как в теплую лунную речку,
Меняется шорох лесов
На звук человеческой речи.

* * *

Где все ярче краснеют рябины
И светла акварельность берез,
Черных ягод упали дробины,
Куст крушины осыпав вразброс.

На поляну летит паутина,
 Тянет духом грибным на тропу,
 Сквозь слегка пожелтевший осинник
 Просеивается солнце в траву.
 Среди всяких излишеств и новшеств,
 Шелухи сувенирно-пустой,
 Сохранен берестяной тот ковшик,
 Что пропах родниковой водой.
 И под небом неистово-синим
 Та знакомая светлая боль,
 То бездонное чувство России,
 Что угаснет лишь вместе с тобой.

* * *

Опять желтеет в дубняке
 Листвы латунная чеканка,
 И легкий оттиск на песке
 Кулик оставил спозаранку.
 Теперь особая пора
 У отцветающего лета,
 Как птица пестрого пера,
 Леса изменчивого цвета.
 Туманы ночью холодней,
 В реке идет вода на убыль.
 И стали чуточку грустней
 Твои обветренные губы.
 Не слышно лепета реки.
 И лишь с просушенных покосов
 На замершие поплавки
 Летят трескучие стрекозы.

* * *

Колышется месяц на небе,
Как в речке арбузная корка.
И теплая, тонкая верба
Затихла на темном пригорке.

Умчались ветра, словно кони,
На травах — студёные капли,
Обрызгана синяя пойма
Рябиновым соком заката.

И снова неслышно и низко
Туман целину свою стелет,
Вздываются, как обелиски,
Седые безмолвные ели.

Какие б ни мерялись версты,
Какие б ветра ни носились,

Но те же бессмертные звезды
Спокойно горят над Россией.

* * *

Забросил удочки старик
У края узенькой протоки,
Дождями вымытый ботник
Застрял в раздвинутой осоке.
Он грыз обкурённый мундштук,
Вздыхал, о прожитом, наверно,
И на кистях тяжёлых рук
Ручьями разбегались вены.

Менял насадку изредка
Кривыми пальцами неловко.
Мешали думам старика
Ершей свирепые поклевки.

Из книги «Родство» (1982 г.)

* * *

Прийти на утренней заре,
Пока дорога не пылится,
Туда, где клонится к земле
Отяжелевшая пшеница.

В прохладный августовский дым
Укутан придорожный вереск.
Сменился шорохом сухим
Колосьев шелковистый шелест.

И думой главной своей
Земля поделится с тобою
О том, что нет иных полей:
Иль жатвы поле,
Или боя.

НА «МЕТЕОРЕ»

Как ямщик, ветер весело гикнет,
Загорится в полнеба восток...
Нынче в моду вошла элегичность
И забыт простодушный восторг.
Потому на себя напускаем
Снисходительной скуки туман:

Дескать, многое видели, знаем,
Только все суета, кутерьма...
А река как невеста нарядна,
И, родство с этим миром даря,
На душе поднимается радость,
Как под ветром знобящим заря!
Что ж, поэзия, будь глуповатой,
Как ребенок, труби во трубу,
Но не будь никогда глуховатой,
Равнодушной и тусклой не будь!
В этом мире, на беды не скудном,
Продолжай свой стремительный ход,
Ты, поэзия, быстрое судно.
Крылья скрыты — но виден полет!
От причала и до причала
Отзывайся восторгом в сердцах,
Чтоб случайные брызги печали
Быстро таяли на губах.

НОЧНЫЕ ДОЖДИ

Безмятежной, тихою порой
Загорланит взбалмошная птица.
Крик, как оброненное перо,
Долго будет в воздухе кружиться.

Среди ночи забормочет дождь,
Шелестеть начнет листвою зыбкой.
Ты припомнишь вдруг и перечесть
Все свои обиды и ошибки.

Скрипнет половицей старый дом,
Тронет ветер гулкие стропила.
Многое припомнишь. И стыдом
Обожжешься, будто злой крапивой.

* * *

Нам много в юности прощалось:
И матерей немая боль,
И необдуманная шалость,
И скороспелая любовь,

Но если зрелость наступает
И юности развеян дым, —
Чем меньше сам себе прощаешь,
Тем дольше будешь молодым.

ЩУКА

Оделась зеленыю ветла,
В лугах трава полезла густо.
Вода весенняя вошла
В свое обыденное русло.

В болотце, пахнущем лозой,
Жильцам на страх и на заботу,
Забывтая большой рекой
Осталась щука с икромета.

Под тенью от густых ветвей,
В воде коричневой и душной
Что делать, одинокой, ей
Среди ликующих лягушек?

Когда дрожит рассвета мгла,
Она со дна всплывает грозно
И тычет носом в берега,
Хвостом разбрызгивая звезды.

* * *

Завороженный синевой,
К реке, как в детстве, потянулся
И над высокою водой
Я резким ветром задохнулся.

Крошился ноздреватый лед,
Я отхлебнул водицы талой.
С небес по капле, словно мед,
Теплынь прозрачная стекала.

Идут на север облака,
К востоку — медленные льдины,
И тонкий скальпель ручейка
Прорезал вымерзшую глину.

Дождался я весенних дней!
Уж скоро в праздничной рубаше
Вдали запляшет на волне
Веселый подновленный бакен.

Одарит талая вода
Текучей мощью непокая
И складку горькую у рта
Разгладит мокрою рукою.

СОН ДЕТСТВА

В. III.

Мне этот сон запомнился. Лечу
Как птица, без винта и без мотора,
Свободно и легко, куда хочу,
Несомый лишь мальчишеским восторгом,

Холодной и раздольной синевой,
Над крышами знакомыми поселка,
Над рощицей с желтеющей листвой,
Над речкою в корягах и осоке.

Плывут стога на скошенном лугу,
И кладбище — в березняке и соснах.
От слез я удержаться не смогу:
Могилы здесь не отыскать отцовской.

Как камень, боль меня потянет вниз.
Коль ты не паутинка и не птица,
И не осенний бесприютный лист, —
Летать над этим местом не годится.

Костер забытый вижу у реки
И добрую учительницу в школе.
И грустно смотрит мать из-под руки
С разрытого картофельного поля.

* * *

Ты уходишь налегке,
Под ногой песок, ракушечник.
Проплывает вдалеке
Теплоходик, как игрушечный.

Белой льдиной в вышине
Туча легкая растаяла.
Ты тоску разлуки мне
От щедрот своих оставила.

Там, за дымкою годов,
Позабудется, что сказано,
Но цепочкою следов
Мы еще пока что связаны.
Из рассвета вся, приснись,
С солнцем выжженной прядкою,
И останься, сохранись
Неразгаданной загадкою.

Вот идешь ты налегке,
Молодая, беззаботная,
Пропадая вдалеке
Легкой птицею на отмели.

* * *

Дожди налетели внезапно
На этот болотистый край,
И волглый березовый запах
Меня поднимал по утрам.
Под острые свисты осоки,
Под шорох глухой камыша
Какой-то печалью высокой
Неясно томилась душа.
И слышалось мне, как сквозь тело
Текли эти летние дни.
И птица веселая пела,

В лесной укрываясь тени.
 В холодных просторах распластан,
 Как гений полета и зла,
 Добычу высматривал ястреб
 И тень по суглинку ползла.
 Все помню: и влагу ненастья,
 И холод замшелых камней,
 Но то, что тогда я был счастлив —
 Понять довелось мне поздней.

КОРАБЕЛЬНЫЕ СОСНЫ

Проплывают вдали корабли,
 А под ветром, холодным и острым,
 На песчаной полоске земли
 Встали в ряд корабельные сосны.

Наступила иная пора:
 Побродяжив по белому свету,
 Бригантины и клипера
 Канули в Лету.

Сталь и дерево
 кончили спор.
 Не становятся мачтами сосны,
 Лишь названия свои с давних пор
 Носят с гордостью, словно матросы.

ЛИПА

Медленно проходят над равниной
 Тихие, как думы, облака.
 Лета травяная половина
 Убрана в высокие стога.

Слушаю раскидистую липу,
Что шумит чуть слышно надо мной,
Разговор колеблющихся листьев
С ветерком и поймой луговой.

Мой поклон тебе, лесное диво,
И твоей зеленой высоте!
Мать моя когда-то приходила
Под твою узорчатую тень...

Вот и я коснусь ствола щекою:
Ствол морщинист, и кора груба.
Осторожно уношу с собою
Легкий привкус меда на губах.

ОДНОГОДОК

Ненадолго приехав домой,
Я его повстречал на рыбалке.
Он сидел, как кулик над водой,
В полинявшей от пота рубахе.

Детство вспомнили, и разговор
Повели мы в рассветном затишье:
Как он жил-поживал до сих пор,
Как семейство, работа, детишки.

Я по свету довольно бродил,
Все искал то удачу, то волю;
Он в бесхитростной жизни делил
С малой родиной честную долю.

Не чужие на отчей земле,
Хоть и встретились вроде случайно,
Отчего же на ясной заре
Мы друг другу завидуем тайно?

* * *

Устали и спали с лица,
Буксует бессильно трехтонка,
А полю не видно конца
В крутящихся снежных воронках.

А вьюга бушует во мгле,
В неистовом мчится порыве,
Как будто опять на земле
Настал ледниковый период.

Лишь фарные, в мути, лучи
С трудом на два шага пробились,
Да рядом березка торчит
Холодным изогнутым бивнем.

Надейся, терпи и молчи,
Друг к другу прижавшись в ночи,
Теплом согревая друг друга,
Пока не окончится вьюга.

* * *

Штрихи темнеют
На стволах берез,
И новый штрих
Чуть выше, чем вчерашний.

Вот так мы в детстве
Проверяли рост
На косяке отметкой карандашной.

ЗАВЕТЛУЖЬЕ

Вот и кончилось жаркое лето,
Небо выжжено до синевы.
Прихожу на окраину леса
В желтый шелест усталой листвы.

Примечаю, внимательный странник,
Как получше укрыть норовит
Свой округлый коричневый пряник
Среди ельника гриб боровик.

Буду помнить глубокие плесы,
Заповедный диковинный лес
И прибрежные эти березы,
И на отмелях жерехов плеск.

* * *

Высоко поднялись берега.
Вверх по тропке идешь как по трапу.
Отступили, растаяв, снега,
И пошли в наступление травы.

Самоходные баржи идут
Стародавней своею дорогой.
Облака над обрывом плывут
Так, что можно рукой их потрогать.

И, себя не умея спасти,
От неясной тоски обмирая,
Деревенька, пустая почти,
Что ни год, приближается к краю.

* * *

Мягко стелется дым
 над трубою,
Ветер дразнится запахом щей.
Посыпает крупой ледяною
Опустевшие гнезда грачей.

Бойко ищут вороны
прокорма,
При дороге рябину знобит,
И река полыньей непокорной
Под мостом все шумит
и шумит.

Скрип колодца
как символ терпения,
Старых яблонь
разросшийся сад

А когда сквозь бездонную
 полночь
Вдруг проглянет в окошко
 звезда,
Ты проснешься,
 и сердце наполнит
Чувство родины,
 чувство гнезда.

* * *

Шлепались в кучи на лед
Выцветшие и худые
Жалкие тряпки сирот,
Вдовьи обноски скупые.

С ревностью горькой такой
Бабы подметили зорко,
Что из всех у одной
Мужнина есть гимнастерка.

* * *

Выпал снег на продрогший причал,
Лодка дергает цепь, как живая.
Отчего же ты затосковал,
Словно эта земля — неродная?

Перелесок с далеким жильем,
С добрым словом и добрым ночлегом.
Облака, как подушки пером,
Переполнены доверху снегом...

Стали светлыми берега,
Стали резче и ближе деревья,
И шуршит, и скребется шуга,
Как озябшая кошка под дверью.

НОЧНАЯ СЕСТРА

Когда голова раскалялась
И боль подступала, остра,
К постели твоей приближалась,
Как ангел, ночная сестра.

Тревожна больничная полночь
И смутен прерывистый сон.
Ты утром, быть может, не вспомнишь,
Что был среди ночи спасен.

А может, пронзительно ясно
Впервые почувствуешь ты:
На свете не сыщешь лекарства
Сильнее людской доброты!

И яблоком стукнет в окошко,
Под ветром качнувшись, дичок,
Как будто бы детский продрогший,
До боли родной кулачок.

Ты жизнь начинаешь сначала,
Ты день начинаешь с утра.
Уходит со смены устало
Твой ангел — ночная сестра.

* * *

Птичьих лап за окном перестук.
Почернела макушка пригорка,
И веселой горошиной звук
В голубином катается горле.

Встать пораньше и хлеб раскрошить,
Тронуть пальцами теплый наличник.
Это славно придумано — жить,
Только жалко, что срок ограничен.

Разгорелась полоска зари,
Позабыты метели и стужа.
Как ручьи, булькуют сизари
И в апрельских полощутся лужах.

* * *

Разгладит ветер на пробор
Омытую дождями хвою.
Аукнется сосновый бор
С моею юностью, с тобою.

* * *

В середине июня,
В середине июня
Еще пахнет дождями
Недалекая юность.
Нет пока что причины
Для тоски и кручины,
И еще не чернела
Над водою крушина.
Ветер ласковый с юга,
Тополиная вьюга,
И представить нам трудно,
Что разлюбим друг друга.

НА ПАСЕКЕ

Тропинка бежит через ельник,
Как ящерка кроясь в траве.
Березки, поляна и пчельник,
Жужжанье и гул в синеве.

Цветут по лугам медоносы,
Стоят золотые деньки,
И скоро на праздник покоса
Пойдут на заре мужики.

Мне кружку душистого чая
Хозяин нальет не одну
И грустно вздохнет, начиная
Свой долгий рассказ про войну:

— Ты мне растолкуй, отчего так:
Давно уж минула пора,
А те душегубные годы
Я помню, как будто вчера...

* * *

Тоской о прожитом не мучаясь,
Один на острове живу.
Коряга со спиною щучьёю
Вросла под берегом в траву.
Смотрю, как над спокойным озером
Горит прозрачная заря.
Лягушки, глянцевого в прозелень,
Лежат на дне, как якоря.
Порежусь тонкою осокою,
Умоюсь теплою водой,
Утешусь раннею, высокою,
Зеленоватою звездой.

Но стоит ветерку над поймою
Шепнуть об имени твоём, —
Как на кукане окунь пойманный,
Заходит сердце ходуном.

КЛЮКВА

На чистой холстине рассыпана клюква.
От жадности маюсь оскоминой лютой.

Гордится береза в окне позолотой,
И пахнет чуть слышно осенним болотом.

Весь день моя мать и веселые сестры
Поют, очищая каленую россыпь.
И шутят они надо мной незлобиво,
И все это помнится — близко, любимо.

СТЫД

Озорная толпа пацанов
Просто так, от безделья и скуки
Повалила поленницу дров
У глухой одинокой старухи.

Смех подростков жесток и нелеп.
Но веселие разом отшибло:
Что-то вроде проклятья вослед
Донеслось к нам протяжно и хрипло.

Много раз обновлялась листва.
Опустела старухина хатка.
Если годы сложить, как дрова,
Неподъемная выйдет охапка.

Но упорнее день ото дня
Прошлый стыд мою душу тиранит:
Чую сердцем, что скоро меня
То проклятье из детства достанет...

* * *

Деревня звалась Красногором,
Красивой на редкость была,
И липа столетняя гордо
Над нею, как туча, плыла.

По осени жарко желтея,
Березы стояли стеной...
— Какая избитая тема! —
Мне скажет читатель иной.
Избитая — горькое слово.
Избитая жизнью, войной.
Там быстро состарились вдовы,
Справляясь с работой мужской.
Деревня была на отшибе,
Землица — суглинок, подзол,
Дороги разбитой ухабы,
И лес закрывал горизонт.
Не спору с техническим веком,
Ему эта боль — не в укор,
Но чувством живым человека
Деревню мне жаль Красногор.

* * *

На палубу выйдешь — луна,
Как яблоко с крупным надкусом.
Гуляет крутая волна
И ветер, пропахший арбузом.

Под искоркой первой звезды
Сквозь сумрак смогу увидеть я:
Стоит возле самой воды
Девчонка в сиреневом платье.

Ей только семнадцатый год,
А жизнь неизведанным дразнит,
По Волге в огнях теплоход
Идет, как сверкающий праздник.

Девчонка мне машет рукой
 На счастье, на скорую встречу,
 И воздух над темной рекой
 Закатом весенним просвечен.

ВСТРЕЧА

Тусклая погода. Полумрак.
 В мокром парке низкая скамейка.
 Подошел ко мне один чужак
 В сапогах и старой телогрейке.
 Ржавый лист усыпал всю аллею.
 Скоро заморозит, скоро снег...
 Он сказал мне:
 — Я людей жалею...
 Помолчав, добавил тихо:
 — Всех.
 Я сидел, угрюмый, и курил,
 А во тьму походкою неспешной,
 Как вопрос, сутулясь, уходил
 То ли гений, то ли сумасшедший.

* * *

Пришел солдат с войны живой,
 Был путь его тяжел и долог.
 Ненагражденный рядовой
 Под сердцем нес тупой осколок.

А дома встретила жена
 И мать, и выросшие дети,
 Но искалечила война —
 Недолго пожил он на свете.

Схоронен в отчей стороне,
Где рощицы покой и дрема.
Над ним белеют по весне
Салюты тихие черемух.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

1

Бродим мы босиком по траве,
Возле речки визжит лесопилка.
Сводит скулы зеленый щавель,
Треплет ветер вихры на затылках.

Что для детства утраты и скорбь?
И в сиротстве есть малые блага:
Нас влечет неоглядный простор
Да прохладная темень оврагов.

Это наши в реке пескари
И грибы на прогретых опушках.
По лесам от зари до зари
Мы живем, как худые зверушки.

Только изредка, ночью, во сне,
Как заброшенному котенку,
Сладкой сказкой привидится мне
Молока золотистая пленка.

2

Во всей округе яблоня одна,
А мать лежала, тяжело больна,

Металась мать в горячечном бреду,
И я подумал — яблочк украду.

Пустяк — перемахнуть через забор,
И огородный вор — совсем не вор.

...Неси хоть молодильных, хоть простых,
Я знаю: не возьмет и не простит.

3

Сторож застиг пацанов
В желтом гороховом поле,
Вскинул ружье, но не смог
Выстрелить жгучею солью.

Лес уже недалеко,
Ругань доносится глухо.
Мы убежали. Легко
Бегалось нам с голодухи.

4

Сиянье утренних берез
И мать, ослепшая от слез...

И мне захочется понять,
В себя захочется принять
То горе, что согнуло мать...
И детство я начну терять.

* * *

Грозою разбитая ель
Над лугом покосным с цветами.
Опять привела меня к ней
Моя потаенная память.

Делянка и смешанный лес.
Когда-то живые и в силе
Вот здесь моя мать и отец
Траву возле речки косили.

Все кажется мне, что сейчас
Их где-то за стогом увижу,
И встречи желаемый час
Яснее, возможней и ближе.

СТОГ СЕНА

Плотный снег рукой развороши —
Глянет луг в твое лицо приветно.
Оживет и тихо зашуршит
От морозов спрятанное лето.

Запах сена, легкий и сухой,
Воскрешает среди зимней стужи
Летний благодатный травостой,
Теплые пузырчатые лужи.

Будто снова радуга встает
В солнцем освещенном небокрае,
Будто рядом женщина поет,
Волосы рукой перебирая.

Облака у голубой воды
Молоком вчерашним закисают.
На траве заметные следы —
Здесь по лугу шла она босая...

Кто сказал, что лета не вернуть?
Вот оно, в стогу укрылось, близко.

Светятся и блещут на ветру
По сугробам солнечные искры.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он присел возле дома на бревна,
В мелкой луже сияет луна.
На заборчик с малинником ровным
Свет уютный течет из окна.

Никуда эти годы не денешь,
Замывается круг наконец.
Он вернулся без славы и денег,
Бывший муж и забытый отец.

Где-то воет надсадно собака,
Дольше слушать ее нету сил...
То ль закашлялся, то ли заплакал
И окурком в луну угодил.

* * *

Дороги гулкой гололедица
Блестит под низкою луной,
И тонкий ковш Большой Медведицы
До края налит тишиной.

Иду походкой осторожною,
Пустынна полночь и тиха,
И лист на ветке потревоженной
Вдруг хрустнет остро, как сухарь.

В лесах привал последний сделала
Осенняя глухая тьма.

Закружат в поле мухи белые,
Проснешься утром — и зима!

Пред этой жданною внезапностью
Не утаить мне ничего...
Ну а пока — бреду на запахи
Тепла и кровя своего.

РОДИНЕ

Жизнь пролетит быстротечная,
Верю, останется вечное:
Сосны твои корабельные,
Песни твои колыбельные.

* * *

Утро догорело, как свеча,
И угасло в сумерках безликих.
Еле слышно дождик простучал
И в бору рассыпался брусничкой.

Время успокоенности чувств,
Время затаенности природы.
Я негромкой музыке учусь
У леса, что разрезает воду,

У былинки в поле, у ручья,
У сторожкой одинокой птицы,
У реки, что катится журча.
У кого же мне еще учиться?

* * *

Ветер стих. Прояснилась погода.
Елок тыщи, людей — никого.
Одинок встречает природа
Новогоднее торжество.

И чем дальше, тем глуше и глуше,
Ни дороги, ни малой тропы.
Тихо ели стоят без игрушек,
Осыпая морозную пыль.

Но по хрусткому чистому снегу
Лыжный след пролегает, светясь,
Словно тонкая нить к человеку,
С ним еще сохраненная связь.

ПАМЯТИ БРАТА

Увижу так ясно и близко
В селе невеликом моем
Безмолвную боль обелиска
Со списком погибших на нем.

Знакомые горькие даты,
Как прошлого грозная весть.
Здесь имя простого солдата
С моею фамилией есть.

Давно, еще малым ребенком,
Я видел, как мать из стола
Потертый листок похоронки
В минуту печали брала.

Я сам разобрался с годами,
Что разной бывает беда.
По мне
Вот такими слезами
Не плакала мать никогда.

На картофельном поле —
 пустая ботва,
В омутах под коряги
 уходит плотва.
По сырому оврагу
 бренчит ручеек,
Будто в старенькой школе
 тревожный звонок...

Тонким ледком затянулась
За ночь в колодце вода.
Утром туда заглянула
Лучиком острым звезда.
Легкий узор начертила,
Будто иглой проведя.
Пленку ледка раздробила,
Сверху ударив, бадья.
Женщина молча тянула
Заиндевелую цепь,

С валенок снег отряхнула
 На невысоком крыльце.
 Стекла в избе посветлели,
 Утро уже на дворе.
 Долго о чем-то звенели
 Льдинки, толкаясь в ведре.

* * *

Уже крылами журавлиными
 Осенний вычерпан закат,
 И ночью тихой и длинной
 На небе частый звездопад

Да свет негреющий от месяца.
 Недвижна, как стекло, вода.
 И лишь душа уравновеситься
 Никак не хочет, вот беда.

* * *

Подступили всерьез холода.
 Среди поля белеет береза,
 Словно брызнула кверху вода
 И мгновенно в полете замерзла.

Я люблю эти ясные дни,
 Оголенных просторов свеченье.
 Снега легкого горсть зачерпни —
 И коснется тебя очищенье.

Осыпая игольчатый блеск,
Бросив синие тени наклонно,
Чуть колышет диковинный лес
В тонком звоне холодные кроны.

* * *

Нет закадычного друга. Беда.
Омут не тот, и рыбалка не та.

Кружит на стрежне вода, круговерть,
Птицы поют, и не верится в смерть.

Рядышком плавали
 два поплавка,
Нынче одним озорует река.

Вспомню веселого, вспомню живого,
В речку верну половину улова.

* * *

Закат иссякнет в небесах,
Ветра по-зимнему подуют,
И я услышу голоса —
То грозно ели негодуют.

Береза ветками стучит.
Скрипит промерзлая осина.
Полощется в глухой ночи
Пурги тугая парусина.

Когда и птицы и зверье
Спасенья ищут и ночлега,

О преимуществе своем
Печально думать человеку.

Когда ни огонька, ни звезд,
Все в белой круговерти тонет.
И только лес на много верст
Грозится, жалуется, стонет.

* * *

Гуляют ветра на приволье,
Спешат распрощаться с зимой.
И вскрылось весеннее поле,
Как озеро с черной водой.

С рассвета и до заката,
Приветствуя шумом весну,
В нем трактор дымит, будто катер,
Ведя за собою волну.

* * *

Наша среднерусская весна —
Хвойный шорох над сугробом талым,
Глинистого яра крутизна,
Голики речного краснотала.

По колени березняк промок,
И на ветках сумеречных елей
Прошлогодний повисает мох,
Будто ключья спутанной кудели.

Синева из рыхлых облаков
Мне пророчит ясную погоду.

Оттого ли дышится легко,
Оттого ли глазу так вольготно?

* * *

В те незабытые года
Во мне мелодия звучала.
Она, как вешняя вода,
Меня пьянила и качала.
Твой образ в снах моих витал,
Склонялся нежно к изголовью,
Твое я имя повторял,
Как заклинание любовью.
А утром — мир распахнут вновь
И все доступно и подвластно,
И рифма старая «любовь»
Была по-новому прекрасна.
Не это ль юности беда:
Не ценим то, что мы имеем.
Не мог поверить я тогда,
Что будет жизнь любви длиннее.

ХЛЕБОЗОРЫ

Будет к ночи большая роса,
И в прохладном покое
Не шелохнется поле овса,
Отдыхая от зноя.

И выходит в поля тишина,
Как девчонка босая.
Разве можно заснуть?
Не до сна —
Хлебозоры играют.

* * *

Заварим ушицу под липой.
И будем смотреть на закат.
Ты был бы, наверно, счастливей,
Когда бы не память утрат.

В лугах одинокая лошадь
Бредет средь густой тишины.
Ты был бы, наверно, моложе,
Когда бы не годы войны.

Душа очищается детством
Под искоркой яркой звезды.
Нам попросту некуда деться
От этой земли и воды.

Туман над рекою белеет,
Трепещет живинка костра.
Мы были б слабей и беднее
Без этих деревьев и трав.

* * *

Стриж напился воды на лету,
Словно пуля, скользнул рикошетом
Над заливом, над бледным рассветом,
В золотую ушел высоту.

Окунь выплыл из темных глубин,
Отсверкнул темно-бронзовым боком
И глотнул ветерка ненароком —
Он стихии иной властелин.

Даже взглядом тебе не солгу,
 Если ты, равнодушная,— мимо,
 Просто ты из чужого мне мира,
 Где я жить и дышать не могу.

* * *

Время поздних осенних щедрот.
 Что яснее его и тревожней?
 День кленовым листом соскользнет
 В луговое мое бездорожье.

Холодящую хрупкость груздей —
 Поминанье ушедшего лета,
 Омутных золотых окуней
 Как подарок прими напоследок.

И, взглядевшись в бездонную высь,
 Где проносятся птицы и листья,
 У осенней поры поучись,
 Для начала хотя б бескорыстью.

ОСЕННИЙ НОЧЛЕГ

Проснусь тревожно и мгновенно,
 Как задремавший рулевой.
 Горчит привянувшее сено,
 Звезда блестит над головой.

В ночных просторах необъятных
 Стою, продрогший, одинок.
 Вот Марс мерцает красновато,
 Как папиросный огонек.

Достану из кармана спички,
Нет, я не слаб и не убог;
Ответная, земная, вспышка —
Привет тебе, небесный бог!

* * *

Скоро якорь поднимет баржа
И уйдет от стоянки надолго,
Потому что сумели отжать
Тучи в небе худые подолы.

Волны пену несут на песок,
Над рекою тревожно и сыро,
И доносится хриплый гудок
И сопенье речного буксира.

Вот и ласточки выше взвились,
Всплеск воды — просыпается рыба!
Значит, скоро небесная высь
Синевою плеснется в разрывы.

Затянуло прибрежным песком
Отпечаток отчалившей лодки,
И лениво смывает дождем
Женский след, торопливый и легкий.

* * *

Голос родины — рек и лесов,
Им не даром душа заполнялась,
Оттого ли для прочих красот
В ней пространства почти не осталось?

Будто музыку, слышать я рад,
Обо всем на земле беспокоясь,
Как столбы одиноко гудят
У забрызганных грязью околиц.

Провожая весенние льды,
Ожидаю грачиные стаи
И ольхи расцветающей дым
С наслаждением жадным глотаю.

* * *

В толчее, в духоте, на вокзале
Ту, что мучила смутной тоской,
Отыскал он случайно глазами
И почувствовал в сердце укол.
Подкатило под горло удушье,
Крик застрял. И глуха, и слепа,
Засосала ее равнодушно,
Закрутила в воронку толпа.
Как же много на свете народа!
Через час, задыхаясь, без сил,
Долго пил он холодную воду
И у двери вокзальной курил.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Ветер тронул вершины, но лес еще спит.
В чаще воздух прохладен и крепок, как спирт.
Треснул сук — и тревожная птица взлетает.
Светает.

Родниковой водицы попою из горсти.
Мне мгновение это нельзя пропустить —

Как туман по лощинам слабеет и тает.
Светает.

Бухнет рыба, качнется листок на волне,
В заповедном бору, в небесах и во мне
Так привольно, широко, что слов не хватает,
Светает.

Сине-алая да золотая вода.
В неизбежность рассвета я верил всегда,
И признание в любви с губ невольно слетает.
Светает.

* * *

Вот мы стоим у весенней реки,
У одноклассницы руки тонки.
Руки тонки и ключицы торчат,
Ивы прибрежные остро горчат.
От поцелуя — холодный озноб,
Юность, восторженность, ветер сквозной.
Речка гудит, как в мороз провода,
Талая нас отражает вода...
Лет через двадцать мне под ноги
Каспий
Те отражения выплеснет наспех.

ДАЛЬНИЙ СВЕТ

1

Где-то в мире далеком, ином,
Запах дыма и вялой листвы.
Мы с сестрою устали и жжем
В огороде костер из ботвы.

Как нам радостно, боже ты мой,
Отдохнуть на разрытой земле!
Понесем мы картошку домой,
Испеченную в жаркой золе.

Так светить уж теперь не дано
Одинокой звезде в небесах.
Смотрит мать на дорогу в окно,
Костерок догорает впотьмах.

2

Снится все чаще, все горестней мне
Старая мать в деревенском окне.

Полночь глухая, пустынно, темно,
Но негасимо сияет окно!
Руки к нему простирая, бегу,
Только приблизиться все не могу.
Трудно дышать, и в груди стукотня:
Дальше и дальше оно от меня.

ПРИЧАЛ

Растаял «Ракеты» крылатой
Стремительный силуэт,
А он, по-мужски угловатый,
Насупившись, смотрит вслед.

В иное призванье поверя,
Рванет свой причальный канат,
Захочет покинуть берег
И плыть куда окна глядят.

Потом, в ожидании встречи,
Работает, как всегда,
И тихо квадратные плечи
Ему омывает вода.

В печалях, в разлуках, в заботах:
Ему как награда дана
Работа, простая работа,
Которая людям нужна.

* * *

Подернуты угли костра
Багровым неярким налетом.
Туманы ползут до утра
На дымчатых лапах от плеса.

Когда погружаешься в сон,
Как в теплую лунную речку,
Меняется шорох лесов
На звук человеческой речи.

* * *

Птица вольная, повремени
Перед дальним таким перелетом
И крыло благодарно склони
Над холодным осенним болотом.

Что оставишь? Брусничник да мох,
Чернолесья простудную тряску,
Можжевельника сизый дымок
И трясины поблеклую ряску.

Слышу я — твои перья скрипят,
И с тобою, мой друг, поневоле
Привыкаю я, сердце скрепя,
К одиночеству, ветру и воле.

* * *

Все ближе пробуждение реки
И треснул лед,
с апрельским днем не споря,
А после, как пережитое горе,
Распался угловато на куски.

Темны овраги, словно погреба,
На кромке их — подтаявшая глина
Да ельника темнеющие клинья,
Да молодых березок худоба.

Река еще очнуться не спешит,
И полынья зияет, как зевота,
Но серебристой рыбою забота
Всплывает из глубин ее души.

ОКТАБРЬ 1957 ГОДА

Ночная наплывает тьма,
Стучит далекая дрезина.
Стоит, как озеро, туман,
И тянет сыростью в низинах.

Мы с одноклассником-дружком
В вечернем шуме листопада
Двенадцать верст бредем пешком
Домой из школы-интерната.

А лес сгущается, дрожит.
Крадет дорожные приметы.
В портфеле у меня лежит
Роман «Туманность Андромеды».

По небу искорка летит!
И я томлюсь в догадках смутных:
Что это?
Звездолет?
Болид?
Узнаю утром: первый спутник.

СМОРОДИНА

Не забывается детство и родина.
Вспомню свой дом — и представится явственно,
Как под окном созревает смородина,
Ягода черная, ягода красная.

Жизнь — как страницы загадочной повести.
Перемешала она нерасчетливо
Горе и счастье, веселье и горести,
Ягоду красную, ягоду черную.

Я не грущу о дорогах, что пройдены, —
Только бы были они не напрасные.
Медленно рву с духовитой смородины
Ягоду черную, ягоду красную.

Из книги «Дальние горизонты» (1983 г.)

ИЗ ЮНОСТИ

Редкий дождик. Зеленые озими.
У округи у всей на виду
Я ветлужскою тихою осенью
На свиданье к любимой иду.

Ветви елей осыпаны моросью,
Листья ивы плывут по воде...
Чувство счастья без примеси горестей —
Это юности легкий удел.

Я не маюсь вопросами сложными:
Жизнь понятна, проста, хороша!
И любить, озираясь на прошлое,
Не умеет пока что душа.

Срок цветенья и срок увядания —
Для меня они значат равно,
И науку прощенья, прощания
Мне еще понимать не дано...

* * *

Наступил он ногою босою
На прогретый текущий песок,
И забытой, щемящей тоскою
Застучало в висок.

Пахло детством, корой, красноталом,
Мать-и-мачеха густо цвела,
И, гудя басовито, летала
Где-то рядом пчела.

Речки светлый изгиб, как подкова.
Старых лип утомительный шум.
Думы о мимолетном покое
Приходили на ум...

* * *

Суглинком полевых дорог
Мы били ноги не задаром:
Язей на пареный горох
Ловили под ветлужским яром!

Арбузной коркой на воде
Ущербный месяц разломился;
Как капля пота, теплый день
У августа со лба скатился.

Для нас с ольхи в ночной простор
Запеть пичуга не забыла,
Один нас согревал костер.
Одной росой нас знобило!

А искры, небо расчертив,
Всю ночь от костерка летели,
Стремилась к Млечному Пути
И гасли, не достигнув цели.

* * *

Трава забвенья —
Горькая трава.
Она растет
На старых пепелищах
И там,

Где, как печали острова,
Заброшенные рушатся
Жилища.
Чертополох, крапива, лебеда
Шумят под ветром
Горько и зловеще.
В их шуме древнем
Черная беда
Ведет свой спор
С судьбою человеческой.
Идут года,
Дожди сменяют снег,
Смеются дети,
Старятся солдаты,
Но той траве
Не вырасти вовек
У обелиска
И могилы братской.

ОЖИДАНИЕ

Спит остывающий сад,
Тянет прохладой с реки.
Яблони это шуршат
Или, быть может, шаги?

Скоро забрезжит рассвет,
Скупно осветится даль.
Что принесет твой ответ,
Радость придет иль беда?

И лишь одно мне невмочь
Будет потом разрешить:

Ждал я короткую ночь
Или же долгую жизнь?

Ветер тревожит листву,
Ранняя птица поет.
Вот покатилося в траву
Яблоко — сердце мое...

Месяц — беспечный пастух —
Встал над землей высоко.
Яблоки падают. Стук
Слышен в ночи далеко...

ЛУГ

Пройдет разговорчивый дождик,
Матрешками встанут грибы,
Как будто мурашки по коже,
В заливе вода зарябит.
И с дождиком теплым сольется
На травах большая роса,
А после покажется солнце
И высушит все в полчаса.
Прислушаюсь: луг запекает —
Согретых кузнечиков треск,
Чуть слышно ему отвечает
Шуршанием лиственный лес.
Под тень одинокой березки
Я брошусь в густую траву
И руки раскину, как весла,
И волнами трав поплыву.
Я знаю, что много растратил,
Но все-таки больше сберег,

Поскольку мне дорог и внятен
Любой луговой стебелек.

* * *

Корзину рыжиков несу.
Бежит тропинка возле пашни.
В сыром березовом лесу,
Как в бане, вениками пахнет.

Я отрешен от суеты,
И так отрадно мне отметить,
Что помыслы мои чисты,
Что дождь прошел
И солнце светит.

* * *

Пробивает силосная башня,
Как ракета, утренний туман.
Мягко поднимается над пашней
Сыроватый почвенный дурман.
Тихое сияние зари,
Черный свет распаханной земли...

* * *

Дремлют в заречье стога,
Птицы в тумане кричат,
В пойменных мокрых лугах
Ветры отавой горчат.

Дрогнет вершинами бор,
Коршун с небес упадет.

Как молодая любовь,
Дождь торопливый пройдет.

Воздухом детства дышать,
Берегом вязким идти...
Что ж не умест душа
Успокоенье найти?

Что ж наплывает печаль,
Как холодок на луга?
Птицы в тумане кричат,
Дремлют в заречье стога...

* * *

Плотно пылью покрыло листву,
Истомила окрестность жара.
Потревожишь сухую траву —
Серой тучей взлетит мошкара.

Можно днем в раскаленном песке
Печь картошку — не терпит рука.
В обмелевшей недвижной реке
Дремлет стадо по грудь в облаках.

Но вдруг туча зайдет над селом,
Враз полнеба собой заслоня, —
Как в подойник пустой молоко,
В крышу ливень ударит, звеня.

ВЕЧЕРНИЙ МОТИВ

Улочками узкими, пыля,
По селу прошествовало стадо.
И на дальний выгон и поля
Опустилась росная прохлада.

Добрый час, когда коров доят, —
Затишают дети и собаки, —
И когда улыбчивый закат
Примеряет красную рубаху.

Хорошо вечернею порой
Уходить за теплые ракиты
И с неомраченную душой
О судьбе подумать без обиды.

Тропка среди поля. Городьба.
Полоса тумана над рекою.
Нежно твоего коснется лба
Ровный свет вечернего покоя.

* * *

Денек устоялся погожий,
Прозрачна песчаная мель.
На тропке змеиная кожа
Лежит, будто пестрый ремень.

У ветел растрепаны космы,
Кострища пятно в холодке,
И медленно с верхних покосов
Травинки плывут по реке.

Так любо калине приречной
Зеленые ветви качать.
О том, что живешь ты не вечно,
Не хочется думать сейчас.

* * *

Я под дождем зажгу костер...
Хотя мой хлеб и черств,
Но этот сумрачный простор
Меня еще влечет!

Хочу услышать птичий свист
И плеск плотвы в реке,
Увидеть, как брусничный лист
Ныряет в роднике.

Хочу, чтоб в тишине туман
Окутывал стога,
Чтоб запах липы, нежно-пряный,
Стоял по берегам;

И чтоб под вечер на реке
Была заря тихая;
И чтоб бурлила в котелке
Веселая уха;

Еще хочу, чтобы была
Жизнь ясной и большой.
И чтоб любовь меня ждала,
Когда вернусь домой.

ТУЧИ

Влагой благодатною наполнены,
Тучи надвигаются гуртом.
Гонит их рассерженная молния,
Щелкая сверкающим кнутом.

* * *

На огороде червей накопать,
Лугом пройти на заветную заводь,
Реденький дождь под сосной переждать,
Близко почуять смородины запах.

День еще розовый, словно птенец,
Все еще только в истоке, в начале!
Дятел проворный взбежит по сосне
И растревожит лесное молчанье!

В травах — прохладного ветра волна,
Медленно капли стекают по леске...
Долгая радость для сердца трудна,
Если тебе разделить ее не с кем.

* * *

В полной силе горячий июнь:
Затопило полянку кипреем,
Птицы дружно на зорях поют
И становятся люди добрее.

Все здесь помню (и этим горжусь):
Волчье лыко, кукушкины слезы...
Тихо льют просветленную грусть
На бугре молодые березы.

В этот долгий ликующий день
Счастлив я, как при встрече с любимой.
И манит меня ласково в тень
В кружевах молодая рябина.

Брызнет дождь — и над ширью полей
В семь цветов полыхнет коромысло.
Не поверю, чтоб жизнь на земле
Не имела высокого смысла.

* * *

Пора возврата холодов
С цветением бурным калины,
И зябко на бревнах плотов,
Плывущих рекою равнинной.

И тучи на резком ветру
По небу сплошной вереницей,
Как будто туристы к костру,
К закату бредут обсушиться.

Уйдут, не вернутся назад
Твои заповедные годы!
Леса молодые шумят,
Поют на реке плотогоны.

И ветер свистит верховой,
И эхом душа повторяет,
Что нет на земле ничего
Милее родимого края.

Из книги «Поздние птицы» (1989 г.)

СОЖЖЕНИЕ ДЕРЕВА

Воздухом жарким, дымом смолистым
Дерево вверх уходило ветвисто,
Плоть свою плавило в огненной пляске,
Чтобы ты, бедный, зубами не ляскал.

И приближалась сквозь сумрак ненастный
Тонкая девочка в платьице красном,
Флаг, над колонной взмывающий резко,
Галстучек стиранный пионерский...

И проступали рябины, рассветы,
Отсвет отцовского партбилета;
Лица друзей; над рекою костры —
Чистые радости детской поры.

Вспыхнули годы, идут предо мной
И остывают черной каймой...

* * *

Когда в густой лиловой тени
Увязло солнца колесо,
В просветах тучи на мгновенье
Явилось матери лицо.

И грустно так,
Тревожно стало,
И, сердце мне заходя, —
Слезой тяжелою упала
На щеку капелька дождя.

И смолкли голоса земные!
Лишь свет невиданный вдали
Да ливня волосы седые
Свисали до самой земли.

ПОЗДНИЕ ПТИЦЫ

Лист ли увижу, вмурованный в лед,
Запах вдохну ли горькой хвои, —
Чувствую сердцем ваш медленный лет,
Поздние птицы, сестры мои.

Лето давно миновало зенит,
Солнце осеннее тянет в закат,
Лес осыпается, воздух звенит,
Пахнет преддизьем. Птицы летят.

Меридианы доброй земли
Путь вам укажут наверняка.
Гнезда остыли, птенцы подросли.
Поздние птицы, жизнь коротка...

Мечется ветер, будто ослеп,
Инеем белым светит жнивье,
Молча рукой помашу вам вослед,
Поздние птицы, горе мое.

Криков прощальных я не зову,
Не ожидаю знаков любви.
Молча в пустую смотрю синеву,
Поздние птицы, сестры мои...

СТАРУХА

Шепчет горестные молитвы,
Потому что старик занемог.
Проскрипела в ночи калитка —
Это ветер
Или сынок?

Никого. Тишина до рассвета.
А тоска не слабеет, сосет.
Говорят, что и бога нету,
Только космос один и все...

Свет зажжет. Подойдет к кровати,
Смочит губы ему водой
И оглянется: на портрете
Он с медалью да молодой...

Вдруг покажется: кто-то рослый
За окошком к стеклу приник.

Увеличивается космос,
И все хуже дышит старик.

Из цикла «Под знаком Стрельца»

БРАТУ ПАВЛУ, ФРОНТОВИКУ

I

Я рожден был
Под знаком Стрельца
Средь декабрьского мрака ночного.
Своего не помню отца,
Рядового роты стрелковой.

Своего не помню отца —
 Горький факт
 Моей биографии,
 Только тускло,
 Как срез свинца,
 Светят старые фотографии.
 Ласку матери,
 Песню сестер —
 Это все я люблю и помню,
 А отец —
 Он лишь тень простер
 Надо мною,
 Огромный, как полночь.
 Что ж ты требуешь,
 Грозная тень,
 Справедливости или гнева?
 ...Незаметно угаснет день
 И раскроется
 Звездное небо.
 Может быть,
 Он прилег отдохнуть
 Где-то там,
 В беспредельности жуткой.
 Дымом тянется Млечный Путь
 От солдатской его самокрутки.

II

Ночь слепая.
 В окне темнота, как в колодце.
 Кто-то стукнет тихонько
 В оконную раму.
 Голос сына почудится,
 В сердце толкнется:
 — Мама...

Мать метнется за двери
Подраненной птицей,
Охнет воздух в избе,
Охнут стекла и стены,
Только больно простонут
В сенях половицы,
Только горько заплачут
Крылечка ступени.
Тишина. Ни души.
Лишь во мраке береза
Голиком своим мерзлым
Скребется по крыше.
Голос сына развеялся в небе беззвездном,
Вместе с ветром уносится
Дальше и выше...
Так в бессонных ночах
Мать стареет до срока,
Жесткий сыплется снег.
До рассвета не близко.
И, белея в ночи,
Убегает дорога,
Словно белая прядь
В волосах материнских.

III

Воет ветер в трубе как зверь.
Душит кашель и трудно дышать.
Отворилась тяжелая дверь —
В белом облаке входит мать.
И устало садится за стол,
И глядит молчаливо в окно.
Чуть желтеет сквозь сумрак густой
Керосиновой лампы пятно.
За стеной лютует пурга,

Куст рябины насмерть промерз.
 Утонул поселок в снегах,
 Лес шумит на десятки верст.
 За стеной гуляет мороз,
 И нельзя взойти на крыльцо:
 Как бездомный усталый пес,
 Он лизнет языком лицо.
 Наплывает, качается стол,
 Чисто выскобленный,
 Пустой,
 И в белесой редющей мгле —
 Руки матери на столе.

IV

Летнее солнцестояние.
 Теплый туман по лесам,
 Утренней зорьки сиянье
 Да луговая роса.

Старая вьется дорога.
 Луг.
 Перелески.
 Поля...
 Вся до щемящего вздрога
 Сердцу родная земля.

Ветер проснулся над рожью,
 Свет разрастается вверх.
 Что же ты замер тревожно,
 Брат мой,
 Седой человек?

Вспомнил далекую юность,
Лица друзей, голоса.
Двадцать второго июня
«Ровно в четыре часа...»

Что же ты, воин, защитник,
Вдруг головою поник?

Утро прозрачно и чисто,
Как заповедный родник.

V

Присягаю я раздольной пойме
С росчерком стрижей над крутояром,
Присягаю клеверному полю,
Щедрости черемуховых ягод.
Присягаю ветру молодому
С золотой цветочною пылью,
Доброму теплу родного дома,
Старой фотографии отцовой.
Присягаю скошенному лугу,
Старым липам, сумрачному бору.
Присягаю ласковой Ветлуге
И над нею — небу голубому.
Присягаю я грибному лету,
Сельскому смиренному погосту,
Присягаю утреннему хлебу,
Присягаю полуночным звездам.
Тихим перелескам у дороги,
Соснякам, закатом освещенным...
Присягаю своему народу
Каждым мигом жизни защищенной.

ФРОНТОВОЙ ЛЕС

Здесь он насмерть, как воин, стоял
С гордым именем русского леса.
Не годится на стройматериал —
Много принял свинца и железа.

Хвойный шорох и запах смолы,
Крон высоких развесистый полог.
Но ломаются зубья пилы,
Наскочив на тяжелый осколок.

Здесь войны отпечаток хранят
Годовые древесные кольца:
След пожарищ
И пуль,
И гранат,
Эхо боя
И клятву солдат,
Кровь комбата
И смерть комсомольца...

Солнца луч пробивает насквозь
Тишину освещенной полянки.
Чутко тронул копытами лось
Полусгнившие бревна землянки.

В перегнутое, стволах и корнях
Лес, как в памяти, многое прячет
И, быть может, о павших в боях
Он смолою тяжелой плачет...

* * *

Ястреб падает, словно десантник,
Раскрываясь у самой земли.
С чемоданом веселый курсантик
В придорожной шагает пыли,

Наблюдает за птичьей повадкой,
Ясным днем,
Что вином, опьянен,
Чистотой вертикальной посадки,
Как знаток, восхищается он.

Старый мостик.
Знакомая верба.
Радость вечная милых примет.

...Высоко расплывается в небе
С поздним гулом
Стремительный след.

* * *

Выйдем бродить меж осенних дубов,
Мирные странники.
Сколько бывало здесь белых грибов!
Шляпки — как пряники.

Среди опавших литых желудей,
Вот они — семьями.
Дети земли, листопадов, дождей,
Утра осеннего.

Мы не поверим, что это к войне,
Будем надеяться.

Листья резные звенят в тишине,
Под ноги стелются...

Можно все беды свои позабыть,
Годы, что пройдены.
Тонко, волнующе пахнут грибы
Детством и родиной.

* * *

Тяжелого неба движенье,
Закат фиолетов и мглист.
Влекомый земным притяженьем,
Кружась, опускается лист.

Над сельским смиренным погостом
Усталые листья шуршат.
Чего так сурово и жестко
Живая взыскует душа?

О том ли, что жадное тело
Себя износило на нет,
О том ли, что слово и дело
Имеют неведомый след?

Иль просто вечернее солнце
Утешно касается лба,
И пыль от походов отцовских
Так больно скрипит на зубах.

* * *

Собирались старухи вечерней порой
О невзгодах своих покалякать,

А мальчишки учились науке мужской:
От обиды и боли не плакать.
Над мальчишками
 реяли звездные сны,
Поднималась из горя Россия.
По деревне гадалки брели,
 колдуны,
Будто вздыбилось время Батыя.

Среди редких,
 как праздник в дому, мужиков
Было больше калек, чем здоровых.
Общей тягловой силой детишек и вдов
Распахали поля на коровах.

Возвращенье любимых убитых мужчин
Обещала старухам гадалка,
И мерцала, как отблеск надежды в ночи,
Керосиновым светом мигалка.

ДОЛГИЙ ПЛАЧ

Плакала мать,
Сына на фронт
Провожала.
Черные волосы
Белым платком
Повязала.

...Белые волосы,
Черный платок:
Плач по тебе
Не окончен,
Сынок.

* * *

Там, где отец траву косил,
Под старой липой отдыхая, —
Цветет высокий девясил,
Трава целебная лесная.

Пошевелило ветерком
Волос седеющие пряди,
Как будто он своей рукой
По голове меня погладил.

Родной земли священный прах!
Не потому ль в моей округе
Не перечесать цветов и трав,
Что лечат многие недуги?

Земные завершив пути,
И мне судьба на свете белом —
В краю родимом прорасти
Ромашкой, тмином, чистотелом...

* * *

Над речушкою малой огромного детства
Вновь закат догорел до углей...
Но не слишком ли встреча похожа на бегство
От тревоги и боли твоей?

Не утешится время мое грозное
Элегическим вздохом в груди,
Если где-то на землю не божьей росой —
Кислотою пролились дожди.

Как бы ты ни лелеял вечерние думы,
Все равно сам себе не солжешь,
И в журчанье реки, и в березовом шуме
Будто эхо: — Зачем ты живешь?

Над речушкою малой огромного детства
Ива слезы никак не уймёт,
Но отрадный покой поумневшее сердце
Даже в эти часы не найдет.

Наградивший сполна и умом, и здоровьем
Этот край, будто строгий отец,
Расплатиться не словом,
а плотью и кровью
Призывает тебя наконец.

ЛЁТ ПОДЕНКИ

Расступились потемки,
Проясняется небо.
Закружилась поденка
Мутным облаком снега.

Речку в утренних струях
Будто пеной покрыло,
Корм обильный почуяв,
Растревожилась рыба.

И в мелькании этом
Все, как в дымке, поблекло,
В рубке отблеск рассвета
Слепо шарил по стеклам.
Осторожно и долго
Катер шел, как в метели,

И до полдня поденка
Все летела, летела...

ПРОЩАНИЕ С РОЩЕЙ

Роща летала,
Стволов напрягая костяк,
Крыльев не стало —
Лишь палые листья хрустят.

Жаром июля
Горят еще угли рябин,
Вот и стою я
Среди этой рощи один.

Припоминаю
Любви золотые деньки,
Перебираю
Последних надежд медяки.

Вдруг ненароком
Блеснет среди них серебро?
Сердцу морока,
Коль так оскудело добро.

Резко и властно
Осенние ветры свистят,
Книгою Красной
Раскроется скоро закат.

ЖЕРЕХ

Я вышел на пустынный берег
И бросил верткую блесну

Туда, где осторожный жерех
На миг разрезал быстрину.

Удар! И леса натянулась,
Запела спиннинга дуга!
Под сердца радостные гулы
Его я выбросил к ногам.

...Дышал он смертной позевотой,
Рассвет горел на плавниках,
И вдруг осмысленное что-то
Блеснуло в гаснущих зрачках!

В необозримых, прошлых даях,
Быть может, давний предок мой
С его — как равные — рождались
В стихии общей и родной.

Не зря ж людской несет зародыш
Остатки жаберных пластин.
Медлительно катились воды,
Я был на берегу один.

* * *

Катится эхом в бору спозаранок
Выстрел шального ружья.
Травы качнулись, и стала туманной
Зябкая речка моя.

Та, что ласкала меня, обнимала,
С детства жалела мальчика.
Все-то мне кажется: строгая мама
Ждет меня возле крыльца...

Рыба плеснула — и долго, и плавно
Тают круги на воде.
Что-то на сердце сегодня неладно:
Может, к какой-то беде?

Дрогнула ива над омутом мглистым,
Вспыхнули в травах огни.

Промыслом злобным и делом корыстным
Родины не оскверни...

ПОСЛЕДНИЙ КАРАВАН

Ледяное дыханье тумана,
Свисты ветра в пустом ивняке.
Мы последним идем караваном
По тяжелой и темной реке.

По утрам все слабее сочится
Проблеск солнца с холодных небес.
Как детеныш угрюмой волчицей,
Чисто вылизан осенью лес.

Туч лохмотья, колючая сырость,
Острый шорох шуги за бортом.
Скоро зиму на белом буксире
За собою потащим в затон.

* * *

Погасла под снегом калина,
Поникла над яром ветла,
И быстро над тусклой равниной
Сгущается ранняя мгла.

А я так отчетливо помню
Сверканье весеннего дня:
Бурлила широкая пойма
И льдины ломались, звеня.

А ныне я пасмурным думам
И смуте душевной не рад,
И ветер знобяще подунул
Предчувствием близких утрат.

Иное я слушаю пенье,
Ветлу подпирая плечом:
Ворона взъерошила перья,
Горланит бог знает о чем.

СЫН

До глубоких седин
Закружила дорога.
Возвращается сын —
Мать стоит у порога.

И припала к щеке.
И застыла надолго.
Глядь — на левой руке
У сыночка наколка.

Поправляет платок,
Обнимает родного.
— Ты здоров ли, сынок? —
Он в ответ ни полслова.

Что он может сказать,
Чем сумеет утешить?

Лаской светится мать,
Сын молчит, постаревший.

Оглянулся окрест,
Горько так улынулся...
— Дай мне, мама, поесть. —
И у двери нагнулся.

* * *

В этой сумрачной тихой избе
До утра не могу заснуть,
Будто я по чужой судьбе
Пролагаю повторный путь.

Отчего половицы скрипят?
Кто вздохнул под окном в ночи?
Это ходики громко стучат,
Или чье-то сердце стучит?

Жизнь чужая в меня вошла.
Страх сиротства.
Чувство вины...
Бревна теплые по углам
Словно пальцы рук сплетены.

Из цикла «Стремительный дождик»

* * *

Стремительный дождик прошел,
Пахнуло земною прохладой,
Любимая! Все хорошо,
Напрасно терзаться не надо...

Зачем же в бессонной ночи,
Как будто в предчувствии бедствий,
Привычной тревогой стучит
Твое дальнотокрое сердце?

* * *

Погасли у поля березы,
И лишь издалека видны
Осенние крупные розы —
Капустные кочаны.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

На багрового цвета закат
Не смотри, молодой и удачливый,
Чтоб не стал размышления яд
Твое сердце томить и подтачивать.
Чтобы прошлого вал не настиг
И не вздыбились тени упрямые
Тех, кого этот яростный тигель
Переплавил с рожденья Адамова.

* * *

Я напился осенней воды,
Отодвинув опавшие листья,
И увидел себя молодым
В речке детства, спокойной и чистой.

Горько пахло ольховой корой,
Тронул иней листки молочая.
Показалось — с ознобной водой
Холодок заглотнулся печали.

И уже на песчаной косе,
Как стекло, обозначились льдинки,
Листья кленов, как лапы гусей,
Отпечатались в мокром суглинке.

КОЛОДЕЦ

В полях тяжелые колосья
Пригнула до земли жара.
Дорожкой торною к колодцу
Я за водой хожу с утра.

Пахнет в лицо земной прохладой,
Колодца сруб травой зарос.
Зашелестит привычным ладом
Листва раскидистых берез.

В квадрате сумрачного света
Неясно так, издалека —
С обратной стороны планеты —
Лицо проглянет двойника.

* * *

Сельская разбитая дорога,
Полевой размывчивый простор.
На сосне вертящая сорока
С путником заводит разговор.

От сырой земли полынный запах,
Деревень знакомых череда.
Нотами, записанными наспех,
Ласточки сидят на проводах.

* * *

Смотрю небесный ледоход:
Обвалы, сдвиги и изломы.
Слежу, как медленно ползет
Громада туч по небосклону.

И в нежной зелени полей
Ждет с нетерпением каждый стебель,
Чем обернется на земле
Все то, что происходит в небе.

УГЛИ

Росы густые ложатся с утра.
Угли старик ворошит у костра.

Светом облиты у елей верхи,
Щелкнула птица на кроне ольхи.

Там, где травой поросли берега,
Золотом брызжет в воде мелюзга.

Пар по лощинам. Рассеялась тень.
Всходит над миром ликующий день.

Долго ль осталось на свете пожить,
Угли под пеплом седым ворошить?

БРАКОНЬЕР

Невесел, сутул, одинок,
Накинув пиджак порыжелый,
Он вылез на солнцепек
Погреть ревматизм застарелый.

Дурманно тянуло весной
И ветром разымчивым дуло.
Тогда он с тяжелой тоской
И завистью жадной подумал,

Что кто-то другой, молодой,
Ухи нахлебавшись и водки,
Плывет по ночам с острогой,
Со щуками битыми в лодке.

* * *

Бор смолистым запахом наполнен,
Над водой мелькают кулички.
Отцветает розовый шиповник,
Слабые роняет лепестки,

И над ним с заботой и любовью
Ветви наклоняются сосны,
Как над заболевшим малокровьем
Дитятком лесным.

* * *

Тучи низкие. Сосны шумят.
Я от дум своих долгих очнулся.
Кожей чувствую пристальный взгляд!
Вздрогнул и оглянулся.

Смотрит мать сквозь зеленую хвою,
Проступает лицо, как живое...

* * *

Облака. Чуть пониже — птицы.
В пояс кланяется камыш.
Стоит только смежить ресницы —
И покажется, что летишь.

Над полянами и лесами,
На родимое на село,
И беременные дождями
Рядом тучи ползут тяжело.

* * *

За окном — осадки в виде снега,
В комнате моей не слышно смеха.

Бродят в ней воспоминаний тени,
Тянут мою душу вон из тела.

Обернулось временем пространство,
Заболело сердце постоянством.

Сумеречно в комнате моей,
Прошлое мое полно теней.

* * *

Черные ели на белом снегу.
Утихомирило за ночь пургу.

Близко поселок, всего полверсты,
В небе дымки, как кошачьи хвосты.

Тише, водитель, не рви свой мотор,
Грудью вдохни неоглядный простор,

Не помешай в этот час снегирю
Грудкою красной затеплить зарю.

* * *

Удел человека
И путь его верный —
От утренней радости
К думе вечерней.
От майского грома
И пьяной воды
До тихой, как свечка,
Осенней звезды.

* * *

За дымною зеленью сосен
Размытая даль в облаках.
Под жаркими ласками солнца
Очнется река в синяках.

Покровы истлевшие сбросит,
Прекрасна,
Бурлива,
Нага...

За дымною зеленью сосен
Уже не видать берега.

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕЛЬСКОМ КЛУБЕ

Вечер праздничный. Клуб деревянный.
 Не проси, баянист, передых!
 Наши дроли плотны и румяны,
 Мода позже придет на худых.
 Непрерывные вальсы и танго.
 Беспокойство и трепет в крови,
 Немудрящие сельские танцы —
 Первый опыт в науке любви!
 А за клубом в таинственном мраке,
 Где сирени ошипанный куст,
 Поцелуи, признания, драки
 От избытка накопленных чувств.
 Снова тени придвинулись грозно,
 Девки шепчутся: — Ох, не к добру!
 Два соперника курят нервозно,
 Так, что искры летят на ветру!
 Смолкнет все.
 И потянет влюбленных
 К одиночеству и соловьям,
 И, вздохнув наконец облегченно,
 Где-то за полночь
 Смолкнет баян...

* * *

На высоком берегу Ветлуги
 Поднимал размашистый покос
 Над звенящим разнотравным лугом
 Мотыльков цветистых и стрекоз.

Окуналась на бурливом стрежне
 Топляка сосновая башка,

И сливался сена запах свежий
С горьковатым духом тальника.

Жерех жировал на отпесочье,
Звезды загорались не спеша...
Здесь легко витала в теплой ночи,
Как дымок костра, моя душа.

И толпились думы, словно тени,
Тихие на скошенном лугу,
И с одной, сроднясь душой и телом,
До сих пор расстаться не могу.

ВОЛГО-БАЛТ, 1962 ГОД

Уже стихает в северных лесах
Неярко мельканье листопада.
По просеке в болотных сапогах
Затаскиваем трос от земснаряда.
Нам нужно выбрать крупную сосну
И на стволе петлею захватиться,
И трос, звеня, натянется в струну,
И у корней земля зашевелится.
Нам земснаряд покажется на миг
В туманной дымке допотопным зверем:
Сейчас испустит скрежет он, как крик,
Начнет вгрызаться в торфянистый берег!
Места глухие и туман окрест,
Печальный холод утреннего леса,
А земснаряд свирепо землю ест
И за собой канала тянет ленту.
Напарник в бок толкнул меня — смотри!
И молча в небо показал рукою:

Там медленно летели журавли
И пропадали в сумрачном покое.

* * *

Кладбище в соснах. Ограда.
Памятник из нержавеющей стали.
Слов бесполезных не надо,
Вспомните и пожалейте.

В пору движения соков
Выбросить ломкие стебли,
Падать березовым вздохом
В эту любимую землю...

Дождик окатный прольется,
Горе-печаль утишая.
Что там мелькает и вьется:
Бабочка? Птица? Душа ли?

НОЧНОЙ ПУТЬ

Глубокая ночь — словно черная прорубь,
Снега и снега без конца.
Поют при дороге то порознь, то хором
Столбы, провода, деревца.

Сугроб шевелится поземкой колючей,
Безлюдно и гулко окрест.
Попробуй представить немыслимый случай:
Один на земле ты как перст...

* * *

Облепил прохожих снегопад,
И в его мелькающем тумане
Все бредут куда-то наугад,
Странные, как инопланетяне.

Вечерест.
Раздает зима
Мягкие и белые скафандры.
Кораблями светятся дома,
Метеором пролетают фары.

Хлопья снега по ветру летят,
Завиваясь в струи вихревые.
Здесь легко тебя мне потерять,
Если вдруг заглохнут позывные.

* * *

Ночью лохмотьями осени
Ветер, свистя, баловал.
Волчьей матерою проседью
Посеребрилась трава.

Дятлом зеленым отстукало
Лето мое за бугром.
Машет забытое пугало
В поле пустым рукавом.

Что, бедолага, шатаешься,
Захолодав от тоски?
Может, украдкой пытаешься
В поле собрать колоски?

Стаи пролетные кружатся
С криками над головой,
И наполняется рубище
Холодом и синевой.

Будто, судьбою гонимое,
Стиснув страдальчески рот,
На пепелище родимое
Блудное чадо бредет.

ПЕСНЯ ГЛУХАРЯ

О чем бормочет и поет
Глухарь — реликтовая птица,
Когда медлительно встает,
Чуть брезжит зорька-заряница?
Сторожкий глухариный ток
Среди проснувшегося бора
Клокочет, будто кипятилок,
В предчувствии любви и боя.
Есть жизни круг — и талый снег,
И клюква побуревшей кровью,
И в хрустком холоде рассвет
Огромной глухариной бровью...
Чуть слышно хвоею шурша
Во мгле седой и суеверной,
Природы древняя душа
Топорщит маховые перья.
А песня бьется и живет,
Сливается с дыханьем леса,
Пока вдали не громыхнет
Машинный гром и лязг железа.

ЖЕНЩИНА НЕ СПИТ

Ночь обещает пургу.
В доме — просторно и чисто.
Тень за окном на снегу
Тихо ползет как волчица.

В печке остыла зола,
Светел квадратик оконный.
Хочется сердцу тепла
И хоть немного покоя.

Долгая зимняя ночь
Посередине России.
В гости не жалуется дочь,
Весточки нету от сына...

ПЛОТОГОН

Глаз наметан.
Не дрожит рука.
Я плыву озябшим плотогоном.
Медленная сонная река
Плавню выгибается дугою.
А вода,
Густая, как мазут,
Бревна пошевеливает грозно;
Выбивая редкую слезу,
Мне зрачки покалывают звезды,
Ниже перекаты.
Не зевай!
Скоро ветер молодой проснется,
Скоро на востоке солнца край,
Словно круг спасательный, качнется!

Вместе с этой
Лучшей из планет
Мы плывем,
И наш маршрут опасен!
...В небе звезды
Бакенщик-рассвет
Осторожную рукою гасит.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ В ЛЕСУ

Сломился нечаянно сук,
И до напряженного слуха
Донесся пугающий звук,
Как будто бы филин заухал.
Болотомдохнул перегной
И мокрой корою дубовой.
Как леший, следила за мной
Душа заповедного бора.
Шептала: — Ну, что твоя жизнь
С надеждой, тревогой и грустью?
По кругу, по кругу кружись,
Который тебя не отпустит!
Я горькой крушиной с куста
Осыплю тебя, как слезами...
Вставала в бору темнота
С болотными злыми глазами.

* * *

Можно чуток отдохнуть от жары.
Нехотя дрогнув тяжелою хвоей,
Ельник меня с головою накрыл,
Словно на дно я спустился морское,

Звуки привычные сердцем ловлю.
 Духом земным свои легкие полню.
 Как я давно эту землю люблю!
 Как я давно ее знаю и помню!

С телом уставшим и легкой душой
 Встречу отрадно я солнечный полдень.
 Тихо и мудро шумят надо мной
 Шумом столетий зеленые волны.

* * *

Шли на посадочный круг,
 Ветер винтами рубили.
 Что-то ударило вдруг
 По остеклennю кабины.

И задрожал аппарат
 В зыбких просторах небесных;
 Птицы живые летят,
 С птицей сшибаясь железной!

Стая обычных ворон
 Пересекла нашу трассу,
 Но для обеих сторон
 Это смертельно опасно!

Что, пассажир, побледнел,
 Прочно пристегнутый в кресло?
 Тесно живым на земле,
 Разве ж
 И в небе нам тесно?

* * *

Окончен печальный обряд,
Негромкие смолкли поминки,
Лишь взрослые дети сидят
Все вместе, как будто на снимке.

Синеет снегами село.
В избе этой
 прожито детство.
Она сберегает тепло
И матери старой наследство:
Самовар,
 Детекторный радиоприемник,
Собранный руками отца,
И орден
«Материнская слава»
I степени.

* * *

Зима — как студеное море.
Рассвета замедленный взрыв.
Деревья на косогоре —
Скелеты диковинных рыб.

До звона промерзший суглинок
С сухой прошлогодней листвой,
По небу громоздкие льдины
Тяжелой идут чередой.

Здесь звук посторонний — кощунство.
Природа замкнула уста,
Лишь дымка тревожных предчувствий
Клубится, как пар возле рта.

* * *

Прошлое не умирает.
Все, что любил иль губил,
Руки к тебе простирает
Из невозвратных глубин.

Дерзкая и молодая,
Долго таилась в тени,
Вышла любовь, как живая, —
Зря ты ее хоронил.

Осень справляет кручину
По облетевшей листве.
Сучья берез, как морщины
На материнском лице.

Ветви засохшие ропщут
Над пепелищем костра.
Помнит печальная роща
Каждый удар топора.

Сумрак, холодный, белесый,
Гасит багровый закат.
Чьи-то горячие слезы
Снегом на землю летят.

Ветер надежды попутный
Полнит твои паруса.
Помни, что ежесекундно
Прошлым становишься сам.

* * *

Держит птицу подъемная сила,
Держат дерево почва и корни.
Снова жесткие листья осины
Шелестят надо мной беспокойно.

Я послушен их древнему зову,
Мне близки перелетные стаи,
Полюбил я холодные зори
Над осенней водою усталой.

Осыпаются дни, словно листья,
И любимые нас забывают,
И друзей моих добрые лица
Все настойчивей в снах проступают.

Срок настанет подростшему сыну
Мир увидеть своими глазами.
Держит птицу подъемная сила,
Человека — надежда и память.

* * *

И снова возврат холодов
С цветением белой калины,
С далекою змейкой плотов,
Плывущей рекою равнинной.

И тучи на резком ветру
По небу сплошной вереницей,
Как будто бродяги к костру,
К закату бредут обсушиться.

Уйдут, не вернутся назад
Твои заповедные годы!
...Леса молодые шумят,
Поют на реке плотогоны.

И ветер свистит верховой,
И эхом душа повторяет,
Что нет на земле ничего
Милее родимого края.

НЕБО

Дух воспрянул, и воля окрепла!
Но плывут облака цвета пепла.

И закат за клубился над кровлей,
Как сражение, дымом и кровью.

Устремилась к небесным разрывам
Мысль моя, как летучая рыба.

Над моею тревогой и спешкой
Расплывается вечность усмешкой.

И, космический хлад навевая,
Равнодушно пространство зевает.

МОДА

Выглядишь почти что неприлично
В наших городах и деревнях,
Если нет наклейки заграничной
У тебя на куртке и штанах.

Мой ровесник, модный современник,
Мы с тобой возрастали не у денег.
Пусть сейчас в квартиру и зарплату
Ты укрыт благополучно, но
Прошлого сиротские заплаты,
Как клеймо, заметны все равно.
Как бы ныне модно ни одеться,
Что бы на себя ни надевать —
Бедности суровое наследство,
Будто кожу, мне не отодрать.
В зеркале приятно отраженный,
Я увижу вдруг издалека
Галстук пионерский, чуть прожженный, —
Выпал уголек из утюга.
Если даже фирмой знаменитой
Проскрипит подошва под ногой,
След от старых валенок подшитых
Все-таки останется за мной.
И недаром сердце манит снова
Бедный край березок и раkit,
Где над полем блузой Льва Толстого
Туча громоносная висит...

ЖАЛОБА

То паводки весенние, то ливни...
Река подмыла корни у сосны.
Цепляясь за спасательный суглинок,
Они в усилье тяжком сведены.

Изнемогают, напрягаясь, корни,
А дерево — и мощь, и красота!
Но быстро поднимается от комля
И в дрожь бросает крону пустота.

В ночном затишье жалобу украдкой
 Подслушивает быстрая вода,
 Что сроки у деревьев слишком кратки,
 Вот есть на свете горы — это да...

СЕЯТЕЛЬ

На отдых заглушил мотор,
 Из родника напился кепкой,
 В ладонях ком земли растер —
 Земля весною пахнет крепко.

Как много рыхлой синевы,
 Как нежно шелестит осина!
 И запах молодой листвы
 Преобладает над бензином.

Родник приветливо журчит,
 Дурманно,
 Сладко поле пахнет.
 Гуляют синие грачи
 По черной оголенной пашне.

И на усталое лицо
 Невольно просится улыбка.
 А зернам дремлет легко,
 Как малым детям
 В темной зыбке.

ВЕЧЕРИНКА

В песнях, танцах, хмельном кураже
Вечеринка у нас затянулась.
А за окнами полночь уже
С темнотой снеговой и гулом.

Молодой веселится народ,
Сил избыток, и кровь колобродит.
А за окнами ветер ревет
И тоскою тягучей исходит.

В темном небе не видно ни зги,
Лишь тяжелые тучи нависли...
Выходи в эту ярость пурги
Прояснить свои чувства и мысли!

Неуместны веселье и смех,
Разговор полусвязный несносен,
Когда рушится яростный снег
На вершины измученных сосен!

И, поднять не рискуя лица
В это вечное грозное небо,
Встанешь ты, как притихший пацан
Перед взрослыми, полными гнева...

* * *

В нашей любви намечается пауза:
Слышу пророчество.
Чувствую вновь приближение хаоса
И одиночества.

Речка лежит полинявшей косынкою,
 Даль во все стороны...
 Чайка кричит над водою несытая
 Голосом ворона.

В горе сожмусь я до малого атома,
 Стану бесстрашнее.
 Соединюсь с облаками, закатами,
 Ветром над пашнею.

Буду скитаться в пространстве и времени
 Звездной пылинкою.
 Снова возрасту из живучего семени
 В поле былинкою.

* * *

Сквозь мохнатую старую ель
 Мутно глянуло лунное око.
 Разошлась не на шутку метель,
 Подступила под сердце тревога.

Что в ней слышится? Спор? Разговор?
 Или тихая песня сестер?
 Иль, тебя захвативший врасплох,
 Укоризненный матери вздох?

Ветра свист и снегов пелена.
 Нету памяти у мироздания.
 Только людям досталась она,
 Как награда и как наказание.

* * *

Ночью над Волгой тревожны гудки.
Ночи длинные, да года коротки.

Ветер низовый протяжно свистит,
Пристань качается, глухо скрипит.

Ночь гакабортные скрыла огни,
Будто веселые летние дни.

Молча простимся. О чем говорить?
На сквозняке мы рискнем закурить.

Словно подарок, протянет мне друг
Теплую лодку светящихся рук.

* * *

Выпал снег на продрогший причал,
Лодка дергает цепь, как живая.
Отчего же ты затосковал,
Словно эта земля — не родная?

Перелесок с далеким жильем,
С добрым словом и добрым ночлегом,
Облака, как подушки пером,
Переполнены доверху снегом.

Стали светлыми берега,
Стали резче и ближе деревья,
И шуршит, и скребется шуга,
Как озябшая кошка под дверью.

ЛАСТОЧКИ

Наташе

Две быстрые ласточки лепят
Под крышей уютный домок.
Услышишь их радостный щебет —
И ты уже не одинок.

Какая изящность полета,
Как точен расчет выража!
На эту свободу и легкость
Восторгом ответит душа.

...Вершить им семейное дело:
Любить, охранять и кормить,
И соком травы-чистотела
Птенцов своих слабых лечить.

АПРЕЛЬ. 1961 ГОД

Судьбе я навек благодарен.
Я помню, как стихла страна
И русское имя — Гагарин —
Взметнулось, как в море волна.

Так долго смотрели мы в небо,
Как будто и вправду могли
Увидеть воочию небыль —
Летающее чудо Земли!

И радость, и гордость народа,
И сердцу в груди горячо!
Минуты единого вздрога —
Мы верили! — будут еще.

* * *

Будто в былые года
У освещенной протоки
Слушаю — точит вода
Лезвия тонкой осоки.

Настороженная тишь,
Убыль короткого лета.
Но над равниною стриж
Черной взмывает ракетой!

Мягко легла на тропу
Тень от березы повислой.
Время настало судьбу
Неторопливо осмыслить.

Теплый принес ветерок
Запах кипрея и мяты.
Долог июльский денек
И далеко до заката.

ДЕЛЬТАПЛАНЕРИСТ

Владимиру Моисееву

Встречный ветер становится плотным,
И земля уплывает, скользя,
И — подъем.
Но свободным полетом
Называть это все же нельзя.
Лишь с земли любоваться прекрасно:
Дрожь восторга.
Скольженье.
Мечта...

А тебе расслабляться опасно:
Ничего не простит высота.
Ты висишь в восходящих потоках,
Непонятный и сказочный зверь,
Не на риск уповая, а только
На расчет, быстроту, глазомер.
Но подхватит такое мгновенье,
От которого холод в груди:
Позабыто земли притяжение,
Вольно руки раскинул —
Лети...

СОВРЕМЕННЫЙ СОН

Человек пришел на край земли
Перед ним обрыв —
И пустота.
Где-то в фосфорической пыли
Плавают библейских три кита.
Не понять, где верх,
А где тут низ?
Что же делать дальше?
Вот вопрос.
Искрами высокими зажглись
Мириады светоносных звезд.
За спиной — пожары и цветы.
Мир лежит
То в росах,
То в крови.
Города,
Могильные кресты,
Дыры мрака,
Всполохи любви...

Человек пришел на край земли,
Крылья в беспредельное раскрыл.

И метнулись в космос корабли
Стаей голубых
Летучих рыб.

ЧИН

Когда он, гранитный на вид,
Степенности маску набросив,
Кому-то солидно звонит,
Кого-то с ленцою «разносит»,

Когда на столе перед ним
Как мрамор белеет бумага,
Предчувствием тайным томим,
Я думаю с грустью: — Бедняга...

А горько же будет тебе
Спуститься долой с пьедестала,
Когда шибанет по судьбе
Ну, скажем, болезнь или старость.

Почти с олимпийских высот
Сойти на суровую землю,
Почуять, что время идет,
Ничьим сожаленьям не внемля.

И тонко прозвякнет струна,
Что так басовито звучала.
И только проявит жена
К тебе необычную жалость...

* * *

Надышавшись вечернею мглой,
 Постою я у сельского клуба.
 Где же ты, гармонист молодой
 С заливатскою прядкою чуба?
 Надоел мне задерганный визг
 И слова с иностранным акцентом,
 Пусть замолкнет крутящийся диск,
 Пусть замрет бесконечная лента!
 Мы припомним
 Нехитрый мотив
 Песни старой, что ныне забылась,
 И споем ее так,
 Как хотим,
 Будто только сейчас сочинилась!
 Что нам слушать
 Чужую любовь,
 Что нам проку
 В придуманной страсти?
 Белых кнопок
 Лихой перебор
 Загрустит и заплачет о счастье.
 И меха развернутся волной,
 Как от жажды,
 Вдруг высохнут губы...
 Надышавшись вечернею мглой,
 Ухожу одиноко от клуба.

* * *

Я задремал у огня,
 Лапник постлавши уютно.
 Небом накрыло меня,
 Как одеялом лоскутным.

Прошелестели кусты.
Окунь плеснул у жерлицы.
Выплыли из темноты
Все дорогие мне лица.

Омут. Нахмуренный лес.
Запахи хвои и дуба.

И сквозь прорехи небес
В спину мне холодом дуло.

КРЫЛЬЯ

Поэма

«...Скорость определяет темп
жизни:
темп созидания и темп
потребления,
и в конечном счете — темп
развития общества».

Р.Е. Алексеев

1. Конструктор

Над Сормовом новое утро,
Грохочущий ритм заводской.

Так что же ты можешь, конструктор,
Склонясь над чертежной доской?
Сомнений, раздумий, тревоги
Достаточно ты испытал,
Чтоб мысль твоя четко и строго
Смогла воплотиться в металл.

С делами созвучия в лад,

Чтоб лауреатские лавры
Не снизили слова «талант».

С душою навек беспокойной
У стендов, в цехах и в КБ,
В работе и шумном застолье
Остаться признанья достойным,
Не дать послабления себе!

Вот в это обычное утро,
Врубив свою подпись на лист,
Так что же ты видишь, конструктор,
Ученый и коммунист?

Ты видишь стремительно-плавный
Разбег своих новых трудов,
Не просто конструктор,
А Главный
Конструктор крылатых судов!

2. Талант

От тихого сбора грибов
До слалома скоростного,
Талант — значит, к жизни любовь.
Он знал это лучше иного.
Когда неудача, печаль
Подступят под самое горло,
Умел он свободно помчать
На лыжах и водных, и горных.
Нельзя быть
Довольным собой
До сердца последнего стука.
Талант — это к людям

Любовь:
 Нелегкая, горькая штука.
 И совесть нельзя затаить:
 С надеждою люди приносят
 Житейские беды свои,
 Вопросы свои и запросы.
 Сменяют дожди листопад,
 А жить хорошо и тревожно:
 Есть женщины пристальный взгляд,
 Который забыть невозможно...
 Бессильно впиваться во тьму,
 Где даже окурок не светит:
 Он — Главный, а значит, ему
 За все оставаться в ответе.
 Когда от забот и тревог
 В душе — как дождливая морось,
 Собою остаться он мог:
 Есть воля, и вера, и скорость!

Двузначен у времени лик,
 У времени строгий обычай,
 Его торопящий — велик!
 Его обогнавший — трагичен...

3. Любовое сопротивление

С нарастающим ускорением
 Жизнь накатывает, как волна.
 Любовое сопротивление —
 Не абстрактная величина.
 И не просто научный термин,
 Строгой формулы торжество:
 Кто сквозь время
 Шагает первым —
 Знает всю многоликость его.

Мысли дерзостной напряженье
И пугающая высота...
Лобовое сопротивление —
Рев турбины, грохот винта.
Лобовое сопротивление.
Все сложнее из года в год
Человеческих отношений
Неурядица и разброд.
Лобовое сопротивление
И далеких, и близких людей.
Лобовое сопротивление
Осенивших тебя идей!
Зажигается освещенье
В тишине ночного жилья.
Лобовое сопротивление
Своего же второго «я».

Если духом ослаб на мгновенье,
Заблудился в житейской мгле, —
Лобовое сопротивление,
Будто камень, придавит к земле.
Как тяжелое наваждение,
Пролезает в любую щель,
Лобовое сопротивление —
Неизбежное сопротивление —
Денег, тряпок, страстишек, вещей...
Не введи нас во искушение,
Легкой жизни хмельное вино.
Лобовое сопротивление,
Если б только оно одно...

Счастлив тот, кто в тревогах мира
Не утратил своей доброты,

Не прошел равнодушно мимо
 Даже самой малой беды.
 Счастлив тот, кто в заботах несправданных
 Делал дело, спокоен и смел,
 Суету, пустяковость соблазнов
 Силой духа преодолел!
 Есть, однако же, утешение
 Для обретших покой и уют:
 Лобовое сопротивление
 Без движенья равно нулю.

4. Модель

Ранним утром на тихой воде
 Катер-буксировщик
 С моделью за левым бортом
 Оставляет двойной
 Долго сохраняющийся след.
 Это похоже на глиссирование
 Какой-то диковинной птицы
 С детенышем.
 Модель — ген будущего корабля.
 Это гадкий утенок,
 Который должен быть возвращен
 Трудом и талантом многих,
 И в первую очередь Главного, —
 И тогда вылетит
 Лебедь совершенства!

Главный любил сам проводить
 Модельные испытания,
 И белый капроновый фал,
 Бегущий от модели в руки Главного,
 Напоминал чутко подрагивающий нерв.

Главный улавливал какие-то
Одному ему слышимые
Ритмы, вибрации, токи.
Между ним и моделью
Устанавливалась удивительная
Живая связь...

5. Подъемная сила

Над следом крутящимся спутным
Лишь пыль водяная кружит.
Чуть дрогнуло быстрое судно,
На крейсерский выйдя режим.
Летит с ватерлинией вровень
Пологой волны борозда,
И крыльев сегментный профиль
Легко поднимает вода.
Путем современным и древним —
Вперед! И бегут берега.
И мимо — причалы, деревни,
Тяжелые сосны, стога...
Просторное имя — Россия,
Созвучие слову «рассвет».
И гордо, подъемною силой,
Душа отзовется в ответ!
Как многим поверить охота,
Что пасынки мы на земле,
Что нет нашей Родине взлета,
Доныне — Россия во мгле.
Как многим желается в мире,
Чтоб мы потеряли лицо
И лишь возводили в кумиры
Эстрадных певиц да певцов.
Забыли святыни, могилы,
Утратили гимны свои,

Таланта подъемную силу,
 Подъемную силу любви!
 Нам скорость дарили не боги,
 Нас жесткие крылья
 Несут,
 Подъемная сила работы,
 И в этом — основа и суть!

6. Полигон

Здесь так быстро приходят рассветы,
 Свой вымахивают огонь.
 Продувается резким ветром
 Испытательный полигон.
 Спуск отлогий. Ракушечный берег.
 Размышленья предутренний час.
 Можно берег шагами мерить
 Чуть вразвалку, не торопясь.
 Скоро, тишь разрывая на клочья,
 Выдув радужную пелену,
 Приподнимется судно
 И мощно
 Острой грудью пойдет на волну.

...Годы мчат.
 Только ветер тревожный,
 Как на слаломе, рвется вдогон.
 Может, жизнь человека тоже
 Испытательный полигон?
 Тень усталости и бессонниц
 Утро смыло прохладной струей,
 И разбилось веселое солнце
 На воде золотой чешуей.

7. Альбатрос идет на посадку

Что есть счастье
 И что есть горе?
 Морю дела до этого нет.
 С человеческой волей споря,
 Только пеной плюет в ответ.
 ...Как законченно все у птицы:
 Каждый мускул и каждый нерв.
 Вот крыло слегка шевелится,
 Отклонилось чуть — и маневр!
 У природы учись, у природы.
 Вечный символ, живой вопрос,
 Упиваясь полетом, свободой,
 На посадку идет альбатрос.

8. Притяжение

Как звезда своим гравитационным полем
 Притягивает планеты, —
 Так и Главный своей личностью
 Неудержимо притягивал людей.
 — Прокати, дядя Слава!
 Он распахивает дверцы машины,
 И вместительная «Чайка»
 Наполняется веселой ребятней.

— Ростислав Евгеньевич, есть хорошая
 трасса!

И в свободный час надеваются лыжи.
 — Ростислав Евгеньевич, есть идея:
 Подняться на парашюте
 С буксиром от легковой машины!
 (Это в его шестьдесят с лишком!)
 Да еще подводное ориентирование.
 И первая любовь — яхта...

Если приглашали его на праздничный вечер,
Он приходил и охотно танцевал,
Забавно раскачиваясь высокой фигурой,
Как матрос на кренящейся палубе.
И при этом его мозг постоянно вырабатывал
Узлы, конструкции — удивительные,
невиданные...
В его быстрых эскизах сохранились
Вспышки новых неповторимых замыслов...

9. Залив

Над заливом туманов совиный полет.
Ворох листьев прибило к обочинам.
По ночам нарастает у берега лед —
На воде испытанья закончены.
Только хмурые ели все так же шумят
Над знакомыми крышами домиков.
...Может быть, отдохнуть, оглянуться назад?
Были годы наполнены доверху.
Грустно светят березы над темной водой,
Похудели, листву уже сбросили,
Но как сладко вдыхать этот воздух лесной,
Вновь почувствовать ветра напор скоростной
И поспорить с угрозами осени!
Он еще не закончен, заветный корабль,
Что задуман прощальною песнею...
Где-то близко зима. Подкрадется январь
И ударит внезапной болезнью.

10. Ветер

О товарищах помнить, о себе помолчать.
До свидания, берег уютный!
Но попутного ветра не надо желать:
Слишком он ненадежен, попутный.

11. Портрет

Есть и другие: вот он, совсем молодой,
 победитель регаты,
 Снят рядом с легендарным Валерием Чкаловым;
 Вот — в круту друзей с моделью «Метеора» в руках.
 На лыжне. С парашютом. У костра.
 За праздничным столом среди молодых людей,
 На лицах которых — отсвет его присутствия...

И еще многие, профессиональные
и любительские,
Серьезные и веселые.
Но один из последних почти скульптурен:
Обыкновенный пиджак, в левой руке очки,
Морщины на лбу, как крупная рябь на воде...
Взгляд ученого, руки слесаря.

12. Площадь

Он здесь проходил не однажды,
О славе навряд ли заботясь,
Работы и творчества жажду
Считая за высшую почесть.
Наверное, трудно
Придумать красивей и проще:
Крылатое судно,
Под ним, будто озеро, площадь.
И хлещет людская волна
То приливом своим, то отливом;
Как жизнь, что бывала трудна,
Но осталась большой и счастливой.
У крыльев бетона коснешься
И вспомнишь, пожалуй,
Пожатье руки
Уверенной, доброй, шершавой...
Людские пути то во тьме, то сияют огнями,
А судну идти и идти
По реке под названием Память.

Из книги «Тень ласточки» (2001 г.)

* * *

Я прохожу по осеннему саду.
В небе, как трещины, — голые сучья.
Просто живу и дышу, и не надо,
Чтобы слагались глухие созвучья.

Лист опускается влажный и рыжий,
Звуки стучатся упрямо и трудно.

Просто брожу, и почти ненавижу
Дар свой мучительный, слабый и скучный.

ВЫМЫСЕЛ

Яркий мир химер и аллегорий,
Скопище фантомов и теней,
Где воображаемое горе
Мне подчас реального больней.

Вымысел, мой дорогой товарищ!
Рядом неразлучно ты идешь.
Ты меня бессмертием одаришь,
Ты меня погубишь и спасешь.

Мир, в котором никому не тесно,
Сквозь мои пульсирует виски,
И делю я с ним по-братски честно
Черствой повседневности куски.

МОЛИТВА ХУДОЖНИКА

Дай Бог мне побольше стыда,
Дай грешную мысль побороть
В тот час благородный, когда
Рисую прекрасную плоть.

Пусть буду я беден и сир,
Познаю беду и нужду,
Лишь только сумею бы вкусить
Плодов в твоём дивном саду.

Пусть буду я, бедный старик,
Недугом телесным томим,
Лишь стал бы я — Твой ученик —
Навеки — подобьем Твоим.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ

Смыло навек в неизвестность
Чьи-то родные черты.
Время врубilo в окрестность
Эти кривые кресты.

Я не люблю монументов,
Давящих сердце и ум;
Ближе мне выдохи ветра,
Запада рдяная лента,
Елей неласковый шум.

Траурных горше звучаний
И величавей гробниц
Вещей равнины молчанье,
Крик пролетающих птиц.

ОСЕННИЙ КЛЕВ

Рассвет белесый холодил
Речушку в сумеречном блеске,
А он все дальше уходил
В свои родные перелески.

Как славно, что душа жива
Простыми радостями детства.
Из омутов идет плотва
На мель песчаную погреться.

Пришел он, слабый и больной,
Родному краю поклониться
Перед тяжелою зимой
И неизбежно больницей.

...Он думал в сладкой тишине,
Следя, как листья опадали,
Что вот рыбалка по весне
Ему предвидится едва ли...

СТИХИ О БЕЛОЙ ЛОШАДИ

Королевы и императрицы
На моей восседали спине,
И в поверженные столицы
Победитель въезжал на коне.

Перед боем, хмельны и усаты,
И врагам, и красоткам гроза,
Целовали меня гусары
В фиолетовые глаза.

Как-то гулкою ранью весенней
По березовым белым лесам
Прокатился Серега Есенин
И об этом стихи написал.

Бег мой легкий подобен песне,
И прославился он в веках.
Я прощаю тебе, наездник,
Шпоры с кровью в моих боках.

Пусть мои ты вытягивал жилы,
Чтоб сорвать победителя лавр, —
Мы единым дыханием жили,
Словно общий наш предок — Кентавр.

И, привыкшие к кликам победным,
Никогда не щадили себя.
Но однажды, на скачке последней,
Пуля в сердце ужалит тебя.

И затихнут раздольные ветры,
Упадешь ты в ковыльную грусть.
Раньше матери и невесты
Я губами к тебе прикоснусь.

* * *

Эта речка, несчастная беженка,
Унося свое горе и страх
От людского безумья и бешенства,
Укрывается в редких кустах.

Серебристую стайку плотвичек
Увлекает вослед за собой,
Детский сад пескарей-невеличек
Оживляет прохладной водой.

Словно сорваны древние клапаны —
Над землею клубится беда,
И, осенней листвою оплаканный,
Простирается путь в никуда.

ДЕРЕВЕНСКАЯ НОЧЬ

Подползает тоска, как волчица,
Ночь холодным дождем окропило.
До рассвета под ветром стучится
В избяное окошко крапива.

Я гадаю по звукам, по листьям,
Что еще там грядет и клубится;
Но бадья над колодцем повисла
Под луною, как самоубийца.

Ночь тревожна. Зловещие звуки.
Деревенские древние страхи.
Словно беды с безлюдной округи,
Собираются тучи во мраке.

Вспоминаю под бедною кровлей
Ближих судеб концы и начала.
Полнолунием в березовой кроне
Одноглазое лихо застряло.

РЫЦАРЬ

Валерию Шамиурину

Рыцарь смешной, не звени стременами,
Ты уж немолод, и конь утомлен,
Грустно висит горделивое знамя
Славных былых, но прошедших времен.

Тучи бегут над равниной унылой,
Нету в суме у тебя ни гроша,
Други твои отдыхают в могилах,
Тело избито и в шрамах душа.

Жаркая юность мелькнула задаром,
Не разорвутся судьбины круги,
Вышли в путаны знатные Дамы,
Выбились в знатность бывшие враги.

Время сжимается грозной пружиной,
Ветер забвения веет в лицо,
Что перед силой твоя одержимость,
Что перед Златом твое копыцецо?

Но подождет одинокая старость
С черствой горбушкой и чаркой вина:
Ведь в утешение в мире осталась
Вольная песня. Бессмертна она.

* * *

В мире жестоком, в мире лукавом,
Осенью хмурой иль средь зимы,
Снова очнусь я с пустыми руками:
Радости жизни давались взаимы.

Мне на вокзале цыганка гадала,
Руку брала средь людской кутерьмы:
— Счастье, алмазный, получишь задаром!
— Счастье, цыганка, дается взаймы...

Юность дарила медовым загаром,
Жарким признаньем сиреневой тьмы.
Ты полагал, что все это задаром?
Полно, дружочек, все это — взаймы.

Сердца слабеют тугие удары,
Стала короче житейская нить.
Кончилось все, что давалось задаром,
Время пришло по счетам заплатить.

* * *

Мы давно догадались, что наша любовь —
Лес, где вечная осень.
Шелестит мне об этом листочек любой
И прощенья просит.

Каждый лист пожелтевший, как прожитый день,
Календарно-древесный.
И сгущается времени грустная тень,
Ждать весны бесполезно.

И, быть может, бесследно исчезнет к утру,
Чем дышалось когда-то,
Но прощальная нежность горит на ветру,
Как полоска заката.

* * *

Всю ночь грохотала гроза
И старые сосны шумели.
Упругие, как паруса,
Вздувались косматые ели.

И было заснуть мне невмочь,
Внимая угрюмому шуму.
Я думал в бессонную ночь
Одну неотвязную думу

О том, что гроза не страшна
С божественным этим свеченьем,
О том, что, быть может, она
Даруется нам, как знаменье.

И грома раскаты, и свет,
Пронзающий выси и воды,
Напомнят, как слаб человек
Пред грозным величьем природы.

* * *

Лето. Рассвет. Облака
Белые, словно от стирки.
Радуйся, сердце, пока
Громы небесные стихли.

Клевером пахнут луга,
Утро грозою умылось.
Радуйся, сердце, пока
Есть еще высшая милость.

Легкий и ветреный день, —
 Жизни веселая сила.
 Ласточки черная тень
 Тело мое просквозила.

Из цикла «Колокол солнца»

ОТЧУЖДЕНИЕ

Объяснили: крестьянство — враг.
 И вознес свой державный кулак,
 Как на старшего — младший брат,
 Победитель — пролетариат.

Это значит земля — не Мать.
 (Так положено понимать.)
 Это значит, что классовый враг —
 И болото, и лес, и овраг.

И ватаги крестьянских сынов
 Покидают родительский кров,
 И поруганы церковь и хлеб,
 И цветет возле изб курослеп.

И не жаль нам босого мальчика,
 И не жаль нам родного отца,
 И не жаль вообще ничего,
 Кроме только вождя своего.

Мы кормящую руку бьем,
 Словно в душу свою плюем.
 Прохрипи нам, Есенин, про рожь!
 Да куда ты, деревня, прешь?

* * *

Еще мы гордимся собой
Под рвущейся пленкой озона,
Но горькой расплаты прибой
Накатывает от горизонта.

Еще умилением сквозит
Осенней листвы невесомость,
И перед потомками стыд
Еще не обжег нашу совесть...

ГЛУБИНА

Глаза любимой после сна,
В которых вспыхивает солнце,
Глубь затененного окна,
Березы лист на дне колодца...

Гуляет, бурю гоним,
Девятый вал на океане
И небо в тучах, а за ним
Светил астральное сиянье...

И есть иная глубина.
Когда-нибудь в ночи холодной
Ты совестью ее до дна
Измеришь, словно эхолотом.

ХУДОЖНИК П. ФЕДОТОВ, «ВДОВУШКА»

Здравствуйте, Павел Федотов,
Бедный художник Руси.
Сколько про Вас анекдотов
Сложится, Боже спаси!
Может, наполните чару
Горьким, как слезы, вином;
Может, возьмете гитару,
Что-нибудь вместе споем?
Ноша тяжка, невозможно,
Что там сума иль тюрьма...
«Вдовушка» Ваша, художник, —
Это ж Россия сама!
Счастье мгновением было,
Будто приснилось во сне.
Где он убит, ее милый,
В Афганистане, в Чечне?
Ноша тяжка, невозможно,
На бесконечном пути.
Питером серым, промозглым
Тень твоя будет брести...

УТРО

С малиновым дымом встает
Ленивое зимнее солнце,
И, слава светила восход,
Поют корабельные сосны.

Пройди по звенящей тропе
На ветер морозный и острый, —
Все в белом березы к тебе
Склоняются, будто медсестры...

* * *

Захолустья России
 Зарастают быльем.
 Над оврагом осинник
 Виснет красным тряпьем.
 Бремя долгих кочевий,
 То сума, то тюрьма...
 Над деревней вечерней
 Опускается тьма.
 Сбросит грустной цыганкой
 Осень рваный платок
 И дотлеет сигаркой
 Свет в окне, одинок.
 Колея, супесчанник,
 Да осинник вдали...
 Нет страшней, нет печальней,
 Нет любимей земли.

* * *

Утро прокричало петухом,
 Раскатилось гулом в провода.
 Темноты медлительный уход —
 Словно отступившая беда.
 Со своей судьбой наедине
 Я и ликовал, и горевал.
 Эту ночь в холодном полусне
 Собственным дыханьем согревал.
 И дорога поутру легка,
 Будто сброшен непосильный груз,
 И заброшен кем-то в облака
 Яблока незрелого надкус.

ГРУЗИНСКИЙ ТАНЕЦ

Когда танцуют грузины,
Тонкие, как кинжалы,
Когда проплывают грузинки,
Как белые облака, —
Мне чудится в древних ритмах
Грохот горных обвалов,
Мне видится: оживают
В легендах седых века.

Сверкает стремительный танец,
Как быстрые горные реки,
Раздольно раскинуты руки —
То в небе плывут орлы.
И замолкают где-то
Визгливые дискотеки,
Становятся все тусовки,
Как стертый пятак, малы.

А танец пленяет властно
Нежностью и отвагой,
Он то взлетит невесомо,
То вдруг прозвенит, как сталь.
И увлажнятся невольно
Глаза благодарною влагой,
И дрогнет сердце восторгом,
И душу сожмет печаль.

Взвивайся, музыки пламя!
Волнуйте сердца, грузины!
Да не оскудеет вовеки
Прекрасная ваша земля!

Пусть долгим ответят эхом
России моей равнины,
И прошумят отзывно
Леса мои и поля.

* * *

Мефистофель с петушьим пером
Или Воланд с широкою шпагой —
Вы не суйтесь с классическим злом
К несуразным российским ватагам.
Здесь сам черт ничего не поймет:
Где тиран, где палач, где блудница?
Лишь глобальная выюга метет,
Заметая туманные лица.
Здесь смиренник страшной бунтаря,
Здесь возможен любой перевертыш,
Здесь золой осыпалась заря
На полях бесконечных и мертвых.
И в столицах, и в дикой глуши
Тщетно силится разум небесный
Осветить бесприютной души
Роковые обвалы и бездны.

МЕРТВЫЕ ДЕРЖАТ ЖИВЫХ

Хочется освободиться
От безобразий былых,
Но не спеши торопиться:
Мертвые держат живых.

Лидер с трибуны грохочет
Словом, разящим под дых.
Что он упрямо хлопочет?
Мертвые учат живых.

Пишет художник картины,
Трудится в поте лица,
А над работой склонилась
Темная тень мертвеца.

Ветер газетные клочья
Носит в квартирах пустых.
Призраки душу морочат,
Мертвые манят живых.

Жарко под бронежилетом,
Сердца касается крест.
Землетрясеньем планета
Грозный диктует протест.

Крови следы на асфальте,
Крик прозвенел и затих.
— Прошлого не забывайте! —
Мертвые молят живых.

БЕЛЫЙ СВЕТ

В поднебесье уходит серебряный дым,
 Я брожу в этом мире мальчишкой седым.
 Удивляюсь: уже застывает река,
 И сугробы растут, и плывут облака.
 Белый свет в замерзающем зимнем окне, —
 Разве мало для радости этого мне?
 Белый свет, все цвета ты в себе совместил,
 Ты за черные дни мою душу простил.
 Вспыхнет радуга, запылают цвета,
 Что пред нею бессмысленная темнота?
 Выйдешь в рощу о горькой подумать судьбе —
 Как медсестры, березы клонятся к тебе.
 Будет май и укутает яблони дым..
 Я брожу в этом мире мальчишкой седым.

* * *

Время идет посолонь*,
 Детство блуждает впотьмах,
 Пьяно рыдает гармонь
 У инвалида в руках.

Всхлипы слепого дождя,
 Школы убогой уют
 И под портретом вождя
 Наш пионерский салют.

Пухом оделась ветла,
 Рыхлый ломается лед.
 — Ваша дорога светла! —
 Весело радио врет.

Вывезен в поле навоз,
Умер от грыжи сосед.
Хлюпает грязью колхоз,
Пьет самогон сельсовет.

Скрыла чащоба кустов
Ржавой колючки оскал.
Вырос малинник густой
Там, где был лесоповал.

Сгинул усатый дракон,
Сгинул пузатый дракон,
Плачет свеча на ладонь,
Время идет посолонь!

** Посолонь — по солнцу.*

* * *

Поэт всегда виноват,
В любом временном витке,
В том, что есть мор и глад,
И пуля в теплом виске.

В том, что чудаки Христос
Вознесся на небеси,
Оставив проклятый вопрос:
Как этот мир спасти?

В том, что сытый палач
Спокойно и крепко спит
Под смертный ребячий плач,
Под мрачно плодящийся СПИД.

В том, что воочию ад
Он видит сквозь времени тьму.
Поэт всегда виноват,
И нет оправданий ему.

* * *

В октябре проснешься поутру, —
Лист кленовый ляпнет по стеклу.
Осени горячая ладонь,
Неба сине-розовый огонь.
Ливнями исколотый песок,
Реденький березовый лесок.
И витает горестно над ним
Прошлого неповторимый дым.
Мечут клены листья на ветру,
Будто рыбы красную икру.
Стая улетает и молчит,
Комом в горле прошлое горчит.

МАРТ 1953 ГОДА

Притихла разбойная школа.
По радио — речь Маленкова.
И светится солнечный март
На крышках обшарпанных парт.

Что плачешь ты, старый учитель,
Зачем ты роняешь слезу?
Молчите... Молчите... Молчите...
Молчанье сдавило страну.

А мы, безотцовщина, волю
Ценили превыше смертей:
Со свистом — домой через поле!
Так старости детство мудрей.

Из красной тетради

* * *

Заря красна, как в котелке
Смородиновый чай.
Своей губительной тоске
Я говорю: «Прощай».

Как будто на восходе дня,
Поднявшись над судьбой,
Простила женщина меня
За хмурую любовь.

И, может быть, в седом бору,
Где белоус-трава,
Я наконец-то подберу
Заветные слова.

Поверю я в иные дни
И новые года,
В блаженство кротких: пусть они
Получат Землю в дар.

* * *

В каменных ящиках стиля кубизма
Жили мы долго,
И нависало наследье вождизма
Тенью недоброй.

Где-то напрасно светился над рожью
Месяц двурого.
В наших сердцах, одурманенных ложью,
Не было Бога.

Здесь не читали мудрого Канта
Императивы.
Здесь начиналась новая каста:
От примитива.

* * *

Запевали девки за селом,
Белая черемуха цвела.
Показалось, будто на чело
Чья-то длань незримая легла.

Было все — любовь и маста,
Листопад менял на снегопад,
И свистели годы-поезда,
Те, что не воротятся назад.

Все прошло. Осталось лишь одно:
Кладбища печальные кресты,
Мелкой речки илистое дно,
Над водой склоненные кусты.

В невозвратность времени влеком,
Вновь увижу облаков полет.
Запевают девки за селом,
Белая черемуха цветет.

* * *

На дырявом рассвете
сквозь ненастный испуг,
Аэробика ветра,
дождевой перестук.
Окончанием ночи
в горевой полумгле
Колыбельные ноты
затишают во мне.
Это сладкое время
ускользающих нот!
Но торопится время,
неизбежен цейтнот.
Из светлеющей дали
над холодной рекой
Синий призрак удачи
помахал мне рукой.

* * *

Я оттуда, где пили
До слез, до ножа,
Где копейки копили,
Не скопив ни шиша.

Где пустою тарелкой,
Чиста и бледна,
Над речушкою мелкой
Каталась луна.

Руки накрест сложивши
В синих венах, в буграх,
Умирают, как жили, —
В нищете и впотьмах.

Все ведет тары-бары
Власть безумная вслух.
Ну а там — лишь хибары,
Лица страшных старух...

СКУЛЬПТОР

Женское тело сияет с экранов.
Женское тело — хороший товар.
Мир человеческий, полный обманов,
Не насыщает экранный угар.
В спор бесконечный — где Вкус и где Мера —
С ханжеским словом вступить не дерзну.
Вечно румяный резвящийся Эрос
Держит людей в своем сладком плену.
Но ни богатства, ни счастья не надо;
Краткий для них отпускается срок.
Скульптором мудрым юной Эллады
Я бы хотел побывать хоть годок.
Чтоб восхититься однажды недаром
Телом божественным, дивным лицом;
Чтоб розовеющий мрамор Каррары
Мягко струился под точным резцом.

* * *

Нынче год високосный,
Нынче день сенокосный.

Вновь ломается с болью
И страна, и судьба;
Ну а здесь — то же поле
И все та же изба.

Вновь шумиха и смута,
Много кривды и зла,
Но ведь надо ж кому-то
Просто делать дела.

Надо стог дومتать,
Надо год скоротать.

* * *

Осень меня обняла, закружила,
Некогда вдаль посмотреть.
Молодость минула, жизнь не сложилась,
Нечего в прошлом жалеть.

Осень, ты женщина, а не девчонка.
Ласки твои не к добру.
Жизнь паутинкою белой и тонкой
Слабо звенит на ветру.
Терпкий твой запах и вкус ощущаю
Я на излете судьбы.
Желтые тряпки береза качает
Возле замшелой избы.

Что мне осталось от горькой любви:
 Ответ рябины в реке,
 Мокрый проселок в лепешках коровьих,
 Странничий посох в руке.

И под прощальное это круженье
 В полузабытом селе
 Радость отдам тебе без сожаленья,
 Слезы оставлю себе.

* * *

Я возвращаюсь к пенатам родным
 С нищей душой и карманом пустым.

Хлеб свой нерадостный птицам крошил,
 На пепелищах золу ворошил.

Видел усмешку житейской тцете:
 Дрожь мотылька на могильном кресте.

Я под копной засыпал нетверез,
 Ливнем дырявило кроны берез.

Где вы, души моей учителя,
 Мирен ли прах и мягка ли земля?

Сеяли много, да нечего жать,
 Мягко стелили, да жестко мне спать.

Сердцем к земле невеселой приник
 Ваш нерадивый седой ученик.

ПУТНИК

Дорога будет далека,
Хоть я прошел уже немало.
Стоят высоко облака
В сугробных голубых обвалах.

Веселый ветер луговой
Тревожит сонные березы.
И над сверкающей водой
Висят прозрачные стрекозы.

Иду заветною тропой,
И все пророчит мне удачу,
И только ель густой смолой
О чем-то неутешно плачет.

ПУСТАЯ ДЕРЕВНЯ

Брожу, как безработный черт,
Уволенный за добродетель.
Не лают псы, не плачут дети,
Темны дома и воздух мертв.
В колодце — ржавая бадья.
На свалке — детская коляска.
Обрывки старого белья
В запруде с камышом и ряской.
Здесь с тишиной вползают в грудь
Незримо биотоки боли.
Здесь жилы некому тянуть
На изнасилованном поле.
И даже сельская Яга
Не обнаружит вздорный нор.

Дорогу старую в лугах
 Забыл, как пуповину, город.
 Деревни ошалевший сын,
 Он полон силы и нахальства,
 Там нету проклятых осин,
 Но много сытого начальства.
 Там люди блага создают,
 О многом в жизни беспокоясь,
 И песни громкие поют.
 И говорят умно про совесть...

ВЕСЫ

Зажгутся созвездья:
 Медведица, Гончие Псы...
 Ищу равновесья,
 Небесные вижу Весы.

Из дали бегущий
 Луч света в зеницах горит.
 Мгновенье живущий,
 Я вечности чувствую ритм.

О Разум всевышний!
 Коль вправду ты где-нибудь есть,
 Мой голос услышишь
 И примешь негромкую весть.

И краткий, и бранный,
 Кладу я тревожной рукой
 На чаши Вселенной
 Крупицы надежды людской.

ЗНАК

Гостьей из неведомых пределов,
Предрекая горькую судьбу,
Шаровая молния влетела
В тихую крестьянскую избу,

Где бывали свадьбы и поминки,
Где встречались радость и беда.
Праздник младших — молоко из кринки,
Доля старших — из ковша вода.

Осветились с громом законным
Вековое рабство и нужда,
Темной Богородицы икона
И портрет усатого вождя.

Грозный шар, блуждающий без цели,
Обернулся тусклым фонарем
И погас над теплой колыбелью
Безобидным мыльным пузырем.

ОСЕНЬ

В этом гиблом и недружном свисте
Вековой мерещится разлад.
Крутятся обугленные листья
И к мирам неведомым летят.

Замордован как Земля и Воля
И почти неразличим впотьмах,
Мужичок плетется среди поля
В шляпе и кирзовых сапогах.

* * *

Когда расставанья слепящий снег
Завьюжит по нашей судьбе, —
Тебе я оставлю счастливый смех,
А слезы возьму себе.

На горле петлей захлестнулась вина,
Душа не поет, а хрипит.
Пусть будет твоею навеки весна,
А осень ты мне уступи.

ВЬЮГА

Ветер в полях набирает разбег,
Чтобы вломиться в лес.
Крутит спирали взбесившийся снег,
Гул, бездорожье, треск.

Тот, кто в пути до жилья не добрел —
Жалок и мал, и слаб.
Лес — как медведь, отгоняющий пчел
Взмахами темных лап.

Вьюга раздольно гуляет в ночи;
Зря человек не кричи...

Путника холод и мрак настиг,
Но сделал он все, что смог;
Верной собакой повел инстинкт
В теплый спасительный стог.

Если в квартире, где теплый чашек,
В душе проснется царек, —
Пусть мне припомнится этот стог
И ветер, валящий с ног.

Пусть мне припомнится полночь и снег,
Стоны берез и осин.
Матери первой губительный гнев
Помни, забывчивый сын!

ОБЕД СПОРТСМЕНОВ

Тяжелоатлеты
Едят лангеты.

Волейболистки —
С горчицей сосиски.

Толкатели ядра —
Простоквашу (по два ведра).

Гимнастки —
Только чай (и то с опаской).

Шестовики —
Шашлыки.

Прыгуны в высоту —
Без хлеба — пустоту.

Гребцы на байдарке —
Гусиную поджарку.

Пловцы —
Рыбные голубцы.

Фигурное катание —
Детское питание.

Сборная по футболу
Ест все без разбору,

А по баскетболу —
Пьет «Пепси-колу».

Старший тренер (пока) —
Цыпленка табака.

ТРИ ИМЕНИ

К 50-летию перелета экипажа В.П. Чкалова

Когда вели вы дерзкий поиск
Необычайного пути,
Когда увидел хмурый полюс,
Как птица звездная летит, —
Нет, не угрозу, не оружие
Несли вы на своем крыле,
А только теплоту и дружбу,
Людское братство на земле.

Три имени, как три легенды,
Три имени, как три звезды.
И стали ближе континенты
И тают отчужденья льды.

УТРО

Рассвета пылающий гребень
Над рощицей бледных берез
Да светлые перья на небе,
Гонимые ветром вразброс.

Сгустились прошедшие годы
В единый предутренний час,
Как честные гены природы,
Посмертно живущие в нас.

И мысли яснее и лучше,
И не омрачается дух,
И срок еще некий отпущен,
И трижды не крикнул петух.

ВОРОН

Ворон, присевший на хмурую ель,
Лет полтора ста
Молчит про дуэль.
Много он видывал разных смертей,
Много в полях
Расклевал он костей,
Но не припомнит
Крови алей.
Старому ворону
Чудится вновь,
Будто клюет он
Ту снежную кровь.
Но не расскажет, какая на вкус
Страсть африканца
И русская грусть.

* * *

Да, сколь веревочку ни вей,
Но все ж в конце концов
Падут на головы детей
Грехи и ложь отцов.

Спасения в забвении нет
Нигде и никому:
Есть правды беспощадный свет
Сквозь временную тьму.

* * *

Сырость дождевого полумрака
В утреннем районном городке.
Хмурого хозяина собака
Вывела гулять на поводке.

Спозаранку поднятый товарищ!
Поводок ременный тербя,
Что ты взглядом полусонным шаришь,
Может, ищешь самого себя?

Мы бредем дорогою щербатой
Под покровом вязкой тишины,
Горькими ошибками богаты,
Грустною иронией больны.

Нет кругом ни кошки, ни вороны.
Лишь, своими нуждами влеком,
Пес хрипит, неведомой породы —
Смесь дворняги с диким кабаном.

Спозаранку поднятый товарищ!
Ты моей догадки не простишь.
Ты меня улыбкой не одаришь,
Даже табаком не угостишь!

Ты пойми — ищу себя я тоже,
К сожаленью, без поводыря.
Осветить как следует не может
Небо захолустная заря.

* * *

Лунной ночью мороз потрудился —
Отпечатал узор на стекле.
В захолустной избе пробудился
Добрый мальчик, живущий в тепле.

У НИЖНЕГО...

Разносит ветер далеко
Гортанный крик голодных чашек.
На Волге дышится легко,
Здесь глубже мысль — ясней молчанье.

Раздольна волжская вода,
Вглядишь в прославленное русло:
Былые, грозные года
Сверкнут свинцом на склоне тускло.

Старинный Кремль на берегу,
Дома и заводские трубы.
Река вливается в реку,
Как кровь одной и той же группы.

Неяркий пролился рассвет
 На теплоходы и причалы,
 Где бурлаков тяжелый след
 Когда-то в берег был впечатан.

Вглядись разумно, не спеша,
 Ее судьбу с своею сблизив.
 У Волги добрая душа —
 Она величием не унизит.

ГОД КРЫСЫ

Осень в провинции хмурит пространство.
 В мутных потеках окно.
 Я пропадал от тоски и от пьянства
 Так, что и вспомнить грешно.

Но помогало старинное средство.
 Лужицы, как зеркала.
 Что-то мерещилось... Нищее детство...
 Мать, что давно умерла...

Небо нависло мохнатой овчиной
 И шевелилось, шурша.
 И не понять, от какой же причины
 Тяжко болела душа.

Время прошло, потихоньку врачуя,
 Жизнь потекла, как и встарь.
 Лишь содрогаюсь, как снова почую
 Эту осеннюю хмарь...

* * *

Жизнь моя... Ошибки да грехи.
Все пройдет.
Останутся стихи.

Будут жить, как символы любви,
Сосны корабельные мои.

Будет ждать, как прошлое мое,
Омутов ветлужских забытье.

Будет жить мое второе «я» —
Сердцу дорогие сыновья.

Упадет кому-то на порог
Пыль моих запутанных дорог.

И всплкнет, быть может, во хмелю
Женщина, которую люблю.

Среди ночи затоскует вдруг
Детства моего товарищ-друг.

Закружится, праздничен и чист,
Над могилой одинокий лист,

Легким продолженьем родника
Поплывут куда-то облака.

31 декабря 1997г.

* * *

Загорятся росы на рассвете,
Улыбнется чистая река.

Милый друг! Я не могу ответить,
Отчего гнетет меня тоска.

Я смотрю на дальние могилы.
Я смотрю на тихое село.
Мне не жаль того, что в жизни было;
Жаль мне то, что не произошло...

ПОЭТ

Виновен, поскольку не лжет.
Прострелено старое знамя.
И плоть его слабую жжет
Поэзии темное пламя.

Май 1998 г.

* * *

Ни друзьям, ни женщинам, ни снам
Я своей печали не отдам.
Я бродил по рощам и садам,
По ее таинственным следам.

Не она ль вела меня туда,
Где над лугом теплится звезда,
Где гудит весенняя вода,
Где шумят большие города?

Как богиня, за руку брала,
Уводя от пьяного стола,
Уводя от женского тепла,
От соблазнов сумрачного зла.

И теперь, уже в конце пути, —
 Та же неизвестность впереди,
 И все тот же звук в моей груди
 Все зовет меня: «Иди, иди...»

1998 г.

* * *

Каждым листочком и каждой травинкой
 Мир вострепнулся легко и просторно.
 Алая птица рассвета — фламинго —
 Крылья свои над землей распростерла.

Никнут луга — их давно не косили,
 Сосны звенят над раkitником волглым.
 Утренний блеск на свинцовом и синем —
 Наша любовь — и гореть ей недолго.

По небу тьма растекается быстро,
 Выклубил ветер там тучу большую.
 Радости миг перед сумраком мгlistым —
 Вот моя жизнь — и другой не прошу я.

Змейкой в луга ускользает тропинка,
 В омуте листья ольхи закружило.
 Серая птица ненастья — фламинго
 Крылья свои утомленно сложила.

10 января 2000 г.

* * *

Скоро наступит февраль,
 Хитрый обманщик и враль.

Тронет сердца и умы
Реквием долгой зимы.

Счастья нам наворожит,
Белой метелью вскружит.

Нет, то не знаки беды —
Свадеб собачьих следы.

Зря не тоскуй у окна:
Скоро, ах, скоро весна!

Снег голубей в феврале
Пуха в лебяжьем крыле.

Пусть наступает скорей,
Может, мы станем добрей.

* * *

Снова мы вместе, родная околица!
Скрипнет калитка — и сердце расколется.

Красит заря, как лиса, в серебро меха.
Юность прошла — сохранилась черемуха.

Кто там? Рябина нарядная в платьице,
Или любовь моя первая прячется?

Не забывались ни в счастье, ни в горе вы:
Поле, луга да цветочки лазоревы.

Многое видится, многое помнится,
Влагой печали глаза мои полнятся.

Улочки сельские, мной не забытые,
Вы безымянные, незначенитые...

Буду по жизни, как прежде, я в даль нести
Эти мгновения сентиментальности.

Все, что получится, все, что исполнится, —
Все для тебя, дорогая околица...

ЛУГОВАЯ НОЧЬ

Блики на воде и тень весла.
Ночь луну в подоле принесла.

Облаком укутала большим,
Будто одеялом пуховым.

Разлилось, белея, широко
По лугам парное молоко.

И скрипел до утра коростель,
Древнюю качая колыбель.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ЭТЮД

Выйду в разросшийся сад
В лунном русалочьем свете —
Над головою висят
Белой черемухи ветви.
Облаком влажным сирень
Светится из полумрака.
И возле ног моя тень
Верной чернеет собакой.

* * *

Убегает в луга колея,
На воде — оловянная рябь.
Все разъехались, речка моя.
Я люблю тебя, месяц сентябрь.

Вновь рябины слепят мне глаза,
Лист ольховый кружит в омутах,
И свистит бесприютно лоза
На последних моих берегах.

Лишь вдали, умирая, горит
Костерок, и склонился над ним
Одиноким безумный старик:
Я когда-нибудь стану таким.

Об одном лишь молю небеса;
Не увидеть судьбины такой,
Как чернеют безмолвно леса
Над глухой одинокой рекой.

...Берега здесь оденут в бетон
Поднимутся трубы, дымя,
И прольется в родник ацетон.
Только это уже — без меня.

* * *

Звук и свет был душе моей дан
От заветных ветлужских полян,

От моих неизменных богов:
От реки и покосных лугов.

Возвращается все на круги,
Иль точнее, на круги свои;

К материнскому лону реки,
К изначальной и вечной любви.

Я не слишком ушел далеко,
Я не рвал животворную связь,

Потому возвращаться легко,
Головою повинной склоняюсь,

В край, где жертвенно жаждет трава,
Обернуться холмами стогов,

Где из сердца стремятся слова,
Будто ласточки из берегов.

Забывая житейскую гнусь,
Замыкая судьбины кольцо,

Над водою вечерней склонюсь —
И увижу мальчишки лицо.

Из поэтических тетрадей разных лет

* * *

Посажено на цепь весло.
И лодку под мшистою елью
Как высохший лист занесло
Разгульной февральской метелью.

Усыпанный иглами снег
 Начерпался за голенища.
 Скажи мне, чуждак-человек,
 Ну что ты здесь бродишь да ищешь?

Весна в свои сроки придет.
 И вытают в плоскодонке
 Забытый тобой перемет
 Да зеркальце смелой девчонки...

* * *

Лес ты мой таинственный,
 Друг ты мой единственный.

С иволгами звонкими,
 С дружными опенками,

С ягодой-брусникою,
 Да с тропинкой дикою.

С цепкими трясиными,
 Да с родниками синими,

С звездочками-искрами,
 Да с глазами рысьими,

С жаркою калиною,
 С древнею былиною,

С зябкими осинами,
 С гонами лосиными,

С осенями волглými,
Да снегами долгими,

С золотыми соснами,
Да с молодыми веснами...

* * *

Как время, идут облака
Стремительно, грозно и мощно.
В холодной купели река
Ольховые листья полощет.

Что память — и дни, и часы
Сейчас она вновь пролистает.
Как птицы, раздумья мои
Тревожною кружатся стасей.

Встает над водой омутной
Лиловый, остуженный вечер.
И падает лист золотой.
И сердцу утешиться нечем.

Октябрь 1986 г.

* * *

Снег растаял на дворе,
Рухнула поленница.
На подруге на моей
Мой любимый женится.

Как сойду я со крыльца
Во ночи просторного,

Посажу я деревца
На четыре стороны.

Повздыхаю, потужу,
В милого влюбленная,
Ель на север посажу
Стройную, зеленую.

Посажу я на закат
Молодую сосенку;
Ты шуми, не умолкай
Ни зимой, ни осенью.

От печалей и невзгод,
И от дня ненастного
Стань же прямо на восход
Ты, рябинка красная.

Будь же счастлив, милый друг,
Лить не стану слезы я:
Обернусь сама на юг
Белою березою.

ПОЭЗИЯ

Свет дрожащий
Летучей строки
Над загадкой людей и растений.
Что же это такое — стихи?
Сочиненье на вольную тему?

Не понять эту связь, эту суть,
Тайну древнюю звука и слога,
Можно только лишь жизнью рискнуть
Ради жаркого всполоха слова.

* * *

Словно клинопись, резко на глине
Обозначены птичьи следы.
Горький куст черноплодной рябины,
Не клюют тебя даже дрозды.

Что шептал — то погашено эхом,
Что кричал я — то ветер унес.
Равнодушно, без слез и без смеха
Лист ложится на сельский погост.

Все остыло, лишь это люблю я —
Угли ягод да свет голубой.
Горький куст черноплодной рябины,
Погорельцы мы оба с тобой...

* * *

Дорога заросшая. Ржавые рельсы.
Старуха и мальчик идут, погорельцы.
Как сажа кружат над закатом вороны,
И эхо разносит их крик похоронный.
Сквозь годы и судьбы бредут погорельцы.
Им нету приюта. Им негде согреться.
И худенький мальчик с котомкой заплечной
Всю боль своих глаз мне оставил навечно.

* * *

Бросив тени наклонно
На подростковый лес,
Мощных сосен колонны
Держат купол небес.

И, разрезав в полете
Эту хрупкую синь,
Жадно жрет самолетик
Кислород и бензин.

* * *

Время шло сквозь меня, а не рядом,
И смолчать об этом нельзя,
Что немало впивалось ядом
Через уши мои и глаза.

Никакой не укрыться кровлей,
В хате с краю не пересидеть:
Лишь народной, здоровой кровью
Все болезни преодолеть.

* * *

Друг мой был на решения скор.
Рукавицы надел аккуратно
И по тросу — к буксиру на спор,
Над водою. Туда и обратно!

Грозно бьется о берег Шексна,
Словно в сетку попавшая щука.
Эх, двадцатая в жизни весна —
Окаянная все-таки штука!

Этот цирк над весенней водой
Мог бы выйти затейнику боком.
И со страхом следил рулевой,
Чтобы трос не провис ненароком.

ХОЛОД

Избяное окошко
В цепенеющей мгле.
Оттиск детской ладошки
На морозном стекле.
Что хочу я увидеть,
Что могу отдышать?
И какую обидой
Омрачилась душа?

Возвращаюсь обратно
Я к истоку-ключу.
Кроме истины-правды
Ничего не хочу.

Боль моя и надежда
Не померкла, жива.
Стынет в белых одеждах
При дороге ветла.

* * *

Где все ярче краснеют рябины
И светла акварельность берез,
Черных ягод упали дробины,
Куст крушины осыпав вразброс.

На поляну летит паутина,
Тянет духом грибным на тропу,
Сквозь слегка пожелтевшей осинник
Просеивается солнце в траву.

Среди всяких излишеств и новшеств,
Шелухи сувенирно-пустой
Сохранен берестяной тот ковшик,
Что пропах родниковой водой.

И под небом неистово-синим —
Та знакомая светлая боль,
То бездонное чувство России,
Что угаснет лишь вместе с тобой.

НА БЕРЕГУ ВОДОХРАНИЛИЩА

Высоко поднялись берега,
Вверх по тропке идешь, как по трапу.
Отступили, растаяв, снега,
И пошли в наступление травы.

Сухогрузные баржи идут
Стародавней своею дорогой.
Облака над обрывом плывут
Так, что можно рукой их потрогать.

В ярком свете весеннего дня
И простора, и воли хватает.
Что ж печалит сегодня меня
И тревогой к душе подступает?

Звук тяжелый услышу вдали:
Что-то глухо обрушилось в воду.

Осыпаются комья земли,
Размывает водою породу.

И, себя не умея спасти,
От неясной тоски обмирая,
Деревенька, пустая почти,
Что ни год — приближается к краю.

СОСНЫ

Стоят они, пронизанные солнцем,
Июльский день прозрачен и высок.
Коснулись облаков вершины сосен,
Вцепились корни намертво в песок.

А мне за великанов беспокойно:
Сруби их человек в недобрый час —
И тот песок, что держат сосен корни,
Он, как возмездье, двинется на нас.

И озеро, что чистой синью стынет,
До мелкой лужи высохнет тогда.
И на сухую, скудную пустыню
Как манна с неба не придет вода.

Неприхотливы, строги, величавы,
Герои леса русского всего,
Вы первыми вращали в супесчанник,
Последними покинете его.

Пусть правит жизнью разум, а не случай,
И пусть мой правнук, хвоею шурша,
Придет сюда вершинный шум послушать
И воздухом отчества дышать.

СИРЕНЬ

Цветет махровая сирень.
Взбухает медленной пеной,
Через поломанный плетень
Перекипая постепенно.

Цветет махровая сирень,
Росу роняя в полумраке,
У ног моих густая тень
Лежит, как верная собака.

А там, в далеких сосняках,
Где над землей туман клубился,
С прилипшей хвоей на боках
Печальный месяц народился.

Его сентиментальный свет
Течет с небес с такою силой,
Как будто хочет, чтоб навек
Всю землю счастьем затопило.

Как будто жаль ему людей,
Всех нас — от мала до велика.
Белеют перьями гусей
Рекой колеблемые блики.

В такую ночь легко вдыхать
Дурманный, теплый дух сирени,
В такую ночь легко солгать,
Что нет ни смерти, ни забвенья.

* * *

Хочу услышать птичий свист
И плеск плотвы в реке,
Увидеть, как брусничный лист
Ныряет в роднике.
Хочу, чтоб в тишине туман
Окутывал стога,
Чтоб запах липы, нежно-пряный,
Стоял по берегам;
И чтоб под вечер на реке
Была заря тихая;
И чтоб бурлила в котелке
Веселая уха;
И чтоб любовь меня ждала,
Когда вернусь домой,
Еще хочу, чтобы была
Жизнь ясной и большой.

* * *

Зимний лес при луне молчалив,
Лишь вершин еле слышимый лепет.
Снежной пылью искрится вдали
С распростертыми крыльями лебедь.

Как заснеженное деревцо
Обернется случайной оглядкой —
И увидишь родное лицо
И летучего платяща складки.

АЛМАЗ «ШАХ»

В подарок русскому царю
Преподнесли тот камень персы.

И постарался он забыть,
Что смолкло у поэта сердце.

Убит российский дипломат,
Но царь не будет слишком строгим —
Таких камней в России нет,
А стихотворцев очень много.

Сверкает редкостный алмаз
На мягкой бархатной подушке...
Мертв Грибоедов Александр,
Жив Александр Сергееч Пушкин!

Повозку встретит на пути,
Он содрогнется от ответа,
Когда спросив: — Кого везешь?
В ответ услышит: — Грибоеда.

И, может быть, свою судьбу
Увидит Пушкин в этой встрече,
Как через восемь лет в санях
Его свезут от Черной речки.

Гори алмаз, блистай, сияй,
Пусть свет твой желтизной клубится,
Не в первый раз приобретать
Тебе хозяина-убийцу.

* * *

Тише, водитель,
не рви свой мотор,
Грудью вдохни
неоглядный простор.

* * *

На просторах Родины
Много слов обронено,
За долготерпение
Я не укорю.

Женщиною гордою,
Срубленной абортами,
Липа золотистая
Сохнет на корню.

Над горами мусора,
Может, станем мудрыми,
Наконец, опомнимся,
Совесьть бросит в дрожь.

Зоренька осенняя,
Барышня кисейная,
Мокрой луговиною
Ты куда бредешь?

Из книги для детей
«Пингвины и апельсины» (1976 г.)

ЗЕМЛЯНИКА

На полянке, на припеке,
Под ноги взгляни-ка, —
В огонечках
От росинок
Зреет земляника.
Тихо спрашивает Оля,
Приподняв листочки:
— Земляника —
Это, что ли,
Земляная дочка?

КРЫЖОВНИК

В каком — не помню я — году,
Пережидая дождь,
Под куст крыжовника в саду
Укрылся старый еж.
И еж крыжовнику сказал:
Ты на меня похож,
Раз есть колючки у тебя,
Ты не крыжовник — еж!

ЗИМА

Бело в лесу
И на лугу,
Бел за окошком
Садик.
И лишь ворона
На снегу,
Как клякса на тетради.

ПИНГВИНЫ И АПЕЛЬСИНЫ

Пингвинам
На льдину
Под Новый год
Привез апельсины
Большой вертолет.
Оранжевые,
Настоящие,
На всех —
Преогромный ящик!
Красивые апельсины
На льдине
Холодной и синей!

Пингвины
 В кружок собрались
 На совет,
 Проверили
 Все апельсины
 На свет.
 И дружно решила
 Пингвинов семья
 Вырастить
 Маленьких
 Апельсинят!
 Ребята, скажите,
 Вы видели льдину,
 Где бродят
 Оранжевые пингвины?

У ОКНА

Маленькое облако
 По небу плывет,
 Как по морю синему
 Белый пароход.
 Пароход торопится,
 Видно, неспроста:
 Вдалеке увидел он
 Белого кита.
 Пароход гоняется
 В море за китом...
 Но урок кончается,
 Досмотрю потом.

ПОДОСИНОВИКИ

У тропинки
Под осинкой —
Красные шляпки:
Это мальчишки-грибки
Разыгрались в прятки.
Чуть подальше
В тени —
Вон какая шляпа!
Наблюдает за детьми
Строгий гриб-папа.

РЫБИЙ ЗОНТИК

Среди зарослей осоки
Потеряла рыба зонтик.
Сжала прутик в плавнике,
Написала на песке:
— Кто отыщет зонтик мой,
Сообщите мне домой!
Отыскал тот зонтик рак,
Он был, в общем, не дурак,
И своей клешнею сразу
На песке добавил фразу
К объявлению тому:
— Зонтик рыбе ни к чему!

СЫРОЕЖКИ

Сыроежки
Очень хрупки,
Словно тоненькие блюдца,
Ты бери их осторожно,
А иначе —

Разобьются.
 Сколько блюд
 Разноцветных!
 Даже жаль их класть
 В корзинку.
 И лежит
 На каждом блюде
 Чуть дрожащая
 Росинка.

ГРУША

От заката
 До рассвета
 Светит груша
 Теплым светом.
 Груши-лампочки висят,
 Освещают ночью сад.

КОМАРИК-МОРЯК

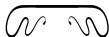
Я — комарик,
 Я — моряк,
 Для меня моря — пустяк!
 Не боюсь морской волны,
 И ветра мне не страшны!
 Муха в страхе прибежала,
 Комарихе прожужжала:
 — Торопись! Комар в тельняшке
 Снова тонет в чайной чашке!

ПАУК-ВРАТАРЬ

Решил паук
Играть в футбол:
Ворота сделал,
Сетку сплел.
Прошел о нем
Недобрый слух —
Мячей не ловит,
Ловит мух!

ВОДОМЕРКА

Водомерка, водомерка,
Ты, пожалуйста, проверь-ка,
Далеко ли плавал окунь
Или вовсе недалеко?
Далеко ль те камыши,
Где попрятались ерши?
И сказала водомерка:
— Я готова для проверки,
Жаль, что быстрая вода
Не оставила следа.

Проза

ПЕРВАЯ ЩУКА

Рассказ

Когда Пашке исполнилось девять лет, отец стал брать его с собой на рыбалку. Молчаливый, сутулый, отец ходил широко и размеренно, как бывший пехотинец, прошагавший на своем веку тысячи верст. Пашка мог успевать за ним только бегом или вприпрыжку.

Лесная речка, вверх по течению которой они уходили иногда километров за десять, причудливо петляла, то проваливаясь в коряжистые черные омуты, то весело звенела, перекатываясь на золотистых песчаных отмелях.

Снасть для рыбалки была проста: легкая удочка для ловли пескарей, стайки которых в изобилии копошились на отпесочьях, котелок и удочка для щук с крупным поплавком, толстой леской, кусочком проволоки и тройником, на который насаживался «живец» — пескарь.

Сначала Пашка просто сидел где-нибудь неподалеку от отца и наблюдал, как тот неспешно цепляет пескаря за спинку, устанавливает поплавок нужную глубину — «тонь», закидывает в омут и закуривает. Удилище, одним концом воткнутое в берег, было длинным, и поплавок гулял чуть ли не на середине омуты. Пескарь не мог окунуть поплавок, и только веселые и дробные круги разбегались по воде, как бы говоря, что там, в темной смутной глубине, отсверкивает боками обреченная рыбка на крючке. В какой-то момент поплавок начинал дергаться отчаянно и судорожно, затем резко погружался в глубину. Отец подсекал и с шумом и брызгами выбрасывал на берег темно-спинную с пятнистыми боками омутную разбойницу.

При переходах от омуты к омуту Пашка таскал маленькую удочку, а иногда и котелок. Потом отец разрешил ему самостоятельно удить пескарей, и Пашка очень быстро это освоил. Но желание попробовать «взрослую» снасть, желание самому поймать настоящую рыбку с каждым днем все сильнее будоражило Пашку. И он решился.

Рано утром, когда половина солнца расколотым арбузом лежала на горизонте, Пашка выскользнул из избы. Быстро накопал в спичечный коробок вертких полосатых червей, тихо взял знакомый котелок, удочку и с бьющимся сердцем зашагал босиком по холодной росе к подернутой туманом реке.

Вот и место, где отец обычно ловил пескарей, вот и пескариная стрелка дремлет на песке. Быстро, одну за другой, Пашка выдергивал с десятков холодных, серебряных рыбешек.

Впереди — заросший кустами, мрачный омут. Бесшумно ступая босыми ногами по берегу, Пашка двинулся к нему. Солнце уже поднялось из-за островерхих елей, и темная вода, выкатываясь из омута, сверкала на отмели золотистым и алым. Вдруг его словно обдало жаром: на самом выходе из омута, на середине речки стояла громадная щука. Стояла она почему-то поперек течения, носом к Пашке. Ему показалось даже, что она внимательно смотрит на него. Темно-коричневая спина ее строгой полосой выделялась на фоне серо-золотого дна, хвост немного согнулся и был виден отороченный красной бахромой хвостовой плавник. Передние плавники чуть шевелились, подерживая, видимо, устойчивое равновесие. Весь ее вид олицетворял какую-то угрюмую мощь.

У Пашки задрожали руки и пересохло в горле. Тихо, как это не раз делал отец, Пашка отступил от берега, присел, разматал снасть и трясущимися руками нацепил на тройник самого крупного пескаря. Крадучись, снова подошел к берегу. Берег был обрывист и для мальчишки довольно высок; закидывать было страшно неудобно, к тому же еще с берега свесилась ольха, загораживая пространство перед щукой. Кое-как приловчившись, он закинул пескаря выше по течению. Щука стояла неподвижно, как будто ждала дальнейших событий. Течение несло пескаря мимо щучьего носа, но он висел на крючке и не шевелился, видимо, полузадушенный при насадке, и щука не обращала на него внимания. Пашка забыл обо всем, руки занемели, он стоял в какой-то невероятной позе, но всего этого он не ощущал. Им

сейчас владел азарт и унаследованный от отца инстинкт врожденного рыбака. Подчиняясь этому инстинкту, Пашка тихонько поддергал удочку, встряхнул пескаря, пытаясь создать видимость движения. Это удалось! Щука мгновенно насторожилась и стала «целиться» в сторону живца. Пашка замер. Замер и пескарь. Щука брезгливо отвернула полукруглый нос. Хватки не последовало. Пашка решил уже тихонько вытащить живца из воды и насадить нового, как вдруг пескарь сам зашевелился и побежал в сторону. Щука повернулась, сорвалась с места, и, захлопнув пескаря в пасти, пошла против течения в смутную глубь. Когда щука повернулась желтым, пятнистым боком, она показалась Пашке невероятно большой.

Поплавок хлопнул по воде, и сильнейший рывок едва не вырвал конец удилица из Пашкиных рук. Он почувствовал всю силу рыбы и понял, что обычным способом выкинуть щуку из воды он не сможет. Подчиняясь все тому же инстинкту, Пашка стал перебирать руками вдоль удилица к леске, с радостной дрожью чувствуя мощное сопротивление. Леска звенела и выписывала по воде круги.

Но он допустил ошибку — в какой-то момент удилице и леска образовали прямую линию. Рывок — и леска соскочила с конца удилица, резанула его пальцы и стремительно понеслась в воду. Но он тоже, как зверек, мгновенно среагировал, бросился в воду сквозь заросли ольхи. Все-таки Пашка ухватил ускользящую снасть и обмотал ее вокруг правой ладони. Он не помнил, как оказался на берегу. Он бежал и слышал, как сзади бьется сильное тело, как шуршит и брызжет росой трава от упругих ударов рыбьего хвоста. Пашка добежал до лощинки, оглянулся и перевел дух.

Щука яростно подбрасывала себя почти на уровень его головы. Потом прыжки стали тише, щука вяло уткнула голову в росистую траву, жабры ее стали шевелиться редко и трудно. Пашка понял, почему она не могла бы сорваться с крючка; тройник, впившись двумя крючками в верхнюю челюсть, а одним в

нижнюю, наглухо спаял ей пасть. Пашка, совершенно ошеломленный, долго не мог вытащить из рыбы тройник. Потом он вытер щучью слизь на руках об штаны и насадил нового живца. И снова двинулся к омуту.

Он выбрался из зарослей кустов к началу омута, осмотрел прибрежную траву и обмер: в одном из окон стояла щука! Ее не спугнул шум борьбы и всплески, а может быть, расстояние скрало их. Отходить было некуда, кусты сплошь стояли за пашкиной спиной. Когда Пашка забросил пескаря, тот шумно шлепнул по воде. Щука скрылась в омуте, оставив облачко мути.

Пашка увеличил «тонь» и закинул в омут, не надеясь на хватку. Но, как только пескарь опустился в глубину, поплавок спокойно и мерно, словно под тяжестью груза, пошел вниз и удилице прогнулось. Пашка выбросил щуку без особого труда: она была меньше первой почти вдвое.

Переполненная ликованием мальчишеская душа не выдержала. Он кое-как собрал снасти, посадил щук на кулан из ивового прута и помчался домой, подгоняемый невероятной, распирающей радостью, которой нужно было немедленно с кем-нибудь поделиться.

ЗАТМЕНИЕ ПО-РУССКИ: Точка зрения

*Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись.*

Редьярд Киплинг

На Западе деньги налогоплательщиков — это святое. Не дай бог, если тамошний чиновник злоупотребит, израсходует их на себя. Последствия разоблачения самые серьезные: тюрьма, скандал, смерть политическая, а иногда и смерть буквальная. (Чиновники, как в старину русские офицеры, уличенные в казнокрадстве, кончают жизнь самоубийством.)

Президент США Билл Клинтон еще до нашумевшей истории с Моникой Левински попал впросак на совершенно безобидной, с нашей точки зрения, истории. Он не успел постричься перед некоей важной встречей. Пришлось вызывать на борт президентского самолета парикмахера. За необычность и срочность процедуры заплатили по особому тарифу — около трехсот долларов. Деньги были списаны из казны.

...Не день, не неделю — месяцы шумели о нем все газеты, все телестанции. Рейтинг Клинтона смертельно падал. Дело получило наименование «стрижка-гейтом» по аналогии с «уотергейтом», после которого ушел в отставку президент Никсон.

Никто никогда не сообщал россиянам и сообщать не будет, во сколько обходится стрижка нашего президента, банька министра или теннисный турнир в Сочи с участием приехавших туда помахать ракетками первых лиц государства.

Чиновник из России прибывает в Вашингтон и отказывается брать гуманитарную помощь для детей на борт своего самолета, зато на свободное место грузит купленную для себя лично мебель. Другая высокопоставленная персона летит через океан в сопровождении целого эскорта чиновников рангом помельче, чтобы посмотреть футбол и поразвлечься в Диснейленде.

Эти истории попали в газеты, были статьи. И что? А ничего. Чиновники вяло оправдывались. А народ, то есть мы, у которых эти деньги вытащили из карманов, особенно и не возмущался. Народ в России, как известно от Пушкина, безмолвствует. Да и о чем говорить? Мы давно привыкли, что власть — чтобы есть вкусно да спать сладко. Знаем: не она для нас, а мы для нее. Это понимание (я начальник — ты дурак) уходит корнями в глубину времен. Понадобились десятки лет лагерей, репрессий, психушек, десятки миллионов невинных жертв, чтобы выработать в россиянах уже на генетическом уровне такое чувство, как беззащитность перед Властью.

Есть в российском бюджете фонд, о котором ничего не известно рядовым гражданам и который составил, к примеру,

в 1994 году колоссальную сумму — 70 триллионов рублей, что равняется примерно трети российского бюджета! Именно в этот фонд уходят 90% налогов, что платим все мы (физические лица), больше половины всех налогов на добавленную стоимость и примерно половину всех акцизов (за исключением акцизов на нефть и газ). Называется этот фонд в чиновничьем просторечии «трансфертным», а официально ФФПР (фонд финансовой поддержки регионов). Зачастую он становится фондом поддержки не регионов, а чиновников.

В их карманах, в карманах их детей и родственников оседают наши с вами деньги из этого таинственного фонда. Почему таинственного? А потому, что самой серьезной и жгучей государственной тайной в наше время являются не космические технологии, не ядерные исследования и не новейшие конструкции самолетов, а статьи расходов этого фонда и других статей бюджета.

Власти считают, что это не нашего ума дело — знать, на что уходят налоги, нами же уплаченные. А коли так, полагают и простые граждане, и предприниматели, и «красные директора», то отдавать в ненасытную прорву налоги вовсе не обязательно. И не платят. И делают это с удовольствием. И колесят во все концы страны герои с чемоданчиками, полными «наличных». Обналичивание стало распространенным и выгодным бизнесом.

Трансфертным фондом распоряжаются премьер-министр, вице-премьеры, министр финансов, а какой-то небольшой его частью — даже заместители министра финансов. Схема распределения такова: команду «дать деньги туда-то!» отдает один из «распорядителей» (например, премьер). Исполняет команду кто-то из чиновников Министерства финансов. С общего счета он должен перечислить средства в соответствующее отраслевое министерство, например, в Минздрав. Деньги отправляются на особый счет Минздрава. И уже с этого счета другой чиновник из министерства отраслевого отправляет их в тот регион, куда они предназначены.

Способов «крутануть» их — масса. Например, сговорился чиновник отраслевого министерства с чиновником, ведающим этими деньгами в Минфине. Половину средств отправили по назначению вовремя, а половину «сбросили» на депозит в «дружественный» банк. Людей в провинции, что ждут денег, водят за нос месяцами. А навар-то идет. Банк или фирма охотно «крутанут» деньги за пять процентов в месяц. А когда инфляция выше — и за двадцать пять процентов. Вот тебе и чистая прибыль.

А где же наши говорливые депутаты, спросите вы? Депутатские комиссии, пытающиеся проникнуть в святая святых и выяснить, как чиновники тратят народные денежки, натываются на плотную и круговую оборону. Депутатов попросту не пускают в министерства. Ставки в игре столь высоки, что конспирация и круговая порука тесно и накрепко переплелись между собой. Практически никому не удастся выяснить, где же они, бюджетные средства, «вертятся» и в чьих карманах оседают. Набивают брюхо где-то в темноте, мы же можем видеть лишь результат крысиного пира: изъеденный, стремительно уменьшающийся пирог, т. е. бюджет. О серьезных наказаниях растратчикам, что-бы другим неповадно было, что-то не слышно.

Представьте себе, что американский президент запретил комиссии конгресса посещать какое-то министерство, или оно отказалось выдать по требованию законодателей необходимые документы. Какой бы поднялся шум на Капитолийском холме! У нас же никто не шумит. Если и шумят, то совсем по другим вопросам. Да, Запад есть Запад, Восток есть Восток.

Средства, собранные в регионах, попадают в Центр в этот пресловутый трансфертный фонд. Из-за того, что субъектов Федерации обдирают, как липки, фонд этот непомерно велик. А регионы, из которых высосали все что можно, благодаря такой финансовой политике становятся убыточными и нуждаются в дотации этого самого фонда. Он служит своего рода пряником для руководителей областей и республик: хорошо вел себя — дадут средств побольше, провинился — не видать дотаций.

Воры тоже налоги собирают. Каждый рэкети́р, налетчик и сутенер платит в «общак». Есть у «общака» и распорядитель, и он отчитывается за расходование на «сходняках». Если что — из-под земли достанут.

Власть в России всегда отличалась двумя качествами: дуростью и свирепостью. В результате десятилетних горбачевско-ельцинских «реформ» к этим двум прибавилось еще одно — безудержное казнокрадство. Если это есть результат реформ, то в преддверии выборов в новую Думу приходится с грустью констатировать: Россия и демократия — две вещи несовместимые.

1999 г.

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Очерк

Конец года, столетия, тысячелетия. Время подводить итоги, время осмыслить прожитое. Итоги явно неутешительные. Как говорится, «пили, ели, веселились; подсчитали — прослезились». Заранее хочу оговориться, что мои размышления касаются провинции, или, как принято говорить, российской глубинки, и в чем-то не совпадут с реалиями в крупных городах и столицах. Но не зря замечено, что все мы вышли из провинции, да и Москва — всего лишь «большая деревня».

Возьмем в руки карандаши́к и произведем некоторые арифметические действия на уровне начальной школы. По сравнению с доперестроечными, «застойными» годами, которые не ругал только ленивый, цены на необходимые товары выросли в следующем соответствии: коробок спичек — в двадцать раз, буханка ржаного — в двадцать раз, сахар — в десять раз, мясо — в двадцать с лишним раз и т. д. В брежневские времена пенсия обычного рабочего, служащего составляла 120 рублей (без дополнительных надбавок). Логично предположить, что современный пенсионер тоже должен бы получать 120 руб. $\times$ 20 = 2400 руб. Но... Обычная сегодняшняя пенсия — 400 руб. Вы-

вод: жизнь пенсионера ухудшилась в шесть раз. А если учесть плату за квартиру, газ (если онный существует), воду и электро-энергию, то и того хуже. Да и одежду какую-никакую надо приобретать. Небольшая добавка к пенсии, осуществленная в конце года правительством (около 50 руб.) — как мертвому свечка.

Ситуация на промышленных предприятиях, которые пока немножко дышат, — еще более лихая.

Старшее поколение когда-то, изучая курс политэкономии в учебных заведениях, получило понятие о производительных силах и производственных отношениях. Ну, производительные силы мало в чем изменились, разве что вырос возрастной уровень, поскольку молодежь не очень-то охотно идет к станку. Но вот о производственных отношениях стоит поразмышлять.

Руководители предприятий, придя к власти в результате захватской приватизации, как-то быстро забыли о том, что заводы возводились огромным трудом предшествующих поколений, возводились на пустырях, из военных руин, каждый цех — результат самоотверженного коллективного труда. И теперь, когда упразднены партийные комитеты, а роль профсоюзов сведена к чисто поминальным функциям (о какой независимости профсоюзных работников может идти речь, если они получают зарплату все в той же заводской кассе?), рядовой труженик на предприятии ничем не защищен от администрации. У него нет никаких рычагов воздействия, никакой обратной связи, никаких преград от произвола. Разрушив пресловутую административную систему, мы создали в экономике нечто покруче: административный диктат. Если какой-то бедолага в конфликтной ситуации вдруг вспомнит об остатках бывлой рабочей гордости и заявит: «Я!», ему ответят ласково и остроумно: «Таких “Я” за воротами до...!» И все кино. Простой народ тоже хорошо владеет юмором, особенно черным. О бирже труда люди шутят «зековской» шуткой: «Кто не был, тот будет, кто был — не забудет».

Человек на производстве оценивается не по профессиональным критериям, не за ум, энергию, знания и труд, а за его,

так сказать, личную преданность начальству, за его «благоденственность». Это является благодатной почвой для подхалимажа и стукачества. Практически сведена к нулю школа рационализации и изобретательства. Труженик, живущий и работающий под прессом страха, грубости и окрика, никогда не станет творческой личностью, его внутренние силы зажаты и задавлены. Что касается размеров заработной платы, то отдельные работники получают зарплату меньше пенсий пенсионеров, что вообще является полнейшей дикостью и абсурдом. Интересно бы знать, каким образом мы собираемся поднять эффективность нашей экономики.

Беспристрастная статистика, как известно, знает все. Так вот, согласно статистике, средний человек может прожить без пищи приблизительно 60 суток. Два месяца. Если не выплачивать зарплату полгода и более, то за это время человек должен умереть минимум два раза. Россия снова ставит на себе неслыханный в мире и чудовищный эксперимент. Когда симпатичные политики в Москве рисуют радужные перспективы, они не учитывают психологию провинциальной России. Наученный горьким опытом провинциальный избиратель понимает, что столичные политические разборки, партии и объединения, защищающие групповой эгоизм отдельных лиц, его мало колышут. За кого голосовать, если человек не в состоянии подчас купить семье буханку хлеба? Это не ностальгия по прошлому и не попытка дважды войти в одну и ту же воду — это грубые и суровые реалии бытия. Провинция вымирает и стремительно нищает.

В конце ноября учителя школ г. Чкаловска объявили о бессрочной забастовке. Сельский учитель в России всегда был воплощением духовности народа, его бесконечной доброты, терпения, интеллекта. Сельскими учителями были К.Э. Циолковский и А.И. Солженицын. Забастовка учителей — это уже не тревожный школьный звонок, это — грозный набат, не слышать которого может только не желающий слышать. Школьники с их

детскими еще душами радуются неожиданным каникулам. Но, повзрослев, они поймут, какой урон наносят им такие акции.

Да, они потом как-то постараются дополнительными занятиями догнать программу обучения. Но есть нюанс. Когда говорят, что «время — деньги» — это неправда, поскольку время дороже денег. Деньги можно вернуть, время — никогда. Время — категория необратимая. А та психологическая травма, которую наносят школе, вообще не подлежит никакой оценке. Это — удар по будущему нашего общества. Вины учителей тут нет ни малейшей, но опять встает проклятый вопрос: за кого пойдут голосовать работники образования?

Об идеологии курса современных реформ вообще ничего сказать нельзя, поскольку ее попросту не существует. Призыв: «Обогащайтесь, кто как может!» — это не идеология, а разбойничий лозунг. Поэт Кондратий Рылеев когда-то обратился к своим современникам и своей совести со знаменитым стихом — вопросом:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан?

Поэт-фронтовик Семен Гудзенко в стихотворении, посвященном своему поколению, поколению героев, написал прекрасные строки:

Мы пред нашей Россией
И в трудное время чисты.

Мне думается, что только те кандидаты в Думу, которые с полным моральным правом могут повторить относительно себя эти строки, — вот только они получают поддержку народа. За ними — будущее.

1999 г.

ИЗБА В ЛАЗУРНОМ ПОЛЕ

Заметки провинциала

*Гостей из неведомых пределов,
Предрекая горькую судьбу,
Шаровая молния влетела
В тихую крестьянскую избу,
Где бывали свадьбы и поминки,
Где встречались радость и беда;
Праздник младших — молоко из кринки,
Доля старших — из ковши вода.
Осветилось с громом законным
Вековое рабство и нужда,
Темной Богородицы икона
И портрет усатого вождя.
Странный шар, блуждающий без цели,
Пожалел печальный этот дом
И угас над старой колыбелью
Безобидным мыльным пузырем.*

С. Жуков, «Знак»

*Сердце мудрого — в доме печали.
Сердце глупого — в доме веселья.*

Екклезиаст, гл. 7, ст. 4

«О бедность, бедность!». Как от областного центра в глубинку, то это будет путешествие не столько в пространстве, сколько во времени. Россия провинциальная, помимо прочего, жутко интересна тем, что в ней ухитряются уживаться разные временные пласты. Сядишься в машину времени, то бишь в электричку Нижний Новгород — Ветлужская, и... Вот в окне мелькнули восьмидесятые, семидесятые, шестидесятые. Остановка: привет, пятидесятые! Не считать же всерьез, помилуйте, крупными вехами прогресса там-сям разбросанные

коммерческие киоски. Потом — автобус, кончается асфальт, леса вокруг, как при Иване Сусанине. Стоп, приехали. В до-стопамятные сороковые.

Людям из захолустья события в столице интересны, пожалуй, только с точки зрения получения (точнее, неполучения) пенсий. Других денежных источников там попросту нет. Колхозы, которые давно были немножко мертвые, умерли окончательно. Солидных предприятий, за исключением леспромхозов, никогда не было.

Ситуация удивительно напоминает 47-й год. Да еще и денежная реформа, то есть деноминация. Конечно, где-то там высоко летают космические аппараты, да что в них проку? Сотовый телефон здесь и в глаза не видывали. Телевизоры есть, но они часто ломаются, Да и электричество поступает нерегулярно. Так что, может, и нету этих космических аппаратов.

Вот корова, коза, куры — это да, это реальность. И еще дрова, которые надо пилить и колоть, поскольку зимой они исчезают с пугающей быстротой, пожираемые ненасытной печью. И колодец с обледенелой бадьей. Вот это есть и будет. А все остальное — от лукавого.

Что же дальше? Разговоры о светлом будущем России для этих людей — забавная чушь. Да и что это такое, светлое будущее? Где-то в столицах выборы-перевыборы, стрельба, танки грохочут — здесь ничего не меняется. «В столицах шум, гремят витии...» Культура? «А что нам тут Шкрябина, что ли, слушать?». «И вообще, отвалите от меня все демократы-коммунисты — вы меня не достанете. Вон у меня картошка в подполье, да поленица дров под окном, а я пошел на Ветлугу окуней ловить». «Буреполом? Ну, мы это уже проходили...»

В начале пятидесятых, которые я помню уже отчетливо, километрах этак в десяти от моего родного поселка находилось некое странное образование — 9-е ОЛП. Позднее я узнал расшифровку этой аббревиатуры: отдельное лагерное поселение. Там содержались зеки, они валили лес. На месте результатов

их трудовой деятельности, а именно на прямоугольных участках разработанного леса, которые назывались попросту делянками, выросли роскошные малинники.

В восьмидесятые, в одну из поездок на малую родину, я посетил места, где был лагерь. Там ничего не сохранилось. Так, ямки-бугорочки. Лес все покрыл благородным забвением. Да и зачем природе все это? Это людские дела.

* * *

«О бедность, бедность! Как унижает сердце нам она!» Всеобъемлющий гений Александра Пушкина устами Альбера из «Скупого рыцаря» произносит точное определение этого явления: унижение. Черета вождей, кошмаром прошедшая по стране, внешне таких разных, внутренне, по сути, очень похожих. Такое ощущение, что это разные ипостаси одной и той же личности.

«По плодам их узнаете их» — это Нагорная проповедь. Какие бы лозунги ни провозглашались, закваска фарисейская оставалась. Все вожди имели как минимум три главных сходства. Сходство первое: установка законов, угодных вождю, и нарушение их, когда заблагорассудится. Сходство второе: желание продлить прерогативы власти до конца своей жизни. Сходство третье: желание показать несогласным кузькину мать посредством танков.

Каждое поколение начинает с нуля: общежитие, вокзалы, причалы, бараки. Что такое бывший колхоз по сути? Это просто (как все гениальное) большая кладовка. Власть имущие могли брать оттуда сколько угодно и тратить куда вздумается. Промышленные предприятия тоже немногим отличались.

Моя мать никогда не получала пенсии. Что-то заело в ржавом и неповоротливом бюрократическом механизме государства, собеса или сельсовета. Она умерла в 1962 году в возрасте 65 лет. У нее было 11 детей и орден «Материнская слава» I степени. Орден был, а пенсии не было. На фронт ушли отец, два брата и сестра, причем двое добровольцами. От голодной смерти семью

спас старший брат: он успел до войны окончить Балашовское авиационное училище, и в годы войны и долгое время потом высылал матери часть своего офицерского жалованья. Низкий поклон ему.

Современные реформы, как путь в ад, сплошь усыпаны благими намерениями. Но экономика, из которой начисто выброшена нравственность, мертва изначально. И первой начинает умирать провинция.

* * *

В сущности, Россия воюет непрерывно. В начале века серьезные экономисты пророчили ей блестящее будущее. Обладая гигантскими человеческими и природными ресурсами, талантливым национальным генофондом, Россия уже к середине века должна была стать на голову выше остальных держав. Куда там Америке... Недругам России нужно было остановить ее любой ценой. Так случилось, что с 1905 года страна была втянута в немыслимую череду потрясений.

Двадцатый век заканчивается под этим знаком — знаком трагедии России. Во второй мировой войне дух народа поднялся до невиданных высот — была Победа! Почему же так печальны лица наших, увы, уже немногочисленных победителей? Почему они просто элементарно бедны? Или, как и всегда, нашему руководству «Бог дает денежку, а черт дает дырочку»? Давно ли мы, которые помоложе, ворчали на ветеранов в «горбачевских» очередях? А то и просто встречали их грубостью: мол, вот навешал блестяшек и лезет. Как мы беспамятны!

О событиях в Афганистане и Чечне писать не могу: раны еще настолько кровоточат, что любое слово, сказанное второпях, кощунственно.

Возвращаюсь памятью опять-таки в свой поселок. Немудрящий обелиск в мерзости запустения. Фамилий не разобирать, осыпались. Там была и фамилия моего брата, погибшего в 41-м. Один из немногих вернувшихся мужиков, тихо дожи-

вающий свой век, меня потряс: я с удивлением узнал, что он награжден орденом Александра Невского. Случай особый — орден-то полководческий! Но узнав размер его пенсии — 60 «брежневских» рублей! — я испытал большее потрясение. Этого односельчанина уже нет в живых. Мир и покой тебе, несчастный российский герой...

Итак, изба. Живет в ней мой старший брат — живая легенда. Он мог бы жить в Волгограде, поскольку среди многих других наград у него есть медаль «За оборону Сталинграда». Он мог бы жить в Белгороде, поскольку является почетным гражданином города. Именно под Белгородом Павла, по его словам, «шарахнули»: воздушный бой по мощи и ярости был такой, что его можно сравнить с танковой битвой на Курской дуге. Потом контузия, госпиталь. Он пришел с фронта аж в 48-м году. Их, «летунов», несколько попридержали в будущих странах социалистического лагеря: в Венгрии, Румынии. Круг жизни замкнулся — и мой любимый старший брат живет в избе, разводит пчел, ухаживает за садом. Он старше меня на 22 года, и дай ему Бог долгих лет жизни!

Поэт Николай Клюев в своих «Избьных песнях», как согрешивший Адам, бредил о потерянном рае. Другой Николай, по фамилии Рубцов, в своих поэтических прозрениях видел не только «звезду полей», но и «избу в лазурном поле».

* * *

Ох уж эта вековая, так и не сбывшаяся русская мечта о стране Муравии, о крестьянском рае, где можно жить в согласии с собой, людьми, природой...

Потому и в «лазурном поле», что не на земле это, а на небе...

1998 г.

БЛЕСК И НИЩЕТА ЭКРАНОПЛАНА

Из мира фантастики

В 1966 году в Каспийском море успешно завершились испытания первого российского экраноплана «КМ». Полное название — «Корабль-макет». Это потом работники иностранных спецслужб, рассмотрев невиданный аппарат через космическую разведку, приклеят ему кликуху «Каспийский монстр». И то сказать, если фотосъемка со спутника может различать на земле заголовки газет, то куда спрятать экраноплан, длина которого 92 м, высота 22 м (до верхней точки стабилизатора), а размах несущего крыла по концевым шайбам — 37 м? Повергали в удивление не только размеры экраноплана: обладая весом до 500 тонн, экраноплан после глиссирования отрывался от поверхности моря и летел в совершенно устойчивом режиме со скоростью свыше 200 миль в час (400 км/ч). Высказывались самые невероятные догадки по предназначению изделия, но ясно было одно: русские конструкторы создали нечто, обогнавшее в современном судостроении все известные скоростные суда, по крайней мере, лет на пятьдесят.

На взлете славы

Экраноплан был построен в городе Горьком на заводе «Красное Сормово». Разработчиком технического и рабочего проекта корабля являлся коллектив ЦКБ по судам на подводных крыльях во главе с Главным конструктором и начальником конструкторского бюро Ростиславом Евгеньевичем Алексеевым. В декабре 1966 года ему исполнилось 50 лет, и он был на взлете славы.

Алексеев уже получил широкую известность как в Союзе, так и за рубежом за свои скоростные суда на подводных крыльях для пассажирских перевозок типа «Ракета», «Метеор», «Буревестник» и др. Нужно отметить тот факт, что первое пассажирское судно на подводных крыльях «Ракета» едва ли не единственное в нашей стране имело английский Ллойдовский Регистр, или, говоря современным языком, международный сертификат. ЦКБ по судам на подводных крыльях разделилось на два направления:

направление «А» (суда на подводных крыльях), и направление «Б» под грифом «Сов. секретно» — экранопланная тематика.

Первый экраноплан оказался едва ли не самым лучшим по своим техническим характеристикам из всех последующих — как воплощенных в металле, так и тех многих, которые остались в стадии проекта и модельных испытаний. «КМ» не был предназначен ни для какой специально военной или иной задачи: он создавался, если можно так выразиться, для исследования самого себя. Начиненный датчиками и приборами, экраноплан проходил испытания режима взлета и посадки, перегрузок, мореходности, амфибийности и прочего. Он как бы закладывал научно-исследовательский фундамент для последующих аппаратов, которые уже должны выполнять конкретные функциональные задачи и которые уже проектировались и находились в стадии постройки головных образцов. Потому и название первого экраноплана — «Корабль-макет». К тому же на нем проходил обучение тот летный состав, который пересел от самолетного штурвала на экранопланный, поскольку новый аппарат, безусловно, имел свои особенности в управлении.

Прародители экраноплана

Когда наблюдаешь легкое и элегантное скольжение по воде «Ракеты» или «Метеора», то невольно возникает ощущение предчувствия полета. То есть, уже в этих судах были заложены некие концептуальные особенности, предвосхитившие будущие экранопланы. Кажется, еще чуть-чуть — и оторвется судно от своей вековой, хоть и родной, но сковывающей стихии и, словно чайка, устремится в запретельную заоблачную высь.

Слились воедино мощь и красота

Внешний вид «КМ» воплощал принцип гармоничной простоты. Сильно удлинённый корпус (на экранопланах применялись судостроительные наименования, поэтому «корпус», а не «фюзеляж») с реданированным килеватым днищем; крыло не-

сущее, или еще его называли «крыло носовое», прямоугольное в плане с концевыми и промежуточными шайбами; трапециевидный, с широким основанием киль, со значительной стреловидностью по движению и У-образное «крыло кормовое», или горизонтальное оперение. Восемь стартовых двигателей на носовом пилоне и два маршевых на киле. Впечатление корабль производил необыкновенное: слияние некоей мощи и хищной красоты.

Этапы будущего корабля

Изготовлению головного образца предшествует долгий и кропотливый труд не только по разработке проектно-конструкторской документации, но и по моделированию и последующим модельным испытаниям будущего корабля. Для этих задач была создана база в заливе реки Троицы около города Чкаловска. Официально она именовалась как «Испытательная станция № 2 ЦКБ по судам на подводных крыльях». База была, естественно, секретным производством.

Мечты и реальность

Вообще, конец шестидесятых был ознаменован бурным и энергичным развитием экранопланной тематики. Следует, по-видимому, сделать разделение экранопланов на те, которые были построены и те, которые остались в стадии проекта. К экранопланам, получившим воплощение в металле, относятся «КМ», «Орленок» (десантно-транспортный), «Лунь» (ракетоносец), «УТ» (учебно-тренировочный) и целый ряд самоходных моделей, которые хотя и назывались так, но, по сути, были вполне самостоятельными аппаратами со всеми системами и элементами корабля.

К экранопланам, оставшимся в стадии проекта и модельных испытаний, следует отнести «Коршун», «Ястреб», «Чиж» и пассажирский экраноплан «Чайка». Мне хотелось бы немного остановиться на проекте «Ястреб», или, как он именовался

в служебных документах, проект «905». Мои заметки не претендуют на статью в научно-технический журнал: это записки очевидца, так или иначе причастного к данной теме, поэтому они имеют, вероятно, несколько описательно-эмоциональное направление.

Транспорт третьего тысячелетия

Итак, «Ястреб», аэродинамические и мореходные модели которого нам привелось испытать, по концепции, внешнему виду и тем характеристикам, которые получались на испытаниях моделей, явно относился к транспортным средствам третьего тысячелетия. Аэродинамическая модель с металлическим, отполированным до зеркального блеска несущим крылом и горизонтальным оперением, с черным и тоже отполированным, как писалось в рабочих чертежах «до рояльного блеска» корпусом — была фантастически красива. «Ястреб» по гармоничности превосходил даже «Орленка», а уж, казалось бы, на «Орленке» конструктивная схема и аэродинамические обводы были доведены до предела совершенства.

В конце шестидесятых на пик активности выходит лаборатория мореходных испытаний. Катера-буксировщики на подводных крыльях с буксировочной штангой на левом борту постоянно курсируют на акватории. Испытания идут с различными моделями на «тихой воде» и на различном волновом режиме. Наблюдение за моделями ведутся и чисто визуально («глиссирование», «полет на экране», «посадка»), и с приборами внутри мореходных моделей. Модели насыщались различными датчиками: датчик перегрузок, датчик крена-дифференциала, гироскоп и т. д. Через специальный жгут сигнал от датчиков поступал на осциллограф на борту катера. Испытания проводились настолько интенсивно, что были случаи, когда катер с моделью работал даже ночью, при свете береговых прожекторов, и глубокой осенью, когда у берегов уже намерзал лед. На моей памяти были и зимние катания в Балахне, на участке, где нет льда (на теплой речке). Я пишу эти

строки не с целью похвалы, мол, ах, какие мы были энтузиасты, а с чувством печали: как и в целом по России, так и конкретно по данному изделию — огромные затраты человеческого труда и мысли провалились в «черную дыру».

А мог быть уникальный музей

По истечении определенного срока модели должны были уничтожаться согласно инструкции первого отдела. Гриф «Сов. секретно» держал производство в жестких рамках. Что говорить, если в анкете при поступлении на работу была даже такая графа: «Где расположены могилы умерших родителей?» Вот даже как... А посему в присутствии определенного числа лиц по акту модели сжигались на огне. Сотни уникальных изделий погибли в этом аутодафе. Улетел в небо жирным и черным пенопластовым дымом единственный в своем роде и уникальный музей развития и истории экраноплана. Вот уж воистину, девиз секретности: «Лучше перебдить, чем недобдить». Потом, уже в перестроечные годы секретность снимут за ненадобностью и будут свободно приезжать и шастать по предприятию американцы, французы и все, кому не лень. Будут работать видеокамеры, фото и киноаппараты. А мы-то слово «экраноплан» вслух сказать не имели права. А сколько дополнительных забот и хлопот это «секретность» прибавляла в работе.

В 1968 году группа работников кино из «Мосфильма» по заказу Министерства обороны провела съемки цветного полнометражного секретного фильма об экранопланах под названием «На грани двух стихий». Фильм состоял из двух частей. Первая часть снималась на испытательном полигоне в Каспийске. Вторая — в Чкаловске, на ИС № 2. Фильм получился весьма впечатляющим: в начале Ростислав Евгеньевич произносит вступительное слово, затем экзотические виды Каспийского моря, остров Чечень и различные ракурсы летящего, плывущего и стоящего неподвижно «КМ». В Чкаловске были зафиксированы все виды модельных испытаний. Просмотр фильма произ-

водился строго по списку, утвержденному первым отделом. Мы с интересом рассматривали действующих лиц, в которых узнавали себя и своих знакомых. Фильм, надо полагать, и до сих пор хранится в архивах Минобороны.

В те годы испытательную станцию № 21 в Чкаловске нередко навещало высокое начальство в сопровождении многочисленного эскорта. Бывали на предприятии министры обороны Малиновский, Гречко, адмирал флота Горшков, будущий министр обороны Устинов. Для рядовых сотрудников встреча гостей такого ранга оборачивалась уборками-приборками помещений и территории. А Главный водил Комиссию по подразделениям и объяснял, что к чему.

Тревожные «звоночки» в судьбе Главного

В начале семидесятых экранопланная тематика внешне выглядит вполне благополучно: строятся головные образцы «Орленка» и «Луны», хорошими темпами развиваются модельные испытания, пишутся технические отчеты, создается неплохой задел по проектно-конструкторским разработкам новых типов кораблей. Но какие-то тревожные звоночки в судьбе Главного конструктора (и всей тематики, естественно) начинают позванивать. Алексеев уже не начальник ЦКБ по СПК, а только Главный конструктор. Назревает извечный и старый, как мир, конфликт между талантливым созидателем и системой Власти. В общем-то, еще при Н.С. Хрущеве, когда Алексеев продемонстрировал с блеском свои суда на крыльях («Ракета»), он получил от Никиты Сергеевича негласное право обращаться при необходимости напрямую к Главе государства, минуя чиновников из Министерства судостроения. Да и по натуре своей Алексеев был личностью духовно независимой, как и всякий истинный талант, и не был мастером дипломатических уверток и виляний перед властью имущими. Но, как известно, независимость раздражает чиновников. А шагание поверх головы министра судостроения — попросту не прощается. Хоть ты будь триж-

ды талант, хоть семи пядей во лбу — каждый сверчок должен знать свой шесток. Чиновники умеют ждать и выбрать удобный момент, чтобы указать «высочке» его место. И такой случай представился осенью 1974 года.

Испытательный полигон

К острову Чечень, на котором располагался испытательный полигон, пришла баржа. На ней находилась самоходная модель «СМ-6», «шестерка», накрытая в целях секретности брезентовым чехлом. Баржа проделала долгий путь по Волге от Чкаловска до Астрахани и, наконец, по морю до острова. Помимо «шестерки» там находилось великое множество всякого имущества: газовые баллоны, крепеж, инструмент, металлические уголки, швеллеры, множество дюралевых плит-панелей и прочее. Встал вопрос о выгрузке и транспортировке на берег всего этого оборудования и стройматериалов. Главной проблемой было — как снять с баржи самоходную модель «СМ-6». На оперативке долго шумели, предлагая различные варианты. Алексеев поднялся с места и негромко произнес, как приговор: «Баржу утопить!»

Все стало ясно. На уровне ватерлинии в корпусе прожгли отверстия, судно наполнилось водой и легло днищем на грунт. Остался надводный борт не выше двух ладоней. В заранее привезенных бревнах вырубили пазы, уложили бревна под днище модели и вручную, облепив как муравьи гусеницу, развернули модель поперек баржи, и, рывкнув двигателями, «шестерка» благополучно оказалась в воде. Остальное имущество отвозили на берег на мотоботах и вездеходах с откидной аппарелью.

Основной задачей «шестерки» было испытание гидролыжи. Гидролыжа как очередное изобретение Алексеева и группы ведущих специалистов представляла собой металлическую пластину под днищем корабля, отклоняемую на осях-шарнирах и снабженную амортизирующими устройствами. Назначение ее — улучшение взлетно-посадочных характеристик, а также обеспечение амфибийности изделия. При движении экраноплана на больших

скоростях, особенно в момент посадки, встречные волны бьют по днищу со скоростью пулеметной очереди и возникают серьезные проблемы с прочностью и перегрузками. Все это должно было быть исследовано на гидролыже. Гидролыжа в некоторых случаях еще и оборудовалась устройством типа шасси, что давало возможность изделию выходить самостоятельно на отлогий берег. Таким образом, на острове, в общем, подвергались испытаниям сразу три объекта: «КМ», «Шестерка» и «Утенок».

Мне довелось наблюдать движение всех трех одновременно. Вдали, на достаточной высоте летел «КМ». Полет его, ввиду больших собственных размеров, казался медленным. Но это только казалось. Ближе летела «СМ-6», и рядом с берегом юрко шнырял выкрашенный в красный цвет маленький одноместный «Утенок». Вверху кругами летал вертолет обеспечения. Зрелище было очень впечатляющим. Испытания аппаратов экранопланной тематики отнюдь не были простыми и безмятежными.

Опасности полета

Основное отличие экраноплана от самолета заключается в высоте устойчивого полетного режима. Для самолета — чем больше запас высоты, тем лучше. Для экраноплана — наоборот. Он потому и назван «планирующим над экраном», что несущее крыло должно «чувствовать» экран. Конечно, экраноплан в принципе может подняться и на высоту, большую средней аэродинамической хорды крыла — САХ (а именно на этих высотах, равных САХ, рекомендуется использовать изделие), но тогда полет в «самолетном режиме» считается неустойчивым. Еще в 1965 году произошла авария на акватории реки Троцы самоходной модели «СМ-5», «пятерки». Резкий порыв бокового ветра при большой высоте полета вызвал крен аппарата. Сидящий за штурвалом управления попытался сбалансировать модель рулями, не сбрасывая тяги. Это привело к тому, что модель резко накренилась в противоположную сторону, чиркнула о воду концевой шайбой, получила еще больший крен и с дифферентом в нос

вошла в воду. Два человека погибли: летчик и приборист. Потом уже, на основе горького опыта, во всех полетных инструкциях строго указывалось: в случае опасного режима не пытаться оперировать органами управления, но немедленно сбрасывать тягу. Экраноплан по приближении к экрану сам, без помощи рулей, обретал устойчивость. К тому же, посадка на воду при малых скоростях не грозила тяжелыми и аварийными последствиями.

Но теории теориями, а конкретные ситуации преподносили испытателям свои непредвиденные варианты. Как я уже упоминал, нам запрещалось произносить вслух слово «экраноплан». Да и само определение было слишком наукообразное, официальное. Поэтому среди сотрудников наибольшее распространение имело название «пароход».

– Ну, как дела на пароходе? Где Главный?

– На пароходе.

Даже была попытка переделать известную тогда песню: «Мы учим летать пароходы...» Словечко тонко снижало патетику, придавало хорошую ироничность.

Авария «Орленка» и ее последствия

Испытания осенью 1974 года выглядели так: на острове Чечень находились «КМ», «СМ-6», «УТ», на акватории Каспийска — «Орленок».

В испытаниях «Орленка» принимала участие государственная комиссия. На режиме посадки с достаточно большой высоты по вине пилота «пароход» приводнился поперек волны. Почувствовав удар, Главный выглянул в верхний смотровой люк. Не сказав ни слова, он занял левое кресло пилота и сам повел изделие на малой скорости в мореходном режиме. Когда прибыли на базу в Каспийске и Комиссия вышла на берег, то уважаемые члены Комиссии испытали шок: у «Орленка» отломилась хвостовая часть (киль с горизонтальным оперением) и тащилась на «кишках» — на кабельных жгутах и тягах управления. Возникла зловещая пауза. И тут «черт дернул» Главного за язык. Совер-

шенно хладнокровно Алексеев заявил: «Прошу членов Комиссии обратить внимание на живучесть корабля: даже в таком виде он прошел несколько миль и сохранил непотопляемость».

Весть о том, что «Орленок» разбился на испытании, донеслась до острова мгновенно. Все поняли, что впереди Алексева ожидают тяжелые времена. Конечно, для такого могучего монстра, как Минобороны, с финансовой точки зрения отвалившийся хвост изделия — совершеннейший пустяк, капля в море. Но именно этот факт и стал тем поводом, чтобы уменьшить самостоятельность Алексеева. Удар по экранопланной тематике был неизбежен.

Летом 1975 года испытательную станцию в Чкаловске переименовали в «филиал ЦНИИ им. академика А.Н. Крылова», а попросту говоря, отняли у ЦКБ и передали в ведомство Ленинграда. Алексеев уже не Главный конструктор, а всего лишь начальник тридцать третьего отдела «Перспективных разработок». Ни в коем случае не умаляя достоинств других начальников отделов ЦКБ, специалистов высочайшего класса, все-таки надо отметить очевидную разницу. Отделов много, а Главный был единственным и неповторимым.

Как-то в одной из стенгазет ЦКБ были рисунки на тему, каким видит каждый отдел экранопланы. Отдел прочности видел корабль в форме крестовины, сваренной из тавров и швеллеров; аэродинамический отдел — в виде бумажного голубя; двигателисты — в виде двигателя с двумя ангельскими крылышками; мореходы — в виде бревна с приколоченной поперек доской. Рисунок точно и остроумно отражал суть явления. Каждый отдел решает свою узкую и специфическую задачу, а объединить их в единое и гармоничное целое под силу только таланту Главного конструктора.

Алексеев оказался лишен не только испытательской базы, но и прерогативных прав на принятие конструкторских решений. По сути, он был подвергнут обструкции. Жить ему оставалось пять лет.

В данном очерке я сознательно не называю фамилии других людей, поскольку за тридцать с лишним лет к экранопланной тематике их прикоснулось в большей или меньшей степени такое великое множество, что упомянуть всех не представляется возможным. Нельзя объять необъятное, как справедливо заметил Козьма Прутков. Тема истории развития экраноплана ждет своего капитального исследования. Это дело будущего. За прошедшие годы мы имели немногочисленные (к сожалению) и, конечно же, фрагментарные печатные кусочки, некую мозаику, которая еще не сложилась в единую и законченную картину.

В последние годы Алексеев занимался двумя небольшими экранопланами «Стриж» и «Волга-2». Эти аппараты были закончены и испытаны уже другими людьми, но основу заложил он.

Алексеев относился к тому редкому типу мужчин, которые с возрастом становятся не то чтобы красивее (это слово больше подходит к женской половине человечества), а как бы значительнее, завершеннее. Стоит посмотреть на его фотографии в молодости (испытатель танков, молодой человек с крупными чертами лица) — в общем-то довольно обыкновенный тип славянских черт. Но в последние годы весь облик Главного оформился в нечто своеобразное и неповторимое. Черты лица приобрели скульптурность, ощущался интеллект и воля. В фигуре его не было никаких возрастных выпячиваний — сказывались занятия спортом. Он занимался водными лыжами, скоростным спуском, для чего по инициативе Алексеева был построен тросовый подъемник, подводным ориентированием, парашютным спортом.

Алексеев был профессиональным автоводителем. Он сам лично испытывал практически все экранопланы. Казалось, что не существовало такого транспортного средства, которым он не мог бы управлять.

С молодых лет Алексеев был великолепным яхтсменом и неоднократно выходил победителем на всесоюзных соревнованиях по яхтам. В одной из таких регат в середине 30-х годов кубок победителя Ростиславу Алексееву вручал наш земляк, Ге-

рой Советского Союза В.П. Чкалов. Возможно, эта встреча и стала символом соединения судостроения и авиации.

У А. Чехова в его воспоминаниях о Льве Толстом есть фраза: «Я видел перед собой почти совершенного человека». Я думаю, что эту фразу можно смело отнести к личности Р.Е. Алексеева. Даже морщины на лбу этого человека образовывали такой характерный рисунок, какого я не видел больше ни у кого. Отсюда мораль: совершенную технику могут создавать только совершенные люди. Благословен труд художника, он создает картину один; а такое изделие, как экраноплан, все-таки есть продукт коллективного труда.

Личность Алексеева не подавляла окружающих его людей; в его присутствии никто не чувствовал себя маленьким или неполноценным. Этому способствовало (особенно в последние годы) исходившее от него ощущение какой-то глубокой и скрытой печали. Казалось, что он, подлетев на экраноплане, увидел вдали что-то такое, что нам было видеть не дано. Может быть, он увидел результат усилий всей своей жизни: как утонет на Каспии «КМ», всеми заброшенный и бесхозный, разрушившись от времени и коррозии; как превратится в груды алюминиевого лома на забытом складе «УТ»; как ракетоносец «Лунь» будет бессмысленно годами в цехе завода «Волга» ждать несуществующего финансирования, чтобы попытаться превратиться в корабль быстрого реагирования «Спасатель»; как будут ветшать и зарастать чернолесьем домики на базе в Чкаловске, где когда-то закладывались на испытаниях основные концепции аэрогидродинамики экранопланов. Да и само ЦКБ по судам на подводных крыльях потихоньку начнет уменьшаться: специалисты, годами сидя без зарплаты, будут образовывать свои отдельные «фирмы». Успешнее других в этом плане проявится деятельность АО «Технологии и транспорт» во главе с генеральным директором Д.Н. Синицыным.

Как и всякий физически очень сильный человек, Алексеев не любил ощущения слабости. Он сохранил привычку своими

силами вытаскивать модели из цеха-эллинга на испытаниях или вытаскивать застрявший в снегу автомобиль. Возможно, это привело к внезапной болезни и операции на брюшной полости.

Умер Алексеев в расцвете творческих сил. Вместе с Последним Романтиком скоростного судостроения умерло и его время.

«ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...»

Очерк

Мы приобщаемся к удивительному и неповторимому миру поэзии Пушкина даже не в детстве, а гораздо раньше, — может быть, с рождения. Солнечный, «аполлинический» гений поэта вошел в кровь и плоть нации, в его наследственность, в его генетическую память. Вошел легко и естественно, как дыхание, и наша духовная сущность уже немыслима без этого, по выражению Александра Блока, «легкого имени» — Александр Пушкин.

После Пушкина русская литература как бы раскололась на ряд обломков: одни были крупными, мощными, другие помельче, третьи — и вовсе малы. Кто-то создавал романы, кто-то рассказы, иные — драматургию, иные лирику. Но такого единого, всеобъемлющего грандиозного явления, как Пушкин, который вместил в себя все жанры литературы, не было и, вероятно, уже не будет. Сказки — веселые, искристые, забавные и в то же время глубокие и мудрые; эпиграммы — краткие и неотразимые, как удар молнии; стихи о природе — трепетные, с тончайшими нюансами; стихи о любви — благородные и страстные; послания к друзьям — искренние; баллады, легенды, предания... И яркие, мощные исторические личности: Годунов, Пугачев, Петр I... Романы, повести, новеллы...

Если собрать вместе всех тех, кого изобразил гениальный поэт, то образуется огромная толпа абсолютно живых людей: смеющихся, ревнующих, завидующих, плачущих, рождающихся и умирающих, пьющих, грустящих, убивающих и т. д. В этой

толпе будут Онегин, Ленский, Татьяна Ларина, стационарный зритель, Сальери и Моцарт, Сильвио, Петр Гринев и Швабрин, Маша Миронова и барышня-крестьянка, арап Ганнибал и гробовщик... И в каждом образе, в каждом произведении — вершины, вершины...

Отношение к Пушкину как к личности глубоко национальной и одновременно мировой, общечеловеческой еще при жизни поэта было неоднозначным. Для определенных слоев России, испытывающих неприязнь, а иногда просто злобную ненависть ко всему, что связано с русской культурой, Пушкин и при жизни, и после гибели — как кость в горле. Недоброй памяти деятели пролеткульта злобно кричали, что Пушкин «устарел», что его нужно «сбросить с парохода современности». Можно себе представить, как весело смеялся бы сам Александр Сергеевич над фразой «сбросить Пушкина с парохода», поскольку она звучит просто нелепо.

Пушкин абсолютно современен. Сквозь толщу лет он ясно видел те жгучие проблемы, которые сегодня стоят перед Россией. Откроем, к примеру, поэму «Полтава»:

Не многим, может быть, известно,
 Что дух его неукротим,
 Что рад и честно, и бесчестно
 Вредить он недругам своим;
 Что ни единой он обиды
 С тех пор, как жив, не забывал,
 Что далеко преступны виды
 Старик надменный простирает;
 Что он не ведает святыни,
 Что он не помнит благостыни,
 Что он не любит ничего,
 Что кровь готов он лить, как воду,
 Что презирает он свободу,
 Что нет отчизны для него.

Жаль прерывать цитату. Ощущение, что строки не пером написаны, а вырезаны алмазным резцом. Да, это портрет гет-

мана Мазепы. Портрет не столько «физический», сколько глубоко психологический. Но что такое? Ведь эти строчки можно смело применить ко многим нашим сегодняшним политикам, лидерам, виновникам. Просто удивительно, будто это написано сегодня, сейчас. Вот ведь штука-то какая.

В средствах массовой информации ведутся многочисленные споры на тему главного, коренного вопроса России. Можно подумать, что эти люди никогда не читали Пушкина. Он-то этот вопрос поставил вполне точно и конкретно: народ и власть. Евгений бедный и Всадник Медный. «Люблю тебя, Петра творенье...». Поэт любит творенье, но не самого Петра. Знаменитый царь являл собой фигуру весьма своеобразную. Огромного роста, тощий, с непропорционально маленькой головой, с глазами навывкате, которые могли мгновенно загораться бешенством, с дергающимся от нервного тика лицом. Когда Петр на своих ногах-ходулях вышагивал по строящемуся Петербургу, он внушал страх не только простому люду, но и вельможной челяди.

Пушкин уважает державную волю и мощь царя. В чеканных строках, написанных излюбленным размером — четырехстопным ямбом, поэт восхищается северной столицей как результатом коллективного труда. Однако:

Ужасен он в окрестной мгле!

Вот именно — во мгле. Город строился на болоте и человеческих костях; никто не считал жертвы, которые пришлось принести во исполнение царевой воли.

О, мощный властелин судьбы!

Не так ли ты над самой бездной

На высоте, уздой железной

Россию поднял на дыбы?

А что же Евгений бедный? У него всей-то радости в северной столице «забор некрашенный, да ива и ветхий домик», да мечта бедняги — девушка, тоже, естественно, бедная. И всю его отраду в один ужасный день унесло наводнение, и лишился разума Евгений бедный от горя, и скитается он по Петербургу, питает-

ся «в окошко поданным куском», влачит свое существование «ни зверь, ни человек». И вот столкнулся однажды с «горделивым истуканом», то бишь с символом Державы. И весь его протест выливается всего-то лишь в то, чтобы злобно погрозить Медному Всаднику, да и то шепотом. Наказание за протест просто-таки кошмарное:

И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Вот так и по сей день, мы, якобы свободные россияне, куда бы стопы свои ни обращали, а за спиной слышим все то же «тяжелозвонкое скаканье» Державы.

Интересно подметить одну тонкость: «кумир на бронзовом коне». Конь бронзовый, а всадник Медный. Конь и всадник отлиты из разного металла что ли? Вероятно, по народной пословице, стойкому словосочетанию — «медный лоб».

Вопрос совести, ответственности Человека перед содеянным всегда был одним из главных вопросов русской литературы. И здесь Пушкин главенствует, и здесь он как никто смог выразить глубину проблемы в кратких, емких строках.

...Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда — беда! Как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

(«Борис Годунов»)

Вот так «устаревший» Пушкин! «Мальчики кровавые» не стоят ли в глазах у многих наших нынешних деятелей? Или мы уже настолько привыкли что ли, огрубели, и жизнь человеческая вообще потеряла всякую цену?

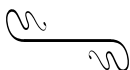
Пушкин как символ поэзии, символ подлинного творчества воплощает в своих произведениях как бы новую реальность, более убедительную, чем окружающий мир. Его творчество обладает собственной, непреходящей жизненной силой. Его поэтический мир устремлен к бесконечному, безграничному.

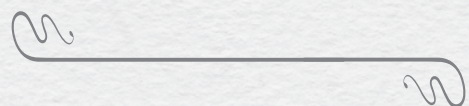
Конкретная мысль или чувство является только материалом для воплощения другой стихии, стихии творчества.

При всем блеске, оригинальности, гармоничности и музыке стихи Пушкина обладают одной несомненной тайной: эта тайна — кажущаяся простота. Вроде бы поэт не применяет заумных, витиеватых рифм, размеры стихов — традиционные, нет каких-то уж очень необыкновенных приемов, которые сразу бы были заметны. Но в том-то и дело, что стихи Пушкина написаны так, что изощренное мастерство поэта скрыто, незаметно. Только внимательный, подготовленный читатель при очень вдумчивом чтении может открыть поэтические перлы Пушкина.

Стоит возблагодарить судьбу, что двести лет назад в России родился истинный гений и пророк — Александр Сергеевич Пушкин.

1999 г.

*О творчестве
Сергея Жукова*

«ЧУВСТВО РОДИНЫ, ЧУВСТВО ГНЕЗДА...»

О книге «Родство», поэтическом дебюте С. Жукова

Когда читаешь книгу молодого двадцатилетнего поэта, то всегда открываешь для себя новый взгляд на устоявшиеся представления. Каждая юность приходит в жизнь со своей, обновленной оценкой мира. И этим каждая юность интересна...

Когда же читаешь, пусть даже первую книгу, но своего ровесника, то разговор идет на равных, в открытую и доверительно: вместе пережили грозы истории, росли в потоке одного поколения, ели хлеб одной судьбы.

Поэт из Чкаловска Сергей Жуков родился в 1942 году. Раннее детство легло на многотрудные послевоенные годы среди вдовьего горя и крестьянских забот.

Есть у него отличное, на мой взгляд, небольшое стихотворение, где рассказывается, как бабы в полыньи стирают «жалкие тряпки сирот, вдовьи обноски скупые» и:

С ревностью горькой такой
Бабы подметили зорко,
Что изо всех у одной
Мужнина есть гимнастерка.

Как пронзительно и точно подмечено!

Эти несколько строк глубоко трагедийны во всей своей негромкой обычности.

Тема военного детства проходит у поэта, как далекие воспоминания, время от времени напоминая о себе внезапными отблесками. Жуков любит поэтические миниатюры, его стихи почти никогда не превышают двадцати строк.

А краткие строки, связанные с житейскими событиями, звучат схоже с интонациями произведений А. Люкина («Стыд» и «Встреча»).

Но основным жанром творчества С. Жукова, где он чувствует свою силу, где движется свободно, раскованно и уверенно, является пейзажное стихотворение. Иногда это просто этюд-за-

рисовка, иногда увиденная картина природы становится экспозицией, предначалом раздумья.

Колыхаясь, отсвечивая красками, принося разнотравные дыхания ветров, эти образы, удивляя свежими находками, начинают вас обступать на первой же странице книги:

Я брошусь в густую траву
И руки раскину, как весла.

Или:

Тонкий скальпель ручейка
Прорезал вымерзшую глину.

Примеров таких находок — множество... Иногда на подобных образных открытиях поэт строит даже целую миниатюру — стихотворение «Ливень».

У Жукова — редкое умение видеть природу!..

Прочитав и перечитав очень внимательно книгу С. Жукова «Родство», изданную Волго-Вятским издательством, я порадовался, что положено начало новой дороге. Пусть негромко, но о своей малой отчине, о нижегородских пределах, сказал искреннее слово еще один человек с озаренным сердцем, сердцем, в котором живет «чувство родины, чувство гнезда».

Ю. Адрианов («Горьковская правда», 1982 г.)

«ВЕРЮ, ОСТАЕТСЯ ВЕЧНОЕ»

По стихам Сергея Жукова, первый сборник которого «Родство» недавно вышел, видно, что человек живет у реки: с ним рядом — деревья, травы, птицы. Именно такой мир стал «поэтическим естеством». Он воспитал поэта, и потому поэт чувствует и видит его как свою неповторимую «малую родину», «чем недаром душа заполнялась».

Жуков-поэт живет проявлениями природы. Она для него и исцеляющая сила, и вечная тайна, и источник человеческого существования. Ведь «мы были б слабей и беднее без этих деревьев и трав».

Поэт учится у природы:
 Я негромкой музыке учусь
 У леса, что разрезает воду.
 У былинки в поле, у ручья,
 У сторожкой одинокой птицы,
 У реки, что катится журча.
 У кого же мне еще учиться?

(«Утро догорело, как свеча»)

Вот эта преданность «деревьям и травам», вера в их силу очевидна во всех стихах Сергея Жукова. Но он не повторяется. Напротив, его стихи читаются как цельное произведение, где один порыв, одно измеряющее всю жизнь стремление выразить свое чувство.

Поэтические определения Жукова красивы, и это настоящая красота, а не привнесенная словом: красота, соответствующая красоте мира. И поэт говорит, наблюдая зиму, ощущая в ней «от мороза спрятанное лето»:

Будто снова радуга встает
 В солнцем освещенном небокрае,
 Будто рядом женщина поет,
 Волосы рукой перебирая.
 Облака у голубой воды
 Молоком вчерашним кисеют.

(«Стог сена»)

Ливень для поэта — как «нагулявшаяся по небу река», и осенний закат «вычерпан журавлиными криками», и поздняя осенняя береза так прозрачна, что кажется:

Словно брызнула сверху вода
 И мгновенно в полете замерзла.

У него природа — «жданная внезапность», привычка, но вечно удивляет, радует или печалит. И человек счастлив уже потому, что ощущает естественное течение жизни, гармоничное воздействие всего сущего.

...Под острые свисты осоки,
 Под шорох глухой камыша
 Какой-то печалью высокой
 Неясно томила душа.

И слышалось мне,
 как сквозь тело
 Текли эти летние дни.
 И птица веселая пела,
 В лесной укрываясь тени.
 («Дожди налетали внезапно»)

Но в голосе счастья, «голосе рек к лесов», случаются печальные интонации. Не всякая пора несет в себе радость, так и жизнь наделяет поэта «текучей мощью непокая», и морские струи выплескивают «отражения» прошедшей любви.

Поэту прекрасно жить под «раннюю, высокую зеленоватую звездой». Увидеть эту «звезду», «проглянувшую» в ночи! Вот начало того чувства, которое ведет поэта. Это чувство Родины, природы и человека, когда малый мир «скрипа колодца», «разросшегося сада» определяет судьбу и веру.

Сборник «Родство» — сборник первый, но можно с уверенностью сказать, что у Сергея Жукова действительно существует своя «позиция слова». Причем эта позиция особенно личная, и трудно спутать его с кем бы то ни было. А в четверостишии «Родине» сосредоточена та направленность поэта, которая будет и будет развиваться, едва он уловит «звук человеческой речи» в «шорохе лесов», соотнесет судьбу человека с судьбой природы и скажет:

Жизнь пролетит быстротечная,
 Верю, останется вечное:
 Сосны твои корабельные,
 Песни твои колыбельные.
 («Родине»)

И. Грановский («Горьковский рабочий», 1982 г.)

О КНИГЕ СЕРГЕЯ ЖУКОВА «ПОЗДНИЕ ПТИЦЫ»

Признаюсь, что сперва название книги поэта С. Жукова меня несколько озадачило. «Поздние птицы»? Что-то минорное, не совсем, а вернее, совсем не свойственное характеру и творчеству поэта послышалось мне в этом названии. Но чем больше вчитывался я в стихи, составившие новый сборник, тем больше убеждался в том, что заглавие это вполне правильно определяет новую, более зрелую ступень в творчестве Сергея Жукова — пору «золотой осени», время раздумий, время человеческой зрелости. Отсюда, наверное, и

...Родной земли священный прах!
Не потому ль в своей округе
Не перечсть цветов и трав,
Что лечат многие недуги.
Земные завершив пути,
И мне судьба на свете белом
В краю родимом прорасти
Ромашкой, тмином, чистотелом.

Скажите, что это уже было? Возможно. Но у Жукова это звучит очень искренно, очень по-своему, как, впрочем, звучат и другие вроде бы «похожие» стихи. Это воспринимается не как послушное эпигонство, потому что сказано своим голосом с присущей только Жукову, если так можно выразиться, поэтической дикцией. «Сожжение дерева», «Поздние птицы», «Окончен печальный обряд», «И снова возврат холодов», цикл «Под знаком Стрельца» — эти и многие другие стихи как бы составляют основу книги. Сергеем Жуковым уже написаны новые «крепкие» стихи, которые могли бы дополнить этот сборник.

Кстати сказать, и место нашлось бы. Хотя бы за счет того же раздела «Одуванчик», который, как мне известно, поэт готовил как самостоятельную детскую книгу. И в самом деле, книжка может получиться удачной. Вот хотя бы:

Желтая соломина
В небе переломлена.

От нее
От крохотной
Столько сразу
Грохота.

Это о грозе. Ведь здорово! Но это отдельный разговор. Не могут не радовать такие строки:

Ястреб падает, словно десантник,
Раскрываясь у самой земли...

...И когда улыбчивый закат
Примеряет красную рубаху.

...Как детеныш угрюмой волчицей,
Чисто вылизан осенью лес.

Их, этих строк, немало и они придают стихам осязаемую вещность и зримость.

И, наконец, о заключающей книгу публицистической поэме «Крылья». Думается, что без нее книга была бы ущербной. Поэма эта и дань человеческой памяти и, я бы сказал, оптимистический реквием не только знаменитому на весь мир земляку, но и в первую очередь благодарная дань инженера — ученика своему учителю, да и просто человеческая благодарность Человеку. Это несомненная удача поэта. Как динамично выражено движение «летучего» корабля в главке «Подъемная сила»:

Летит с ватерлинией вровень
Пологой волны борозда,
И крыльев сегментный профиль
Легко поднимает вода.
Путем современным и древним —
Вперед! И бегут берега.
И мимо — причалы, деревни,
Тяжелые сосны, стога...
Просторное имя — Россия,
Созвучное слову «рассвет».
И гордо, подъемною силой
Душа отзовется в ответ!

Хочется верить, что новая книга неординарного поэта Сергея Жукова станет той «подъемной силой», которая поставит его в один ряд с лучшими «дипломированными» поэтами-земляками.

М. Сточик, член Союза писателей СССР, 1987 г.

СТАРО И НОВО

Сергей Жуков в поэзии не новичок. На его счете два поэтических сборника: «Родство» и «Ясноликий полдень». А недавно он выпустил третью книгу стихов под названием «Поздние птицы».

О ней и пойдет речь.

Автор не открывает Америку, не прокладывает новые пути в поэзии. Его творчество — дань старой поэтической традиции. Родные места, неповторимые в своем очаровании среднерусские леса и реки, поселки и поля. Далекие, покрытые туманной дымкой времени детство и юность. Кто об этом не писал? Тема стара как мир, но тем не менее С. Жукову удастся сказать в ней свое слово. Его поэтический мир достаточно самобытен. Он пронизан добротой и грустью. Он наполнен искренней любовью ко всему, что нас окружает.

Бор смолистым запахом наполнен,
Над водой мелькают кулички.
Отцветает розовый шиповник,
Слабые роняя лепестки.
И над ним, с заботой и любовью,
Ветви наклоняются сосны,
Как над заболевшим малокровьем
Дитяtkом лесным.

...Немалое достоинство поэзии С. Жукова — откровенность, с которой автор может рассказать читателю и о том, что волнует его душу, и о том, что терзает его ум. Стихи Сергея Жукова — это нескончаемая работа мысли, стремление осознать все то, что

происходит рядом с нами и в нас самих. Причем с позиции не безразличного наблюдателя, а человека, стремящегося понять жизнь, найти в ней истину.

Таких вопросов, поставленных поэтом, много в сборнике. Не всегда он дает на них ответ. Видимо, это для автора не самое важное. Главное, как говорится, «поставить проблему», задуматься над ней, пробудить душу читателя, чтобы она не пребывала в спячке, не знала покоя. Нелегкая цель, но Жуков ее добился.

Особенно, когда пишет о Родине. Эти стихи, на мой взгляд, можно назвать лучшими в сборнике. Возможно, причина в том, что сама тема больше волнует поэта, выстрадана им.

И ветер спешит верховой,
И эхом душа повторяет,
Что нет на земле ничего
Милее родимого края.

Конечно, в этих строках вроде бы ничего нового нет, Сергей Жуков идет по проторенной дороге. Нечто подобное писали не раз и не два, не он первый, не он последний. Но и сама тема, мысли из разряда вечных, они никогда не перестанут быть нужными. А особенно сейчас, в наше непростое время, когда идет переоценка ценностей, рушатся старые идеалы и так легко потерять нравственные ориентиры.

Верность автора непреходящим темам не может не вызывать симпатию к его творчеству. Ведь можно было бы написать что-нибудь на «злобу дня». И то, что Сергей Жуков оказался свободным от конъюнктуры, в определенной степени становится его заслугой как поэта.

А. Соколов («Горьковская правда», 1990 г.)

«Я НАПИЛСЯ ОСЕННЕЙ ВОДЫ»

У Сергея Жукова вышла третья книжка стихов. Называется она «Поздние птицы», по одноименному стихотворению, вошедшему в сборник.

У Жукова непростые стихи, написанные сердцем, выстраданные, хотя внешне — сама простота. В каждой строке — еще и подтекст, и мысль как бы раздвигается, углубляясь и наполняясь другими значениями. Такое ощущение возникает всегда при чтении его стихов.

Знаком я с творчеством Сергея давно. По душе он — лирик, философ. Многие его стихи несут заряд грусти. Но все они чисты, откровенны, потому что написаны не под диктовку холодного разума, а «живой трепещущей» душой, нередко сердцем усталым и растревоженным. Любовь к природе, точнее — неразрывность с ней, объясняет во многом и направление его творчества. Почти все, что он хочет сказать, выражает через отношения с природой, через восприятие ее, просто через ее жизнь.

Как бы ты ни лелеял вечерние думы,
Все равно сам себе не солжешь.
И в журчанье реки, и в березовом шуме
Будто эхо: — Зачем ты живешь?

Это четверостишие из стихотворения «Над речушкою малой огромного детства». Детство, родные края в этой книге занимают много его мыслей. Через них он обращается и к некоторым моментам своей биографии, тонко рисуя портреты матери, отца и брата. И еле уловимыми штрихами, может невольно — свой. А вообще-то ведь портрет поэта — во всех его стихах. И я вижу его, большого, улыбчивого, но чуть грустного и в этом вот:

Можно все беды свои позабыть,
Годы, что пройдены.
Тонко, волнуяще пахнут грибы
Детством и Родиной.

Тема Родины в разных вариациях проходит через всю его книгу. Порой совсем незаметно. В стихах, где говорится о природе и жизни, вдруг незаметно, но выпукло, объемно встает рядом с речкой детства наша Родина. Или прямее, как неотъемлемое, в стихотворении «Катится эхом в бору спозаранок»:

Дрогнула ива над омутом мглистым,
Вспыхнули в травах огни.

Помыслом злобным и делом корыстным
Родины не оскверни.

В стихах Сергея Жукова часто звучат блоковские мотивы, настроения. И вправду, нет у него оптимизма через край, бравады, легкой веселости. Он не пишет дежурных стихов. Наверное, потому они цельнее. Только то, что от души, может взять за душу.

В свое время Сергей окончил Горьковское речное училище. Речному делу отдана часть жизни. Безусловно, это нашло отражение и в его поэзии. И в книге есть стихи на эту тему. Но всего ярче, поэтичнее, на мой взгляд, и, естественно, образнее стихотворение «Последний караван»:

Ледяное дыханье тумана,
Свисты ветра в пустом ивняке.
Мы последним идем караваном
По тяжелой и темной реке.

По утрам все слабее сочится
Проблеск солнца с холодных небес.
Как детеныш угрюмой волчицей,
Чисто вылизан осенью лес.

Тут лохмотья, колючая сырость,
Острый шорох шуги за бортом.
Скоро зиму на белом буксире
За собою потащим в затон.

Короткими штрихами Сергей Жуков рисует подчас целые, большие полотна жизни. Это видно в стихотворении «Погасла под снегом калина», «Жерех», в циклах «Под знаком Стрельца», «Стремительный дождик». И особенно кратко, в то же время емко и с болью в «Сыне»:

До глубоких седин
Закружила дорога.
Возвращается сын —
Мать стоит у порога.
И припала к щеке,
И застыла надолго.

Глядь — на левой руке
У сыночка наколка.

Во всем стихотворении ни слова не сказано, что и как случилось с сыном, не обмолвлено напрямую, что был он в местах крайне печальных. Но видится зримо большая трагедия матери. Не придумать, наверное, лучше, выразительнее и концовки:

Оглянулся окрест,
Горько так улыбнулся...
— Дай мне, мама, поесть. —
И у двери нагнулся.

Эти стихи говорят о том, что Сергей Жуков — зрелый поэт. И поэт талантливый. Светла и чиста его поэзия, словно бы помолодела. Может, об этом он и говорит в своем стихотворении:

Я напился осенней воды,
Отодвинув опавшие листья,
И увидел себя молодым
В речке детства, спокойной и чистой.

А. Горшков («Знамя», 1989 г.)

«БЕЛАЯ ЧЕРЕМУХА ЦВЕТЕТ...»

...В невозвратность времени влеком,
Вновь увижу облаков полет.
Запевают девки за селом,
Белая черемуха цветет.

С. Жуков

Варнавинский район... Когда-то это был глухой, дремучий лесной край. Да и сейчас еще в этом северном углу Нижегородчины леса хватает, хотя и сильно поредел он после ежегодных порубок да пожаров.

Само Варнавино названием своим обязано пустынножителю преподобному Варнаве, что обитал здесь в дикой лесной глухомани во второй половине пятнадцатого века. Потом на месте его

пустыньки был в честь его основан Варнавин монастырь, а позже и село образовалось. Большинство же поселений и рек округи носят странные для русского слуха наименования, они так и остались с тех давних времен, когда местность эта была заселена мари́йцами.

И только поселок Красный Луч — исключение. Он явно получил свое название уже при советской власти, и те, кто его так поименовал, свято верили в грядущую светлую жизнь.

Вот в этом поселке с таким красивым названием и родился 14 декабря 1942 года одиннадцатым, последним в семье ребенком будущий поэт Сергей Жуков.

Я оттуда, где пили
До слез, до ножа,
Где копейки копили,
Не скопив ни шиша,
Где пустою тарелкой,
Чиста и бледна,
Над речушкою мелкой
Каталась луна...

В декабре 42-го уже полтора года как шла война. На фронт ушли отец, два брата, сестра. Один из братьев погиб сразу же, в 1941 году. Не вернулся с войны и отец, его Сергей знал тоже только по фотографиям. Мать ни в военные, ни в последующие годы ни пенсии, никаких других пособий не получала. У нее был орден «Материнская Слава» I степени, а вот пенсии не было. От голодной смерти семью спасал старший брат Павел. Он воевал с фашистами в небе, был летчиком. Офицерского жалования хватало, чтобы часть его высылать матери на прокорм семьи. Домой Павел вернулся лишь в 1948 году. После ранения, после контузии, после госпиталя еще три года пришлось служить в странах соцлагеря.

Через сорок лет поэт Сергей Жуков посвятит брату Павлу цикл стихов, проникнутых ощущением горечи страшных военных лет. Этот цикл он назвал «Под знаком Стрельца».

Я рожден был под знаком Стрельца
Средь декабрьского мрака ночного.

Своего не помню отца,
Рядового роты стрелковой...

Брат Павел вернулся домой, хотя имел реальную возможность выбрать для дальнейшей жизни место более удобное. Звал к себе родной дом? Родная земля? Да, и это тоже. Но было еще и другое, и главное. Он добровольно взвалил на себя ношу — а кому же еще, как не ему? — поднять на ноги, вывести в люди младших братьев и сестер. И вынес, осилил эту ношу — почти все его братья и сестры получили высшее образование, действительно вышли в люди. Не застряли в лесной глухомани.

Однако когда очередь дошла до младшего, до Сергея, в семейном бюджете концы с концами никак не сходились. И хотя Сергей в школе учился очень хорошо, Павел рассудил так: «Давай-ка поступай, Серега, в речное училище. Там и профессию хорошую получишь — в капитанах будешь по Ветлуге ходить! А главное — за всякий день будешь обут, одет и сыт».

Так Сергей стал речником. Капитаном, правда, не стал. Работал на земснаряде на строительстве Волго-Балтийского канала. Здесь-то и стали слагаться первые стихотворные строфы, в которых сразу же чувствовалось не дилетантское пустословие, а нечто настоящее, весомое.

Ледяное дыханье тумана,
Свисты ветра в пустом ивняке,
Мы последним идем караваном
По тяжелой и темной реке.

На зимний отстой и ремонт все суда технического флота приводили в Чкаловск на завод имени Ульянова (Ленина). Приводили и земснаряд, на котором работал Жуков. И вот получилось так, что в одну из зимовок Сергей здесь, в Чкаловске, обзавелся семьей, да так и бросил на этом берегу якорь на всю оставшуюся жизнь.

А стихов в тетради становилось все больше и больше. В 1966 году в местной районной газете появились первые подборки никому не известного тогда поэта Сергея Жукова.

Прослышав, что невдалеке от Чкаловска есть филиал ЦКБ по судам на подводных крыльях, и что там занимаются интереснейшим делом — созданием совершенно новых судов, Сергей, не раздумывая, подался туда и более четверти века работал там в должности инженера-конструктора.

Душою всего коллектива филиала, генератором и двигателем всех технических идей, да даже всей жизни филиала был Доктор, так за глаза называли работники Главного конструктора ЦКБ, доктора технических наук Ростислава Евгеньевича Алексеева. Генеральный конструктор, сгусток воли, ума и энергии, очень демократичный, он заражал и заряжал своей энергией всех, кто работал рядом с ним. Он сумел создать вокруг себя кружок энтузиастов, он умел зажечь.

Позже о нем, Главном конструкторе, Жуков напишет поэму «Крылья», но это потом, в конце 80-х годов. А пока ему приходилось вникать в совершенно новое для него дело. В коллектив же он влился быстро и без проблем, как будто тут всегда и был. Высокий, красивый, эрудированный, да еще и поэт, Сергей сразу же обрел расположение к себе всех сотрудников. Он много читал, много знал, с ним интересно было поговорить на любую тему.

Со временем он занял свою нишу и в нижегородской поэтической среде. Его стихи стали охотно печатать в газетах «Ленинская смена», «Горьковский рабочий», «Горьковская правда», «Большая Волга». Они обращали на себя внимание. В общем, его заметили.

И вот в 1973 году выходит сборник стихов «Старт», где под одной обложкой напечатаны стихи молодых поэтов Людмилы Калининой и Сергея Жукова.

Тем временем в семье Сергея подрастали дети, и пока им было немного лет, он сочинял для них короткие стихи-шутки. Мало-помалу их собралось изрядное количество, и в результате в 1976 году появилась на свет книжка «Пингвины и апельсины».

Она была снабжена прекрасными иллюстрациями и в книжном магазине Чкаловска исчезла с прилавка в одно мгновение.

Поскольку в филиале работал в основном молодой народ, и у многих были ребяташки дошкольного, младшего школьного возраста, то все они, к своему удовольствию, стали обладателями этой книжки.

Сергея Степановича вполне удовлетворяла основная — конструкторская работа. Ведь у многих работавших в филиале сердце наполнялось гордостью только лишь от того, что они работают рядом не с кем-нибудь, а с самим Доктором, что они все вместе творят — именно творят! — нечто новое, небывалое — удивительные суда, удивительные летательные аппараты.

Радовали Жукова успехи и на поэтическом поприще. В восьмидесятые годы один за другим выходят сборники его стихов — «Родство» (1982), «Ясноликий полдень» (1984), «Поздние птицы» (1989).

Его кумирами, маяками в творчестве были замечательные русские поэты Федор Тютчев, Иван Бунин. Он наизусть знал их стихи, да и не только их, а и других классиков. Память у него была великолепная.

Откуда же, почему, когда появилась у него, выросшего в глухомани заветлужских лесов, эта сильная страсть, эта неумная, неистребимая тяга к поэзии? Уж не в речном же училище, где каждый день от подъема до отбоя строго регламентирован, где все по часам, все по расписанию? В столовую — строем, на занятия — строем.

А ответ прост. Все оттуда же — Господь дал ему талант. Так же, как дал его Сергею Есенину, Борису Корнилову, Николаю Рубцову.

Жуков в стихах своих не устает повторять, что все, что в нем есть хорошего, и поэтический талант в том числе, подарило ему его родное Заветлужье.

Звук и свет был душе моей дан
От заветных ветлужских полян,
От моих неизменных богов —
От реки и покосных лугов.

И эта мысль лейтмотивом проходит в его стихах.

Голос родины — рек и лесов,
 Им недаром душа заполнялась.
 Оттого ли для прочих красот
 В ней пространства почти не осталось?

Заветлужье. Оно существовало испокон веков. Но поэт Сергей Жуков, как первооткрыватель новую страну, открывал его как бы заново и в стихах делился с читателем своими открытиями.

Сотворенную Богом природу он создавал как бы заново в своих поэтических образах, в метафорах, может быть, иногда несколько идеализируя, усиливая впечатления. Ну и что? Ведь это же от великой любви к своей родине, к своей земле.

Заветлужье мое! Без остатка
 Ты дарило мне тайны свои,
 То манило бобровую хаткой,
 То пугало шуршаньем змеи.

Эта четверть века, что С. Жуков прожил, работая в ЦКБ, без сомнения была самой плодотворной.

И вдруг... И вдруг в начале девяностых все рухнуло. В одночасье перестал существовать филиал ЦКБ. Доктора, человека, которого во всем мире почитали и почитают как гениального конструктора, совершившего революцию на речном транспорте, подсадили, оболгали негодяи. Десятки людей, талантливых, энергичных профессионалов и энтузиастов, отдавших филиалу лучшие годы своей жизни, были выброшены на улицу, на произвол судьбы.

Вот тогда-то и начались мытарства Сергея Степановича. В Чкаловске он переходил с предприятия на предприятие, да только всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Поработал научным сотрудником в музее «Василева слобода», но и тут — сидит и думает — нет, не его это дело.

В один из отпусков решил, как обычно, поехать в свой поселок, на родину. Может, хоть там удастся отойти от грустных, тоскливых дум. Да нет, и там, куда ни глянь, разруха да нище-

та. Сердечную болью за судьбу захолустной русской провинции наполнен очерк-эссе «Имба в лазурном поле». В это же время пишет он и очерк о судьбе филиала ЦКБ «Блеск и нищета экранопланов». Все негативные изменения, так называемые «реформы» 90-х годов, Сергей Жуков воспринимал как катастрофу собственной жизни.

Каждый, кому приходилось общаться с Сергеем Степановичем в эти его последние годы, не мог не заметить его угнетенно-го, подавленного состояния.

Вроде бы все — тупик. И все-таки не хотелось вовсе опустить руки. Он находил в себе силы записывать в амбарную книгу — общую тетрадь в коленкоровом переплете — все новые и новые стихи. Все чаще и чаще в них звучит горестная интонация безысходности.

В эти годы стихи Жукова нет-нет да появлялись все-таки то в газете «Ваша антенна», то в журнале «Нижний Новгород». Понемногу он начал собирать стихи для нового сборника «Тень ласточки». Придумал и даже сам нарисовал обложку для новой книги.

В 2000 году газета «Земля Нижегородская» объявила конкурс на лучшее стихотворение к юбилею Победы, и Жуков оказался в числе победителей, получил премию. В 2001 году Сергей Степанович областным отделением был принят в Союз писателей России.

Вроде бы радостные, обнадеживающие события. На какое-то время он как бы воспрял духом. Только ничто уже не могло залечить его сердечную боль, теперь уже диагностированную и врачами.

В одном из ранних сборников Сергея Жукова есть стихотворение «Щука».

...В болотце, пахнущем лозой,
Жильцам на страх и на заботу,
Забытая большой рекой
Осталась щука с икромета.

Под тенью от густых ветвей,
В воде коричневой и душной,
Что делать одинокой ей
Среди ликующих лягушек?

Когда дрожит рассвета мгла,
Она со дна всплывает грозно
И носом тычет в берега,
Хвостом разбрызгивая звезды.

Теперь, на расстоянии лет эти стихи представляются в какой-то степени провидческими и автобиографичными.

Выйдешь в рощу о горькой подумать судьбе —
Как медсестры, березы клонятся к тебе.
Будет май, и укутает яблони дым...
Я брожу в этом мире мальчишкой седым.

До конца своих дней сохранял Сергей Степанович в себе что-то мальчишеское, упорное неприятие лжи, несправедливости. И еще — какой-то наивный романтизм, и никогда не позволял исчезнуть высокому сыновнему чувству — чувству родины, чувству гнезда.

А когда сквозь бездонную полночь
Вдруг проглянет в окошко звезда,
Ты проснешься, и сердце наполнит
Чувство родины, чувство гнезда.

В. Лукин

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЖУКОВА

Внезапно, безжалостно жаляще
Приходят печальные вести —
Уходят из жизни товарищи,
Как юности нашей песни.

Уходят из жизни романтики.
Беспесенность — не беспечность.
И в саване, будто в мантии,
От одиночества — в вечность.

Нет воздуха. И пространства нет.
Без воздуха — жить неохота.
Уходят в небесное странствие
Последние Дон Кихоты.

Средь лжи, бессердечья и подлости
Возможно ли жить, не мучаясь?
Сознания своей непригодности
Им выпала горькая участь.

И падают от усталости,
Не в силах снести это бремя.
И в сердце стреляет без жалости
Жестокое, страшное время.

Как трав придорожных дыхание,
Загадочные и простые,
Дал Бог им талант и призвание,
И в горле немое рыдание —
За что же ты так их, Россия?!

Внезапно, безжалостно жаляще,
Приходят печальные вести —
Уходят из жизни товарищи,
Оставив нам лучшие песни.

В. Лукин («Знамя», 2002 г.)

Содержание

<i>Валерий Шамиурин. Поэзия была его святыней</i>	4
Из сборника «Старт» (1973 г.)	5
«О невыпавших ливнях, о несбывшихся встречах...»	5
«Уходят волгари седые...»	5
Доверие	6
«Утихомирило пургу...»	7
Старица	7
«Предрассветная тишина...»	8
«Средь трав и чистого песка...»	9
Срубы	10
«С хорошей завистью смотрю...»	11
Гарь	11
Ливень	12
Артель	12
Град	13
«Холодом желтым и звонким крылом...»	14
«Мы грели руки у костра...»	15
Стихи о капусте	15
«Деревья ночами не спят...»	16
«Где все ярче краснеют рябины...»	16
«Опять желтеет в дубняке...»	17
«Колышется месяц на небе...»	18
«Забросил удочки старик...»	19
Из книги «Родство» (1982 г.)	
«Прийти ни утренней заре...»	19
На «Метеоре»	19
Ночные дожди	20
«Нам много в юности прощалось...»	21

Щука	21
«Завороженный синевой...»	22
Сон детства	23
«Ты уходишь налегке...»	23
«Дожди налетели внезапно...»	24
Корабельные сосны	25
Липа	25
Одногодок	26
«Устали и спали с лица...»	27
«Штрихи темнеют...»	27
Заветлужье	28
«Высоко поднялись берега...»	28
«Мягко стелется дым над трубою...»	29
«Над полыньей ледяной...»	30
«Выпал снег на продрогший причал...»	31
Ночная сестра	31
«Птичьих лап за окном перестук...»	32
«Разгладит ветер на пробор...»	32
«В середине июня...»	33
На пасеке	33
«Тоской о прожитом не мучаясь...»	34
Клюква	34
Стыд	35
«Деревня звалась Красногором...»	35
«На палубу выйдешь — луна...»	36
Встреча	37
«Пришел солдат с войны живой...»	37
Воспоминания о детстве	38
«Грозою разбитая ель...»	39
Сток сена	40
Возвращение	41
«Дороги гулкой гололедица...»	41
Родине	42

«Утро догорело как свеча...»	42
«Ветер стих. Прояснилась погода...»	43
Памяти брата	43
Предзимье	44
Одиночество	44
«Уже крылами журавлиными...»	45
«Подступили всерьез холода...»	45
«Нет закадычного друга. Беда...»	46
«Закат иссякнет в небесах...»	46
«Гуляют ветра на приволье...»	47
«Наша среднерусская весна...»	47
«В те незабываемые года...»	48
Хлебозоры	48
«Заварим ушицу под липой...»	49
«Стриж напился воды на лету...»	49
«Время поздних осенних щедрот...»	50
Осенний ночлег	50
«Скоро якорь поднимет баржа...»	51
«Голос родины — рек и лесов...»	51
«В толчее, в духоте, на вокзале...»	52
Перед рассветом	52
«Вот мы стоим у весенней реки...»	53
Дальний свет	53
Причал	54
«Подернуты угли костра...»	55
«Птица вольная, повремени...»	55
«Все ближе пробуждение реки...»	56
Октябрь 1957 года	56
Смородина	57

Из книги «Дальние горизонты» (1983 г.)

Из юности	58
«Наступил он ногою босою...»	58

«Суглинком полевых дорог...»	59
«Трава забвенья — горькая трава...»	59
Ожидание	60
Луг	61
«Корзину рыжиков несу...»	62
«Пробивает силосная башня...»	62
«Дремят в заречье стога...»	62
«Плотно пылью покрыло листву...»	63
Вечерний мотив	64
«Денек устоялся погожий...»	64
«Я под дождем зажгу костер...»	65
Тучи	66
«На огороде червей накопать...»	66
«В полной силе горячий июнь...»	66
«Пора возврата холодов...»	67

Из книги «Поздние птицы» (1989 г.)

Сожжение дерева	68
«Когда в густой лиловой тени...»	68
Поздние птицы	69
Старуха	70

Из цикла «Под знаком Стрельца»

Брату Павлу, фронтовику	70
Фронтвой лес	75
«Ястреб падает, словно десантник...»	76
«Выйдем бродить меж осенних дубов...»	76
«Тяжелого неба движенье...»	77
«Собирались старухи вечерней порой...»	77
Долгий плач	78
«Там, где отец траву косил...»	79
«Над речушкою малой огромного детства...»	79
Лёт поденки	80

Прощание с рощей	81
Жерех	81
«Катится эхом в бору спозаранок...»	82
Последний караван	83
«Погасла под снегом калина...»	83
Сын	84
«В этой сумрачной тихой избе...»	85

Из цикла «Стремительный дождик»

«Стремительный дождик прошел...»	85
«Погасли у поля березы...»	86
Предостережение	86
«Я напился осенней воды...»	86
Колодец	87
«Сельская разбитая дорога...»	87
«Смотрю небесный ледоход...»	88
Угли	88
Браконьер	88
«Бор смолистым запахом наполнен...»	89
«Тучи низкие. Сосны шумят...»	89
«Облака. Чуть пониже — птицы...»	90
«За окном — осадки в виде снега...»	90
«Черные ели на белом снегу...»	90
«Удел человека...»	91
«За дымною зеленою сосен...»	91
Воспоминание о сельском клубе	92
«На высоком берегу Ветлуги...»	92
Волго-Балт, 1962 год	93
«Кладбище в соснах. Ограда...»	94
Ночной путь	94
«Облепил прохожих снегопад...»	95
«Ночью лохмотьями осени...»	95
Песня глухаря	96

Женщина не спит	97
Плотогон	97
Заблудившийся в лесу	98
«Можно чуток отдохнуть от жары...»	98
«Шли на посадочный круг...»	99
«Окончен печальный обряд...»	100
«Зима — как студеное море...»	100
«Прошлое не умирает...»	101
«Держит птицу подъемная сила...»	102
«И снова возврат холодов...»	102
Небо	103
Мода	103
Жалоба	104
Сеятель	105
Вечеринка	106
«В нашей любви намечается пауза...»	106
«Сквозь мохнатую старую ель...»	107
«Ночью над Волгой тревожны гудки...»	108
«Выпал снег на продрогший причал...»	108
Ласточки	109
Апрель. 1961 год	109
«Будто в былые года...»	110
Дельтапланерист	110
Современный сон	111
Чин	112
«Надышавшись вечернею мглой...»	113
«Я задремал у огня...»	113
Крылья (поэма)	114

Из книги «Тень ласточки» (2001 г.)

«Я прохожу по осеннему саду...»	126
Вымысел	126
Молитва художника	127

Старое кладбище	127
Осенний клев	128
Стихи о белой лошади	128
«Эта речка, несчастная беженка...»	129
Деревенская ночь	130
Рыцарь	131
«В мире жестоком, в мире лукавом...»	131
«Мы давно догадались...»	132
«Всю ночь грохотала гроза...»	133
«Лето. Рассвет. Облака...»	133

Из цикла «Колокол солнца»

Отчуждение	134
«Еще мы гордимся собой...»	135
Глубина	135
Художник П. Федотов «Вдовушка»	136
Утро	136
«Захолустья России...»	137
«Утро прокричало петухом...»	137
Грузинский танец	138
«Мефистофель с петушьим пером...»	139
Мертвые держат живых	140
Белый свет	141
«Время идет посолонь...»	141
«Поэт всегда виноват...»	142
«В октябре проснешься поутру...»	143
Март 1953 год	143

Из красной тетради

«Заря красна, как в котелке...»	144
«В каменных ящиках стиля кубизма...»	145
«Запевали девки за селом...»	145
«На дырявом рассвете...»	146

«Я оттуда, где пили...»	146
Скульптор	147
«Нынче год високосный...»	148
«Осень меня обняла, закружила...»	148
«Я возвращаюсь к пенатам родным...»	149
Путник	150
Пустая деревня	150
Весы	151
Знак	152
Осень	152
«Когда расставанья слепящий снег...»	153
Вьюга	153
Обед спортсменов	154
Три имени	155
Утро	156
Ворон	156
«Да, сколь веревочку не вей...»	157
«Сырость дождевого полумрака...»	157
«Лунной ночью мороз потрудился...»	158
У Нижнего	158
Год крысы	159
«Жизнь моя... Ошибки да грехи...»	160
«Загорятся росы на рассвете...»	160
Поэт	161
«Ни друзьям, ни женщинам, ни снам...»	161
«Каждым листочком и каждой травинкой...»	162
«Скоро наступит февраль...»	162
«Снова мы вместе, родная околица!..»	163
Луговая ночь	164
Сентиментальный этюд	164
«Убегает в луга колея...»	165
«Звук и свет был душе моей дан...»	165

Из поэтических тетрадей разных лет

«Посажено на цепь весло...»	166
«Лес ты мой таинственный...»	167
«Как время, идут облака...»	168
«Снег растаял на дворе...»	168
Поэзия	169
«Словно клинопись, резко на глине...»	170
«Дорога заросшая. Ржавые рельсы...»	170
«Бросив тени наклонно...»	171
«Время шло сквозь меня, а не рядом...»	171
«Друг мой был на решения скор...»	171
Холод	172
«Где все ярче краснеют рябины...»	172
На берегу водохранилища	173
Сосны	174
Сирень	175
«Хочу услышать птичий свист...»	176
«Зимний лес при луне молчалив...»	176
Алмаз «Шах»	176
«Тише, водитель, не рви свой мотор...»	177
«Зоренька осенняя...»	178

Из книги для детей «Пингвины и апельсины» (1976 г.)

Земляника	179
Крыжовник	180
Зима	180
Пингвины и апельсины	180
У окна	181
Подосиновики	182
Рыбий зонтик	182
Сыроежки	182
Груша	183

Комарик-моряк	183
Паук-вратарь	184
Водомерка	184

ПРОЗА

Первая щука. <i>Рассказ</i>	186
Затмение по-русски: Точка зрения. <i>Очерк</i>	189
Безвременье. <i>Очерк</i>	193
Изба в лазурном поле. <i>Заметки провинциала</i>	197
Блеск и нищета экраноплана. <i>Очерк</i>	202
«Духовной жаждою томим...» <i>Очерк</i>	214

О ТВОРЧЕСТВЕ СЕРГЕЯ ЖУКОВА

<i>Ю. Адрианов.</i> «Чувство родины, чувство гнезда...»	220
<i>И. Грановский.</i> «Верю, остается вечное»	221
<i>М. Сточик.</i> О книге Сергея Жукова «Поздние птицы»	224
<i>А. Соколов.</i> Старо и ново	226
<i>А. Горшков.</i> «Я напился осенней воды»	227
<i>В. Лукин.</i> «Белая черемуха цветет...»	230
<i>В. Лукин.</i> Памяти Сергея Жукова	237

James

Дом, где родился Сергей Жуков

*Поселок Красный Луч,
где прошли детство и юность поэта*

Фото из детства

*Маленький Сергей
с братом Павлом (слева)*

*Курсант Торьковского
речного училища*

*С историко-и-
краевого.и
В.Персигски.и*

Акварель С. Жукова.

С. Жуков. Песнь о Ветлуге. Акварель. 1998 г.

На поэтической вечере в Центральной библиотеке

Аquareль С. Жукова. 1999 г.

*Выступление на сцене
Дома культуры
и.и. Чкалова*

*Людмила С. Жукова.
1999 г.*